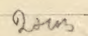
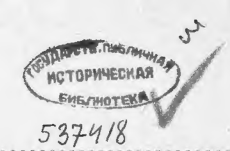
ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ПОЛКА.

ТОМЪ I.

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике.  Троицкая улица, домъ № 18.
1892.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Ноября 1892 г.

Державному Вождю

Русской арміи

съ благоговѣніемъ

посвящаютъ

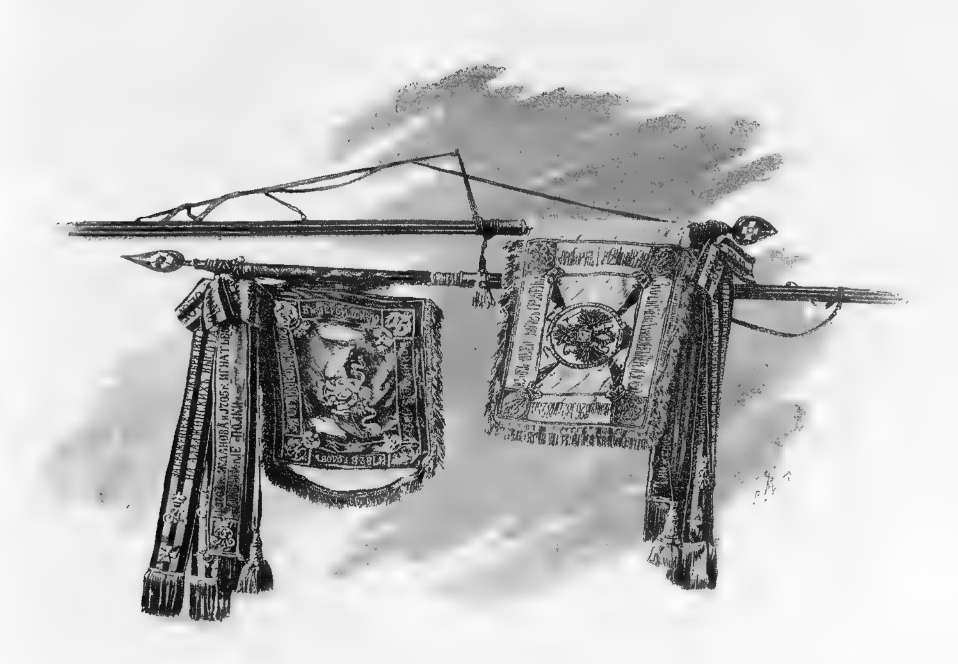
НИЖЕГОРОДСКІЕ ДРАГУНЫ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Картины, карты и планы.

ИСТОРІЯ

44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.



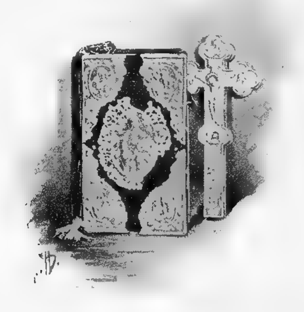
Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка есть повѣствованіе о жизни и дѣятельности одного изъ старѣйшихъ полковъ русской арміи. Онъ былъ сформированъ Петромъ въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка, и живымъ памятникомъ того отдаленнаго времени остались современные основанію полка крестъ и св. евангеліе—священныя реликвіи, никогда не разлучавшіяся съ полкомъ и служившія ему хранительнымъ талисманомъ среди военныхъ тревогъ и опасностей.

Двухсотлѣтнее боевое поприще Нижегородскаго полка отмѣчено такимъ длиннымъ рядомъ подвиговъ, что Русскіе Государи давно исчерпали для него всѣ знаки отличій, установленные за военныя доблести, и Имъ, Самодержцамъ великаго сто-милліоннаго народа, не осталось ничего болѣе, какъ повелѣть вписать въ списки полка свое Августѣйшее Имя, даруя тѣмъ право Нижегородцамъ именовать своего Монарха своимъ однополчаниномъ.

Величественнымъ и характернымъ наружнымъ отличіемъ Нижегородскаго полка отъ другихъ въ настоящее время служитъ его послѣдняя боевая награда: штандарты съ широкими георгіевскими лентами и съ орденскими знаками на нихъ св. Георгія 1-го класса. Такой награды, кромѣ Сѣверцевъ, не имѣетъ ни одинъ русскій полкъ (1).

Всматриваясь въ длинную историческую панораму боевой жизни Нижегородцевъ, невольно изумляешься великому значенію того, что зовется «духомъ полка». Какъ нѣкогда священный огонь въ храмѣ Весты, преемственно охранялась и передавалась новымъ поколѣніямъ Нижегородцевъ эта нравственная сила,—для нихъ никогда выбора между смертью и побѣдой не было. И что всего замѣчательнѣе, этотъ духъ слагался не постепенно, по мѣрѣ роста полка; онъ возникъ въ первые же дни его существованія, стоялъ у его колыбели такимъ же мощнымъ, такимъ же великимъ, какимъ его застаютъ позднѣйшія поколѣнія. Въ теченіе двухвѣковой исторической жизни Нижегородцы постоянно были въ передовыхъ войскахъ, которымъ родина ввѣряла свои самые дорогіе, священные интересы—и всѣ эти двѣсти лѣтъ полкъ не зналъ неудачи въ бояхъ.

Исторія Нижегородскаго полка есть свѣтлая, увлекательная военная эпопея, въ которой славные дѣды оставили намъ величавые примѣры доблести и непоколебимой вѣрности долгу и родинѣ.



I.

На поляхъ Ингерманландіи.

(1701—1704).

Полкъ Морелія.— Старинный походъ.— Стоянка въ Ладогѣ. — Духъ и преданія древняго Новгорода въ полку.— Драгуны внѣ строя и ихъ конный строй.— Война въ Ингерманландіи.— Дудергофское поле.— Осада древняго Орѣшка.— Съ Петромъ при устьяхъ Невы.— Послѣ морской побѣды.— Крѣпость Петра и Павла.— Осада Нарвы.— Кавалерійскій бой у Везенберга.— Штурмъ Нарвы.— Зима въ Ямбургѣ.— Боевой опытъ полка.

Нижегородскій драгунскій полкъ появляется на сценѣ военной исторіи въ одинъ изъ величайшихъ и трагичнѣйшихъ моментовъ государственной жизни Россіи. Начиналась Великая Сѣверная война. Молодая русская армія съ первыхъ же шаговъ оказалась безсильною противъ закаленныхъ,

испытанныхъ солдатъ Карла XII и понесла рѣшительное пораженіе подъ Нарвой. Русская конница, не искушенная въ бояхъ, бросилась вплавь черезъ рѣчку Нарову, не дождавшись даже нападенія непріятеля; пѣхотные полки, охваченные паникой, бѣжали, оставивъ шведамъ всю артиллерію и обозы. Одни лишь стройные гвардейскіе полки дали отпоръ и прикрыли постыдное бѣгство остальныхъ, слагавшихъ всю вину на своихъ начальниковъ, большею частію иноземцевъ ([1]).

Передъ Петромъ всталъ одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависятъ судьбы государствъ. Война была объявлена имъ «за многія его, короля свейскаго, къ нему, великому государю, неправды» ([2]). Но «неправды» тѣ не были дѣломъ лично Карла XII. Онѣ были проявленіемъ все того же вѣкового стремленія ревнивыхъ сосѣдей Московскаго государства навѣки оттѣснить великое русское племя отъ моря, отъ участія во всемірно-исторической жизни. И геніальному русскому царю приходилось теперь или отказаться отъ защиты священнѣйшихъ правъ своего народа, или создать силу, способную противостать силѣ шведовъ. Выбора не могло быть для Петра. Необходимость стойкой, дисциплинированной арміи была очевидна,—и Петръ, въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ къ одной и той же великой цѣли, приказалъ сформировать 12 новыхъ драгунскихъ полковъ, которые могли бы дѣйствовать и какъ пѣхота, и какъ конница, смотря по надобности ([3]).

И вотъ, въ то время какъ Голицынъ набиралъ въ Украйнѣ десять полковъ, новогородскій воевода окольничій Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ формировалъ остальные два изъ сотенныхъ гусаръ, копейщиковъ и рейтаръ въ новогородскихъ пятинахъ и сосѣднихъ Новгороду областяхъ ([4]). Въ числѣ этихъ-то двухъ полковъ, названныхъ, по обычаю того времени, по именамъ своихъ командировъ полками Морелія и Девгерина, — первый и былъ тотъ, который нѣсколькими годами позже получилъ названіе «*Нижегородскаго*» ([5]).

Къ лѣту 1701 г. полки, набранные въ Украйнѣ, дѣйствовали уже въ Лифляндіи, ставшей на тотъ моментъ главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, а наши новгородскіе полки были назначены въ составъ корпуса Апраксина, который наблюдалъ за шведскимъ отрядомъ генерала Крангіорта, прикрывавшаго съ береговъ Ніази и Ижоры Ингерманландію. Въ іюлѣ 1701 г. они шли въ Ладогу.

Современный кавалеристъ съ трудомъ представитъ себѣ это движеніе

только-что формируемыхъ, неустроенныхъ полковъ начала XVIII вѣка. «Люди», какъ писалъ царю фельдмаршалъ Шереметевъ, видѣвшій ихъ на пути, «шли пѣши, и изъ начальныхъ людей не было среди нихъ никого, кто бы зналъ строй драгунскій» ([6]). Лошади, разномастныя и разнокалиберныя, набранныя съ населенія, гнались отдѣльно табунами. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ другое донесеніе Шереметева, писавшаго въ октябрѣ того же года: «Изъ писемъ Петра Матвѣевича (Апраксина) видно, что лошади не на рукахъ были у драгунъ, а предполагалось ихъ гнать табунами въ Ладогу, когда подойдетъ походъ...» ([7]). Въ распорядкѣ нашихъ конныхъ полковъ очевидно отсутствовало главное условіе ихъ силы — единеніе человѣка съ лошадью. И Шереметевъ, прекрасно понимавшій всю опасность такого порядка дѣлъ, писалъ къ государю: «А кабы тѣ лошади розданы были по рукамъ, и кормили бъ драгуны тѣхъ лошадей всякъ свою изъ рукъ на постоялыхъ дворахъ, какъ у меня, и тѣбъ лошади были не таковы, каковы онѣ нынѣ, и упадку бъ въ нихъ, чаю, не было, и къ походу были бъ прочны...» ([8]).

Факты — то состояніе, въ какомъ полки Морелія и Девгерина пришли въ Ладогу — какъ нельзя лучше оправдывали эти соображенія. Вотъ что приходилось писать тому же Шереметеву не далѣе, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1701 года: «Въ драгунскихъ полкахъ много не достаетъ людей, да и лошадей почти нѣтъ, а гдѣ онѣ на корму, тамъ поморены, и не только на нихъ идти въ походъ, отчего Боже сохрани, но если бъ былъ приходъ непріятеля къ Новгороду, то и отпора дать не начемъ...» ([9]).

Были и общія причины неустройства молодого войска помимо тѣхъ, на которыя ссылался Шереметевъ,— именно отсутствіе кадровъ, опытныхъ инструкторовъ и офицеровъ, знающихъ драгунскую службу, на что сами сподвижники Петра указывали царю безъ прикрасъ и часто съ грубой откровенностью. Шереметевъ отмѣчаетъ у себя въ украинскихъ полкахъ даже недостатокъ способныхъ полковыхъ командировъ.

«Въ полкахъ драгунскихъ», пишетъ онъ царю: «плохи полковники: Федоръ Новиковъ старъ и увѣченъ; князь Иванъ Львовъ старъ и вконецъ бѣденъ, и несносно ему полкомъ править; третей, князь Никита Мещерскій—сухотная болѣзнь, а Ефимъ Гулицъ — то лучше бъ ему быть у пѣхоты; Михайло Ждановъ всемѣрно и несносно дѣло свое правитъ. А есть такіе люди, отчасти и порохомъ окуренные, и прожиточные — не стыдно быть въ полковникахъ. Если случитца сойтитца, также какъ и

въ прошломъ году подъ Ригою, съ саксонскими войсками, чтобъ не стыдно было и полковниками назватца, и было-бъ около его уборно, какъ сбруею, такъ и въ лошадяхъ...».

Въ другомъ письмѣ Шереметевъ пишетъ опять: «У князя Никиты Мещерскаго надлежитъ быть изъ иноземныхъ полковнику, а онъ, князь Никита, хотя и достоинъ той чести, и сердца добраго, только не его дѣло...». Нужно думать, что Петръ отлично понималъ и безъ донесеній недостатки своего молодого войска, и потому на послѣднее письмо отвѣчалъ уже не безъ нѣкоторой досады: «Князь Никита такой же, какъ и другіе,— ничего не знаютъ...» ([10]).

Къ этому довольно длинному списку прибавилъ и Апраксинъ еще одного — именно Девгерина, который, по его словамъ, «думалъ только о грабежахъ и своихъ прибыткахъ» ([11]). Изъ двѣнадцати полковыхъ командировъ, такимъ образомъ, шестеро не удовлетворяли самымъ скромнымъ требованіямъ.

Печальныя внѣшнія условія мѣшали стройному развитію военной жизни и того полка, который составляетъ предметъ нашей исторіи. Но въ немъ, въ его внутреннемъ складѣ, таились элементы высокой нравственной силы — источники того духа, отъ котораго зависитъ побѣда, и безъ котораго всякое войско, при самомъ лучшемъ матеріальномъ устройствѣ, становится безсильной, безжизненной массой. Какъ вообще въ конныхъ полкахъ того времени, въ полку Морелія было много помѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, выходившихъ на службу вмѣстѣ съ своими слугами; въ немъ собрались земляки, нерѣдко близкіе сосѣди, связанные между собою сословными и иными разнообразными интересами. Потомки исторически-знаменитой новгородской вольницы, прожившей цѣлые вѣка среди военныхъ бурь, приходившихъ съ запада и сѣвера, они были нравственно сильны своими неумирающими историческими воспоминаніями. Борьба, происходившая передъ ними, имѣла для нихъ особенный смыслъ: ея театромъ были тѣ самыя поля, гдѣ издавна лилась кровь новогородцевъ, гдѣ древніе новогородскіе князья, и среди нихъ величавый герой русскаго сѣвера, святой Александръ Невскій, полагали начало тому самому великому дѣлу, которому предстояло завершиться теперь. И какъ ни бѣдны данныя о внутренней полковой жизни тѣхъ временъ, мы легко представимъ себѣ, чѣмъ интересовались, что говорили, какими чувствами волновались новогородскіе люди въ ихъ бивуачной жизни въ Ладогѣ. Слухи о подви-

гахъ товарищей, дравшихся въ Литвѣ, жажда участія въ борьбѣ — вотъ что́ въ тѣ моменты придавало ихъ жизни смыслъ и значеніе. Естественно, что люди должны были родниться духовно, сплачиваться, проникаться одними и тѣми же стремленіями; въ полку возникалъ высокій строй духовной жизни—основаніе для будущихъ полковыхъ преданій.

Въ Ладогѣ полкъ Морелія простоялъ около года. Тамъ онъ окончательно и сформировался. Это былъ большой конный полкъ въ тысячу коней, раздѣленный на десять фузелерныхъ ротъ. Нужно думать, что въ теченіе этого года онъ много выигралъ и въ чисто строевомъ отношеніи, подучился и устроился. «Безъ драгунъ мнѣ быть не можно, потому что безъ нихъ у меня *стройнаго* полка ни одного не будетъ», писалъ Апраксинъ къ царю (12), явно относя полкъ Морелія къ числу этихъ стройныхъ. И какъ мы видѣли, въ числѣ полковниковъ, «которые плохи»,—Морелій, дѣйствительно, названъ не былъ.

Читателю не безъинтересно будетъ представить себѣ тогдашній драгунскій полкъ, какимъ онъ являлся дома и на войнѣ. Въ тѣ времена драгунъ былъ одѣтъ въ синій однобортный кафтанъ до колѣнъ, застегнутый только у пояса, или на всѣ пуговицы, смотря по времени года, и подъ нимъ лосинный камзолъ, напоминающій покроемъ нынѣшній кавказскій бешметъ; вмѣсто воротника у кафтана была узкая оторочка краснаго цвѣта, и такого же цвѣта были подбой на кафтанѣ, канты, оторочки у петель и широкіе разрѣзные обшлага, изъ-подъ которыхъ виднѣлись манжеты рубашки; на шеѣ — черный, повязанный широкимъ бантомъ, галстухъ. Лосинные панталоны и сапоги съ раструбами и желѣзными шпорами, въ родѣ нынѣшнихъ ботфортовъ, употреблялись только въ строю, а въ домашнемъ быту драгуны носили чулки и башмаки, какъ и пѣхотинцы. Костюмъ завершала небольшая треугольная шляпа, обшитая по краямъ бѣлой тесьмою; а изъ-подъ этой шляпы оригинальными прядями падали на плечи длинные волосы. Внѣ службы шляпу замѣнялъ картузъ, на манеръ нынѣшнихъ драгунскихъ шапокъ, съ откидными лопастями, которыя спускались во время ненастья. Верхней одеждой драгуна была епанча изъ темнозеленаго сукна съ каразейнымъ подбоемъ, застегивавшаяся мѣднымъ крючкомъ, и имѣвшая узкій отложной воротникъ съ небольшимъ капюшономъ. Но она была только до колѣнъ и такъ узка, что служила лишь слабою защитою отъ дождя и стужи.

Вооруженіе драгуна было просто и цѣлесообразно. Поверхъ кафтана

крестъ-на-крестъ надѣвались двѣ широкія лосинныя перевязи, изъ которыхъ на одной висѣла лядунка, а къ другой, какъ къ панталеру, прикрѣплялось ружье. Широкій палашъ, нерѣдко съ вычурной рукояткой, висѣлъ на поясной портупеѣ, а при сѣдлѣ, въ открытой чушкѣ, былъ пистолетъ. Если къ этому прибавить еще штыкъ или байонетъ, то вотъ и все оружіе тогдашняго драгуна. Маленькій, по большей части татарскаго склада, конь, управляемый легкой уздечкой, сѣдлался довольно громоздкимъ нѣмецкимъ или шведскимъ сѣдломъ. Къ задней лукѣ приторачивались переметныя сумы, а съ боку — оригинальность тогдашняго времени — прикрѣплялись топоръ, кирка и лопата ([13]).

Таковъ былъ русскій драгунъ начала XVIII вѣка. Впрочемъ, финансовыя обстоятельства, создаваемыя тяжелою войною, вынуждали къ частымъ и болѣе или менѣе рѣзкимъ отступленіямъ отъ этой формы. Кафтаны, смотря по тому, что было въ рукахъ комиссаріата, а нерѣдко просто по вкусу полковыхъ командировъ, превращались въ черные, зеленые или бѣлые. Случалось даже, что одна и та же рота неурядливо пестрѣла одновременно всѣми цвѣтами. Еще большее разнообразіе встрѣчалось въ вооруженіи. Въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же полку были и палаши, и шпаги, и сабли, даже копья, а не то и байонеты на длинныхъ древкахъ; на ряду съ шведскими ружьями попадались старинныя фузеи, карабины и пистолеты всевозможныхъ сортовъ и видовъ ([14]).

Надъ этою пестрою толпою, на громоздкихъ пяти-аршинныхъ древкахъ синяго цвѣта, оканчивавшихся золочеными копьями, рѣяли не менѣе пестрыя, не менѣе разнообразныя знамена. Лишь одно изъ нихъ, полковое — штофное, бѣлаго цвѣта, украшенное по краямъ золотою или шелковою бахромою — имѣло строго опредѣленную форму. Не было на немъ тогда ни государственнаго герба, ни царскаго вензеля, а на огромномъ, почти саженномъ полотнищѣ его сплетались золотымъ кольцомъ двѣ пальмовыя вѣтви, внутри которыхъ изображался обнаженный мечъ въ рукѣ, выходящей изъ облакъ; внизу подо всѣмъ этимъ—крестъ Андрея Первозваннаго. Знамя это принадлежало всегда первой ротѣ; въ остальныхъ же девяти знамена были разной величины, различныхъ цвѣтовъ и произвольныхъ рисунковъ ([15]).

Замѣчательною чертою въ обмундированіи войскъ петровскаго времени было то, что всѣ они одѣты были почти одинаково. Полки ничѣмъ не отличались другъ отъ друга, и даже не было рѣзкаго различія между

офицерами и нижними чинами. Офицеры носили тѣ же шляпы, тѣ же кафтаны, и лишь вызолоченныя пуговицы, узкій золотой галунъ, оторачивавшій края портупеи, да мѣдныя шпоры вмѣсто желѣзныхъ нѣсколько выдѣляли ихъ изъ массы солдатъ.

Впрочемъ, послѣднее было только внѣ службы; но дѣло рѣзко измѣнялось, какъ только полки выходили въ строй. Офицеръ, стоявшій на конѣ передъ рядами солдатъ, невольно бросался въ глаза великолѣпнымъ убранствомъ сѣдельнаго убора: уздечки съ мѣдными вызолоченными бляхами, чепраки и пистолетныя чушки изъ сукна и даже бархата, затѣйливая роскошь покроя, яркость цвѣтовъ, и украшенія, предоставляемыя произволу каждаго,—громко говорили о полковомъ значеніи всадника. Не менѣе ясно выдѣлялись въ строю и унтеръ-офицеры, отличія которыхъ обусловливались уже ихъ прямыми служебными обязанностями. Въ длинномъ строѣ роты, среди солдатъ съ опущенными въ бушматы ружьями, попадались такіе же солдаты, но уже безъ ружей и безъ панталеровъ. Это были—вахмистръ или одинъ изъ четырехъ капраловъ. Въ рукахъ подпрапорщика нерѣдко развѣвалось большое ротное знамя, фурьеръ возилъ значокъ, а на каптенармусѣ виднѣлась особая сума съ запасными патронами (16).

Наконецъ, въ общей картинѣ полкового строя характерными фигурами являлись его музыканты. Стариною отзывались въ рукахъ трубачей ихъ длинныя, мѣдныя трубы, украшенныя суконными завѣсами, на которыхъ встрѣчались священныя изображенія: нерукотворный образъ Спасителя, ликъ Богоматери и т. п. Такія трубы, напоминавшія нѣчто библейское, употреблялись въ русскихъ войскахъ, подъ именемъ «трубъ ратнаго строя», еще въ XVI и XVII вѣкахъ. Впереди трубачей ѣхали въ рядъ конные барабанщики, а во главѣ всѣхъ — полковой литаврщикъ въ кафтанѣ, обложенномъ по бортамъ тесьмою трехъ цвѣтовъ — бѣлаго, синяго и краснаго; онъ везъ тяжелыя латунныя литавры, которыя, также какъ и трубы, были украшены занавѣсами, обшитыми вокругъ золотымъ галуномъ и длинной бахромою (17).

Въ общемъ, конный полкъ, созданный Петромъ, уже не напоминаетъ собою русской старинной толпы иррегулярныхъ всадниковъ; но, вглядѣвшись поближе въ детали устройства его, невозможно было не замѣтить въ немъ еще остатковъ старины, отраженія родного строя жизни, русскихъ привычекъ и обычаевъ.

Въ началѣ августа 1702 года корпусъ Апраксина получилъ приказаніе начать военныя дѣйствія противъ Крангіорта. Выступивъ изъ Ладоги, Апраксинъ переправился черезъ рѣчку Назью, изливающуюся въ Ладожское озеро, сбилъ расположенные на ней шведскіе передовые посты и направился къ устьямъ Невы, гдѣ стоялъ Крангіортъ. На пути его лежалъ рядъ небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Неву, и на каждой изъ нихъ шведы пытались оказывать сопротивленіе. На Тоснѣ русскіе встрѣтили городокъ съ тремя пушками, устроенный Крангіортомъ съ цѣлью воспрепятствовать имъ переправу. Городокъ былъ взятъ, и шведы бѣжали, преслѣдуемые до самой Ижоры конными полками Апраксина, среди которыхъ былъ и полкъ Морелія. На Ижорѣ стояла знаменитая въ свое время Ижорская мыза; но и она не представила серьезнаго препятствія — полки Апраксина немедленно овладѣли и ею ([18]).

Въ тѣ времена война носила по необходимости характеръ жестокій и страшный. Вступая во вражескую землю, войска опустошали ее до тла, чтобы лишить непріятеля средствъ и источниковъ жизни въ его собственныхъ владѣніяхъ. Лифляндія была разорена, пока корпусъ Апраксина стоялъ еще въ Ладогѣ, и теперь печальная участь наступала для Ингерманландіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ свою задачу Апраксинъ. И путь русскихъ войскъ отъ самой Назьи и до рѣки Ижоры обозначился страшными опустошеніями. «По указу твоему», писалъ Апраксинъ царю, «я рѣкою Невою до Тосны и самой Ижорской земли прошелъ, все разорилъ и развоевалъ отъ рубежа верстъ на сто, и стою на Тоснѣ, невдалекѣ отъ Канецъ... Крангіортъ со всѣми войсками стоитъ на мызѣ Дудеровщинѣ, верстахъ въ 35 отъ насъ, куда мы и пойдемъ на него съ Божіею помощію» ([19]).

Оказалось, однако, что Апраксинъ не проникъ въ намѣренія Петра, который, рѣшившись овладѣть Ингерманландіею навсегда, смотрѣлъ на нее уже какъ на русскую землю. И царь, благодарившій Шереметева за дѣйствія въ Лифляндіи, горячо попенялъ Апраксину за опустошеніе Ингерманландіи ([20]). Апраксинъ поспѣшилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы больше чухонскихъ деревень не трогать. Задача его упрощалась: ему предстояло только выгнать изъ края войска Крангіорта.

Послѣ незначительныхъ стычекъ при городкѣ и Ижорской мызѣ, Крангіортъ, приказавъ пѣхотѣ наступать изъ Ніеншканца, нынѣшней Охты, самъ пошелъ на русскихъ съ одною кавалеріей и переправился

съ нею черезъ Ижору. 13 августа противники встрѣтились на берегу этой рѣчки и завязали кровопролитный бой. Шведская пѣхота не подоспѣла къ дѣлу, и конница, совершенно разбитая, бѣжала къ «Дудеровской» мызѣ, нынѣшнему Дудергофу, что́ на военномъ Красносельскомъ полѣ. Шведы потеряли въ этомъ сраженіи около пятисотъ человѣкъ одними убитыми, и оставили въ рукахъ русскихъ обозы и болѣе сотни плѣнныхъ. Русская конница преслѣдовала ихъ до Славянки и здѣсь остановилась. Къ Дудеровщинѣ Апраксинъ не рѣшился идти, опасаясь оставить въ тылу у себя Ніеншканецъ. Но опасенія его были напрасны. Пораженіе, понесенное Крангіортомъ, было такъ сильно, что онъ не могъ уже держаться въ Дудеровской мызѣ и отступилъ въ Финляндію. Задача Апраксина была исполнена ([21]).

Первые подвиги Нижегородцевъ совершены, такимъ образомъ, на той самой землѣ, завоеваніе которой положило основаніе новой жизни нашего отечества. И теперь, когда на обширномъ Красносельскомъ полѣ маневрируютъ войска и пороховой дымъ клубами носится надъ Дудергофомъ, Ковелахтами и сосѣдними деревнями,—въ этомъ дыму воображеніе невольно вызываетъ славныя тѣни прошлаго, тѣни той знаменательной эпохи, когда, среди кровавыхъ сценъ войны, рѣшалась здѣсь участь обширнаго края и полагалось основаніе великому значенію его для государственной жизни Россіи.

Побѣда Апраксина, очистившая Ингрію отъ шведскихъ войскъ, дала Петру возможность приступить немедленно къ завоеванію ея крѣпостей, начавъ съ осады Нотебурга—древняго Орѣшка. Въ сентябрѣ 1702 года въ лагерь Апраксина стали приходить съ этою цѣлью новые полки изъ Новгорода и Пскова. 22 числа прибылъ самъ Петръ и на берегахъ Ніази смотрѣлъ войска, назначенныя для осады ([22]). Нижегородцы увидѣли тутъ въ первый разъ царя передъ своими рядами. Въ военныхъ дѣйствіяхъ полкъ на этотъ разъ, однакоже, не участвовалъ, такъ какъ оставленъ былъ съ корпусомъ Апраксина для наблюденія за шведскими границами. Но шведы не появлялись, и Орѣшекъ былъ взятъ безпрепятственно. Петръ назвалъ его Шлиссельбургомъ, т. е. Ключемъ-городомъ, открывшимъ ему путь къ прибалтійскому прибрежью.

Наступила весна 1703 года, съ полей Ингерманландіи сошли снѣга и для Нижегородцевъ настала эпоха великихъ походовъ, битвъ и неразлучныхъ съ ними трудовъ и опасностей. Изъ исторіи извѣстны быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія, которыми закончилось покореніе

Петромъ Великимъ прибалтійскаго побережья. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ русскіе оставили Шлиссельбургъ и двинулись правымъ берегомъ Невы къ ея устьямъ. Путь былъ труденъ: огромные лѣса, пересѣкавшіеся топкими болотами, наполняли всю мѣстность. При устьѣ Охты, тамъ, гдѣ нынѣ корабельная верфь, стоялъ тогда небольшой земляной городокъ Ніеншканцъ, или, какъ русскіе называли его, Канцы, сторожившій входъ въ Неву съ моря. Вотъ этотъ-то городокъ нужно было теперь взять прежде всего, и Петръ самъ руководилъ осадой. Гарнизонъ не выдержалъ сильнаго бомбардированія и 1-го мая сдался. Занятую крѣпость назвали тогда Шлотбургомъ.

Взятіе Ніеншканца и морская побѣда, одержанная Петромъ на другой день при устьяхъ Фонтанки, близъ нынѣшняго Екатерингофа, праздновались всею Россіею съ особенною торжественностью. «Извольте сіе торжество», писалъ государь въ Москву къ князю Ромодановскому, «отправить хорошенько, и чтобы послѣ соборнаго молебна изъ пушекъ, что на площади, было стрѣлено» ([23]). А къ Федору Апраксину, завѣдывавшему корабельною частью въ Воронежѣ, царь прибавлялъ шутливо: «Не извольте забыть насъ у Ивашки». Безъ этого «Ивашки» ни одна «знатная викторія» въ петровскія времена не обходилась, и Апраксинъ доносилъ, что «на радостяхъ у нихъ въ Воронежѣ начались съ Ивашкою Хмѣльницкимъ бои — и Ивашка пошибъ...» ([24]). Естественно, что въ лагерѣ при самыхъ устьяхъ Невы ликованій было не меньше, и Петръ, извѣщая объ этомъ своихъ сподвижниковъ, не безъ чувства самодовольной радости прибавлялъ въ письмахъ къ нимъ собственноручно: ...«и хотя не достойны, однакожь отъ господъ фельдмаршала и адмирала мы съ господиномъ поручикомъ (Меншиковымъ) учинены кавалерами св. Андрея» ([25]). Войска также были награждены, и Нижегородцы, въ числѣ другихъ войскъ, участвовавшихъ въ осадѣ, получили медали, выбитыя въ память покоренія Ніеншканца — будущаго Петербурга, столицы и резиденціи царя. На одной сторонѣ ея изображено морское сраженіе и рука съ короной и пальмовою вѣтвью, выходящая изъ облакъ; кругомъ надпись: «Небывалое бываетъ». На оборотѣ — планъ крѣпости и сидящій на батареѣ воинъ ([26]).

Прошло недѣли двѣ послѣ этихъ празднествъ, и на одномъ изъ острововъ невскаго устья уже застучали топоры и началась постройка деревяннаго городка. Полагалось начало Петербургу. Такимъ образомъ, Нижегородскому полку выпало на долю исключительное счастіе быть

свидѣтелемъ величайшаго въ восемнадцатомъ вѣкѣ событія, имѣвшаго столь неотразимое вліяніе на историческую роль Русскаго государства.

Событія развивались затѣмъ съ изумительной быстротой. Вслѣдъ за Ніеншканцемъ пало Копорье, за нимъ — Ямбургъ. Въ послѣднемъ городѣ Петръ немедленно заложилъ сильную крѣпость. Такъ какъ постройкой ея торопились, то изъ Пскова привели къ ней цѣлую армію, въ составѣ которой находилось девять драгунскихъ полковъ, сформированныхъ Голицынымъ. Конные полки Апраксина были тутъ уже раньше. Роль Нижегородскаго полка, какъ и всѣхъ другихъ конныхъ полковъ, опредѣлялась самимъ положеніемъ тогдашнихъ дѣлъ. Всюду кругомъ могъ появиться непріятель и разрушить планы Петра, а свѣдѣнія о немъ могли быть доставлены, главнымъ образомъ, только кавалерійскими рекогносцировками,—и кавалерія была въ постоянныхъ разъѣздахъ. «Въ то время, какъ фельдмаршалъ былъ у Ямбурга», писалъ Петръ въ своемъ журналѣ, «посыланы были имъ частыя партіи драгунъ къ Нарвѣ и Иванъ-городу, которые возвращались назадъ съ нарочитымъ авантажемъ; такожды и непріятель отъ Нарвы посылалъ свои партіи къ драгунскимъ полкамъ, которые стояли у Ямбурга, и къ Печорскому монастырю; но тѣ непріятельскія партіи отъ обоихъ тѣхъ мѣстъ возвращались съ убыткомъ» ([27]). Сохранилось положительное извѣстіе объ одной изъ такихъ рекогносцировокъ, произведенной «съ нарочитымъ авантажемъ» именно нашимъ Нижегородскимъ-Морелія полкомъ. «Господинъ полковникъ Морелій», писалъ нѣкто Юреневъ, «произвелъ меня въ капралы, и былъ я въ командировкѣ въ партіи съ поручикомъ Лаптевымъ, и взяли мы шведскаго капитана, ходившаго въ Нарву шпіономъ, и за то дано намъ царскаго величества жалованья по рублю» ([28]). Къ августу Ямбургская крѣпость была готова, и Шереметевъ съ главными силами двинулся опять опустошать Ливонію, а корпусъ Апраксина остался прикрывать Ингерманландію. Нижегородскій полкъ, попрежнему входившій въ составъ этого послѣдняго корпуса, расположился на зимовыя квартиры въ Ямбургѣ ([29]).

Съ уходомъ Шереметева для Нижегородскаго полка настало скучное и печальное время. Всѣ лучшія лошади были отобраны отъ него и переданы въ армію, назначенную дѣйствовать въ Лифляндіи, а между тѣмъ опасность грозила и самому Ямбургу: всего въ 20 верстахъ отъ него стояла сильная шведская крѣпость Нарва, откуда ежеминутно могъ появиться непріятель. Апраксинъ жаловался Петру, что не сможетъ удержать поста,

«ибо конница зѣло плоха» ([30]). Но царь ничего не могъ подѣлать съ этимъ горемъ и оставилъ безъ отвѣта жалобы своего окольничаго. Къ счастію, зима прошла спокойно.

Надо сказать, что въ эту самую зиму произошла небольшая, но не лишенная значенія перемѣна въ организаціи полка: была приформирована къ нему одиннадцатая, такъ называемая гренадерская, рота, отличавшаяся отъ другихъ оригинальной высокой шапкой, напоминавшей спереди нынѣшнюю павловскую гренадерку, а съ боку и сзади — классическіе шлемы древнихъ народовъ. Рота эта имѣла особое спеціальное назначеніе. Въ конномъ строю она могла дѣйствовать, какъ вся кавалерія, а въ пѣшемъ — разсыпалась и поражала непріятеля ручными гранатами, которыя каждый гренадеръ имѣлъ при себѣ въ особой, надѣтой черезъ плечо, сумѣ. Черезъ плечо же, а не въ бушматѣ, рота возила и ружья, чтобы они, при спѣшиваніи, не мѣшали дѣйствовать метательными снарядами ([31]). Нужно думать также, что въ теченіе зимы и конскій составъ Нижегородскаго полка значительно былъ улучшенъ,—по крайней мѣрѣ весною 1704 года мы видимъ полкъ уже въ походѣ подъ Нарву.

Военныя дѣйствія вынудили тогда раздѣлить всю дѣйствующую армію на три части: Шереметевъ съ главными силами изъ Пскова направлялся къ Дерпту, Петръ съ отдѣльнымъ корпусомъ готовился осадить Кексгольмъ, а Апраксинъ долженъ былъ наблюдать за Нарвой и пресѣчь сообщенія крѣпости съ моремъ. Какъ Шереметевъ, такъ и Петръ далеко превосходили своими силами то, что могъ противопоставить имъ непріятель; но положеніе Апраксина было совершенно иное: въ тылу у него стояла крѣпость, снабженная сильнымъ и предпріимчивымъ гарнизономъ, а спереди надвигался непріятельскій флотъ, намѣревавшійся прорваться сквозь русскія батареи, заграждавшія ему путь къ крѣпости. Уже въ самый тотъ день, 26 апрѣля, когда Апраксинъ подошелъ къ морю, при устьѣ Наровы стояли девять шведскихъ морскихъ судовъ, пришедшихъ наканунѣ. Появленіе отряда было для нихъ совершенною неожиданностью; они ничего не знали о его приближеніи и пропустили удобный моментъ перевезти въ крѣпость солдатъ и продовольствіе. Попытка ихъ пробиться силой также не удалась: два корабля, двинувшіеся было въ Нарову съ пушечною пальбою, встрѣчены были такимъ жестокимъ огнемъ съ нашихъ батарей, что поспѣшили удалиться въ море. Въ отрядѣ Апраксина были тогда и убитые, и раненые ([32]).

Но вотъ подошли новые шведскіе корабли, и положеніе Апраксина усложнилось. Цѣлыя двѣ недѣли стояла шведская флотилія въ виду нашего отряда, и цѣлыя двѣ недѣли Нижегородцы, вмѣстѣ съ полкомъ Девгерина, только и дѣлали, что сновали по морскому берегу и по дорогамъ къ Нарвѣ и Ревелю. Дѣятельность ихъ была не безуспѣшна. «Драгуны», доносилъ Апраксинъ Петру, «безпрестанно разбиваютъ непріятельскіе патрули и караулы, мѣшаютъ мелкимъ высадкамъ и не даютъ ничего выгружать на берегъ» ([33]).

Обстоятельства, однако, скоро стали еще сложнѣе. Къ устьямъ Нарова подошла 12 мая другая шведская эскадра, съ дессантными войсками, и передъ русскимъ лагеремъ развернулись въ линію десять бригантинъ и пять линейныхъ кораблей, изъ которыхъ каждый имѣлъ отъ 28 до 30 орудій. Началась жестокая канонада. Къ счастію въ морѣ была сильная качка, и шведскій огонь не наносилъ намъ почти никакого вреда. Шведы заключили, что сбить русскія батареи невозможно, и флотъ ихъ отошелъ и сталъ въ открытомъ морѣ.

Надо было, однако, ожидать новаго бомбардированія, которое могло окончиться для насъ далеко не такъ счастливо, какъ первое. «Будемъ держаться, какъ можно», доносилъ Апраксинъ Петру; но онъ прибавлялъ, что отрядъ его слабъ, и конницы весьма недостаточно. Послѣднее обстоятельство, не позволявшее Апраксину высылать значительныя кавалерійскія партіи на дальнія разстоянія, было причиной, что шведы, выбравъ удобное время, высадили на берегъ и скрытно провели на этотъ разъ въ Нарву 600 человѣкъ. Въ лагерѣ узнали объ этомъ, но поздно. Нижегородцы и полкъ Девгерина кинулись было въ погоню, но шведовъ настичь не могли ([34]). Шведскій флотъ между тѣмъ отошелъ къ Ревелю и высадилъ остальной дессантъ около этой крѣпости, гдѣ стоялъ тогда Шлиппенбахъ, готовый выступить на помощь къ Нарвѣ. Событія получали настолько тревожный характеръ, что Петръ отложилъ осаду Кексгольма и 30 мая явился подъ Нарву съ гвардіей и съ пѣхотною дивизіей Рѣпнина; за нимъ подошли еще четыре драгунскіе полка: одинъ, полковника Ренне, изъ Петербурга, и три изъ Пскова ([35]).

Въ ожиданіи прибытія осадныхъ орудій, которыя везлись изъ Шлиссельбурга, пѣхота стала лагеремъ, а кавалерія обложила Нарву по обѣ стороны рѣчки Наровы: четыре драгунскіе полка, пришедшіе съ Петромъ, раскинули свои посты на лѣвомъ берегу противъ самой крѣпости, а полки

Апраксина — на правомъ, противъ Ивангородскаго замка ([36]). Но держа блокадную линію, кавалерія вмѣстѣ съ тѣмъ должна была слѣдить и за войсками Шлиппенбаха, которыя своимъ появленіемъ могли въ значительной степени замедлить наши осадныя работы. Говорили, что войска эти уже выступили изъ Ревеля. Князь Меншиковъ взялъ по двѣ роты отъ каждаго драгунскаго полка (въ томъ числѣ отъ Нижегородскаго) и произвелъ съ ними большую рекогносцировку по ревельской дорогѣ. Прошли верстъ 30, и вернулись, не встрѣтивъ нигдѣ ни одного непріятельскаго солдата ([37]). Тогда, чтобы выманить изъ крѣпости хоть часть гарнизона и разбить его въ полѣ, Петръ предпринялъ военную хитрость. Часть царскаго войска, переодѣтая шведами и съ шведскими же знаменами, отведена была ночью верстъ за восемь отъ лагеря, и утромъ начала оттуда наступленіе къ Нарвѣ. Для отраженія мнимаго непріятеля вышли всѣ остальныя русскія войска, стоявшія подъ Нарвой, и, «сошедшись, учинили между собою фальшивый бой изъ пушекъ и ручнаго ружья». Нижегородцы и полкъ Девгерина, оставленные подъ Иванъ-городомъ, дополняли спектакль въ качествѣ зрителей. «Мнимые шведы», разсказываетъ Петръ: «стрѣляли строемъ исправно по шведскому обыкновенію, только такъ, что ядра перелетали черезъ, а русскіе палили зѣло не порядочно, безстройно и нарочито мѣшались, будто необычные люди. Было той стрѣльбы съ обѣихъ сторонъ съ полтора часа. Потомъ русскіе стали отступать отъ мнимаго Шлиппенбаха; въ обозѣ незапно стали снимать палатки, впрягать лошадей и обнаружили смятеніе»...

Вся эта комедія разыграна была такъ натурально, что комендантъ крѣпости, не подозрѣвая обмана, выслалъ часть гарнизона, чтобы помочь своимъ захватить царскій обозъ и лагерь. Къ сожалѣнію, въ надеждѣ грабежа, вмѣстѣ съ войсками вышло множество гражданъ и даже женщинъ и дѣтей. Тогда мнимый Шлиппенбахъ вдругъ обратился на шведовъ. Въ смятеніи бросились они бѣжать, но обратный путь уже былъ отрѣзанъ новымъ русскимъ отрядомъ, стоявшимъ до тѣхъ поръ въ засадѣ. Болѣе четырехсотъ шведовъ и не малое число дѣтей и женщинъ, потерявшихъ голову среди ужасовъ рукопашной свалки, погибло; въ плѣнъ взято 46 человѣкъ. Въ московскомъ войскѣ тѣмъ болѣе смѣялись этому «машкераду», что потеряли всего четырехъ драгунъ. «Такъ господамъ шведамъ», записалъ въ своемъ журналѣ Петръ, «поставленъ былъ зѣло преизрядный носъ» ([38]).

Отъ плѣнныхъ узнали между тѣмъ, что настоящій Шлиппенбахъ съ

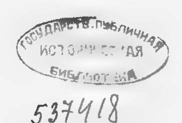
трехтысячнымъ отрядомъ передвинулся изъ Ревеля къ Везенбергу и ожидаетъ только прибытія рейтаръ изъ Риги, чтобы идти для освобожденія Нарвы. Извѣстіе это было чрезвычайно важно. Нужно было во что бы то ни стало помѣшать этому наступленію шведовъ. И въ ту же ночь Нижегородскій драгунскій полкъ, смѣненный подъ Иванъ-городомъ пѣхотою, перешелъ въ главный лагерь, а отсюда, вмѣстѣ съ остальными драгунскими полками, подъ общею командою полковника Ренне, выступилъ по ревельской дорогѣ. Къ отряду прибавлена была еще часть пѣхоты, посаженной на телѣги. Отряду приказано было ударить на обозъ Шлиппенбаха и «чинить при помощи Божіей воинскій промыселъ, какъ потребуетъ случай» ([39]).

Ренне быстро достигъ Везенберга и 15 іюня атаковалъ Шлиппенбаха у Лезны. Шведы бились мужественно, но, смятые драгунами, не могли устоять и почти всѣ были уничтожены. Шлиппенбахъ бѣжалъ въ Ревель не болѣе какъ съ двумя стами всадниковъ, и даже верховая лошадь его осталась въ рукахъ русскихъ ([40]).

Драгуны взяли двѣ пушки и 60 человѣкъ плѣнныхъ; все остальное легло подъ ударами ихъ палашей и подъ штыками подоспѣвшей пѣхоты. Погромъ шведовъ былъ полный, и Ренне доносилъ Петру категорически, что Шлиппенбахъ явиться въ поле болѣе не можетъ. Петръ отвѣчалъ производствомъ Ренне въ генералъ-маіоры ([41]).

Когда кавалерія наша вернулась изъ этой экспедиціи, въ русскій лагерь прибылъ фельдмаршалъ Огильви, назначенный командовать всѣми войсками подъ Нарвою. По случаю его пріѣзда Петръ сдѣлалъ войскамъ большой парадъ, въ которомъ участвовали и Нижегородцы. Огильви не замедлилъ сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ блокадной линіи: къ Иванъ-городу придвинута была пѣхота Апраксина, а всѣ драгунскіе полки, подъ командой генерала Ренне, расположились при Вайварѣ для отраженія шведовъ, если бы тѣмъ вздумалось дать помощь осажденной крѣпости ([42]). Съ этихъ поръ Нижегородскій полкъ выходитъ изъ-подъ начальства Апраксина и передъ нимъ развертывается болѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ охрана пустынной Ингерманландіи.

Наступилъ Іюль. Царь, уѣзжавшій изъ-подъ Нарвы къ войскамъ Шереметева, вернулся 17-го числа, и вслѣдъ за тѣмъ по русскому лагерю пронеслась радостная вѣсть о новой побѣдѣ, одержанной имъ въ Ливоніи: Дерптъ, старинный нашъ Юрьевъ, былъ взятъ штурмомъ и весь гарнизонъ



его сдался военноплѣннымъ. Осажденной Нарвѣ теперь нечего было ожидать помощи извнѣ, а между тѣмъ къ ней приближалась вся армія Шереметева. Драгунскіе полки его, опередившіе пѣхоту, уже расположились позади отряда генерала Ренне, продолжавшаго стоять у Вайвары, съ тѣмъ чтобы удержать шведовъ отъ всякой помощи осажденнымъ. Петръ, желавшій обезпечить себя отъ всякой случайности, требовалъ отъ Ренне неусыпной бдительности, — и кавалерія Ренне оказалась на высотѣ своей задачи. Въ сказкахъ Нижегородскаго драгунскаго полка есть много указаній на дѣятельность нашихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ въ эту пору подъ Нарвою, хотя, къ сожалѣнію, ни одна изъ нихъ не передаетъ никакихъ подробностей, за исключеніемъ сказки прапорщика Юрія Арбузова. Что касается послѣдней, то смыслъ ея совершенно опредѣлененъ и ясенъ. «Былъ я», говоритъ въ ней Арбузовъ, «въ партіи съ поручикомъ княземъ Василіемъ Крапоткинымъ подъ Нарвою, и за взятіе въ той партіи въ полонъ непріятельскихъ людей, дано мнѣ отъ Царскаго Величества жалованья десять рублей». Размѣръ денежной награды, по тогдашнему времени довольно крупный, свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой важности поиска.

20 Мая къ намъ подошли, наконецъ, осадныя орудія изъ Шлиссельбурга и началось бомбардированіе Нарвы. Въ ночь на 9-е августа крѣпость штурмовали. Бой былъ кровопролитенъ и кончился совершеннымъ пораженіемъ шведовъ. Нарва перешла въ русскія руки, а вслѣдъ за нею сдался на капитуляцію и замокъ Иванъ-городъ. Отъ Нижегородскаго полка участвовала въ штурмѣ только гренадерская рота: она помогала пѣхотѣ метаніемъ ручныхъ гранатъ и вмѣстѣ съ нею ворвалась въ крѣпость ([43]). Солдаты, ожесточенные сопротивленіемъ, бросились на грабежъ — и не было пощады ни полу, ни возрасту. Петръ въѣхалъ верхомъ въ опустошенный городъ и приказалъ бить сборъ. Онъ желалъ остановить безполезное кровопролитіе; но это оказалось настолько трудно, что царь своею рукою закололъ нѣсколько солдатъ, не внимавшихъ его приказанію. Изъ 4500 шведовъ осталось въ живыхъ менѣе двухъ тысячъ. Храбрый комендантъ крѣпости, генералъ Горнъ, свидѣтель перваго пораженія русскихъ подъ Нарвой, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми; жена его была убита, и трупъ ея, брошенный въ Нарову, унесенъ въ море ([44]).

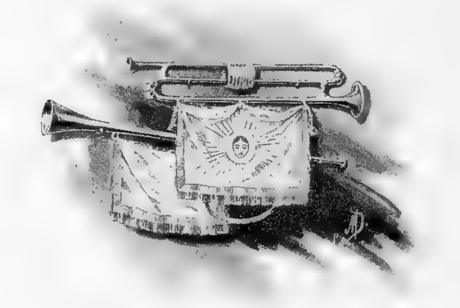
По взятіи Нарвы Нижегородскій драгунскій полкъ ходилъ въ отрядѣ

полковника Боура къ Ревелю, чтобы оттѣснить Шлиппенбаха, все еще стоявшаго въ окрестностяхъ этого города. Боуръ дошелъ до самаго предмѣстья Ревеля, имѣлъ нѣсколько перестрѣлокъ, но не могъ настигнуть Шлиппенбаха, который при его приближеніи укрылся на острова Балтійскаго моря (45).

Этимъ незначительнымъ походомъ закончились дѣйствія Нижегородскаго полка въ Прибалтійскомъ краѣ; политическія и военныя обстоятельства того момента передвинули центръ тяжести войны далеко на югъ, въ предѣлы Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Нижегородскій полкъ является на новомъ театрѣ войны.

Время, проведенное въ Ингерманландіи, было для нашего молодого полка временемъ его военнаго воспитанія и послужило для него превосходною боевою школою. Какъ извѣстно, послѣ пораженія русскихъ подъ Нарвою, Карлъ XII, самонадѣянно исключившій Московское царство изъ числа опасныхъ для себя противниковъ, обратилъ всѣ свои силы противъ короля Августа, союзника Петрова въ Великой Сѣверной войнѣ, и почти не обращалъ вниманія на побѣды самого царя, одерживаемыя въ далекой Ингерманландіи. Петръ съ проницательностію генія воспользовался ошибкою Карла XII. Цѣлымъ рядомъ небольшихъ, но всегда успѣшныхъ дѣйствій, онъ подготовилъ свою армію къ болѣе серьезнымъ массовымъ столкновеніямъ, окончательно уничтоживъ въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ вѣру въ непобѣдимость грозныхъ противниковъ. И обстоятельство это имѣло огромное значеніе для нашихъ будущихъ дѣйствій. Съ береговъ Балтики вышли уже не тѣ нестройныя массы, которыя такъ легко дали себя разбить подъ Нарвою. Петръ видѣлъ въ шведахъ настоящихъ учителей, охотно усвоивалъ ихъ пріемы войны, перенималъ отъ нихъ все, что находилъ пригоднымъ для боевого дѣла. Измѣнены были имъ и главныя основанія военныхъ дѣйствій для нашей кавалеріи, которая по стародавнимъ обычаямъ держалась преимущественно разсыпного строя и искала побѣды въ безтолковой стрѣльбѣ съ коня. Ингерманландскіе походы вывели ее на новый путь, и петровскіе драгуны стали дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовала отважная конница Карла: они стремительно кидались на непріятеля, пуская въ ходъ одни палаши, и если стрѣляли, то только въ погонѣ за бѣгущими, когда непріятель «съ помощію Божіею уже былъ приведенъ въ конфузію» (46). Многіе иностранцы, относившіеся съ высоты величія къ «варварскому» войску Московскаго царя, не понимали

значенія многихъ реформъ его и смотрѣли на нихъ недовѣрчиво. Извѣстный Витвортъ писалъ, напримѣръ, около этого времени, что «въ царской арміи кавалеріи собственно нѣтъ, а есть 16 драгунскихъ полковъ, которые ѣздятъ на легкихъ татарскихъ лошадяхъ, и сомнительно, чтобы они могли устоять противъ шведскихъ кирасировъ» ([47]). На подобныя воззрѣнія русскія войска отвѣтили Лѣснымъ и Полтавой.



II.

Въ Литвѣ и на Украйнѣ.

(1705—1708).

Походъ въ Литву.—Дѣло у Шадова.—Полковникъ Шомбургъ.—Съ Петромъ подъ Ригою.—Стоянка у Тыкочина.—На Пражскомъ мосту.—Карлъ у Гродно.—Отступленіе за нѣманскій ледъ.—Погоня Карла.—Драгуны на рѣкѣ Ясельдѣ.—Опять въ Польшѣ.—Русская кавалерія въ Люблинѣ.—Битва подъ Калишемъ.—Русскіе партизаны.—Русская армія у Гродно и Бѣлостока.—Полкъ съ именемъ Нижегородскаго.—Общее наступленіе шведовъ.—Проигранная битва у Головщины.—Движеніе Карла въ Украйну.—Подъ Лѣсной.—Набѣги въ Малороссію.

Осенью 1704 года, Нижегородскій полкъ, вмѣстѣ съ пятью другими конными полками, подъ командой генерала Ренне, шелъ за Литовскій рубежъ, къ Полоцку, куда направлялись еще шесть пѣхотныхъ полковъ князя Никиты Рѣпнина. Передвиженіе это являлось логическимъ послѣдствіемъ

обстоятельствъ, создавшихся къ тому времени. Въ Ингерманландіи и Ливоніи Петромъ достигнуты были блестящіе результаты, превышавшіе самыя смѣлыя ожиданія; цѣль его, пробиться къ Балтійскому морю, была достигнута. А между тѣмъ дѣла союзника его, саксонскаго короля Августа, избраннаго на польскій престолъ, принимали опасный оборотъ. Шведы находили въ самой Польшѣ сильную поддержку въ многочисленныхъ сторонникахъ другого претендента, Станислава Лещинскаго,—и всѣ шансы войны склонялись на ихъ сторону.

Къ тому времени, когда направлялся въ Литву нашъ отрядъ, все литовское войско, державшееся Августа и предводимое Огинскимъ и Вишневецкимъ, было разбито шведами на голову. Литовцы бѣжали, оставивъ на жертву непріятеля небольшой русскій отрядъ генерала Корсака, бывшій вмѣстѣ съ ними. Шведы атаковали его. Корсакъ мужественно оборонялся; но, потерявъ изъ пяти тысячъ человѣкъ, три тысячи убитыми и 23 орудія, вынужденъ былъ отступить. Шведы уже готовились перейти русскую границу, какъ извѣстіе о быстромъ приближеніи сюда кавалеріи генерала Ренне заставило ихъ остановиться. Послѣ недолгаго колебанія, они отошли въ окрестности Полангена, оставивъ въ Литвѣ небольшой польскій корпусъ одного изъ сторонниковъ Станислава, Сапѣги.

Былъ октябрь мѣсяцъ; погода стояла ненастная, и пѣхота Рѣпнина, встрѣчая на каждомъ шагу большія затрудненія при движеніи обозовъ, расположилась на зимовыя квартиры въ Полоцкѣ. Кавалерія осталась въ Самогитіи, на случай ежели бы надобность заставила поддержать литовцевъ. Князь Вишневецкій, дѣйствительно, скоро потребовалъ помощи, задумавъ совершенно очистить отъ непріятеля всю Самогитію, и Ренне отправилъ къ нему полковника Флуга съ двумя драгунскими полками, изъ которыхъ одинъ былъ Нижегородскій. 30 октября Вишневецкій передвинулся къ м. Шадово (Шкудамъ), гдѣ стоялъ пятитысячный корпусъ Сапѣги съ шестью орудіями. Литовская конница его немедленно пошла въ атаку, но была опрокинута. Къ счастію, непріятель, увлеченный погоней, не замѣтилъ засады и, охваченный съ тыла драгунскими полками Флуга, былъ смятъ и прогнанъ съ поля битвы. Тогда союзники напали на пѣхоту. Она оборонялась упорно, но въ концѣ концовъ была разстроена и обратилась въ бѣгство. Въ рукахъ Вишневецкаго осталось шесть пушекъ и множество плѣнныхъ. Но самымъ важнымъ результатомъ сраженія было то, что поляки Сапѣги, преслѣдуемые литовскимъ воеводою, стали пере-

бѣгать подъ знамена послѣдняго, такъ что изъ непріятельскаго корпуса едва ли 2.000 человѣкъ успѣли отступить къ Митавѣ. Дѣло при Шадовой имѣло серьезное стратегическое значеніе, доставивъ Вишневецкому обладаніе всею Литвою. Нижегородскій полкъ потерялъ въ немъ убитыми 12 лошадей,—имъ велся тогда аккуратный счетъ. Вѣроятно, выбыли изъ строя и люди ([1]).

Всю эту зиму кавалерія Ренне, занимавшая Самогитію, вела партизанскую войну и дѣлала поиски и набѣги на непріятельскія партіи, наводнявшія Жмудь ([2]). Съ этой же зимы нашъ Нижегородскій полкъ начинаетъ носить новое имя—полковника Шомбурга, который становится во главѣ его вмѣсто Морелія. Почему произошла перемѣна: умеръ ли Морелій, или получилъ другое назначеніе, кто такой былъ Шомбургъ,—свѣдѣній не сохранилось.

Наступила весна 1705 года. Въ Полоцкъ, гдѣ зимовалъ князь Рѣпнинъ, собиралась вся русская армія, подъ начальствомъ фельдмаршаловъ Шереметева и Огильви, а 12 іюня пріѣхалъ туда и самъ царь. По плану, созданному Петромъ, Шереметевъ съ главными силами направился къ Митавѣ, царь съ остальными войсками выступилъ къ Вильно, а генералъ Ренне съ своими драгунами остался опять въ Самогитіи, чтобы шведы, въ случаѣ пораженія ихъ въ Курляндіи, не могли прорваться въ Польшу. Но военное счастіе перемѣнчиво; Шереметевъ понесъ пораженіе при Гамауершгофѣ, и Петръ долженъ былъ самъ спѣшить въ Остзейскія провинціи, чтобы поправить ошибку одного изъ своихъ лучшихъ сподвижниковъ. По дорогѣ царь вызвалъ къ себѣ драгунскіе полки Ренне и вмѣстѣ съ ними прибылъ въ Курляндію. Но шведовъ тамъ уже не было. Генералъ Шлиппенбахъ, разбивши Шереметева, поспѣшно отступилъ къ Ригѣ, оставивъ только гарнизоны въ Митавѣ и Баускѣ. Взявъ оба эти пункта, Петръ оставилъ въ нихъ сильные гарнизоны, а самъ съ драгунами Ренне, въ числѣ которыхъ былъ и Нижегородскій полкъ, произвелъ рекогносцировку Риги. Рига была тогда слишкомъ сильна, чтобы можно было рисковать ея осадой, и Петръ, довольный уже тѣмъ, что вся Курляндія была въ его власти, возвратился въ Литву ([3]). И въ то время какъ пѣхота стала у Гродно, кавалерія, подъ начальствомъ князя Меншикова, выдвинулась къ польской границѣ и заняла Тыкочинъ.

Скоро польскія смуты призвали ее, однакоже, къ болѣе дѣятельной роли. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ разгоралась все больше и больше

кровавая междоусобица. Король польскій Августъ былъ объявленъ низложеннымъ съ престола, и на его мѣсто коронованъ Станиславъ Лещинскій. Приверженцы Августа съ своей стороны наводнили всю польскую Пруссію, и Карлъ долженъ былъ послать на нихъ изъ-подъ Варшавы войска графа Потоцкаго. Тогда русская кавалерія выдвинулась къ Бугу и заняла мѣстечко Нуръ. Для нея наступило опять время безпрерывныхъ тревогъ партизанской войны, рекогносцировокъ и набѣговъ. Русскіе дѣйствовали въ нихъ съ большой отвагой. Нижегородскому полку пришлось участвовать тогда въ одномъ изъ самыхъ дерзкихъ предпріятій, оставившемъ въ исторіи Сѣверной Войны неизгладимую страницу. Полковникъ Горбовъ съ своимъ драгунскимъ полкомъ сдѣлалъ какъ-то поискъ въ глубь Польши, дошелъ до самой Вислы, и вдругъ увидѣлъ, что мостъ передъ Прагой безпечно довѣренъ охранѣ только небольшого гарнизона, прикрывшагося рогатками. Горбовъ тотчасъ далъ знать объ этомъ Меншикову— и на помощь къ нему прилетѣлъ весь Нижегородскій полкъ съ полковникомъ Шомбургомъ. Смѣлымъ нападеніемъ драгуны ворвались въ самую Прагу и среди жаркаго боя едва-едва не разрушили мостъ, ведущій въ Варшаву. Когда на помощь къ полякамъ подошли шведы, драгуны отступили къ Бугу; но они успѣли захватить съ собою три пушки, шесть знаменъ и около четырехсотъ плѣнныхъ изъ самой гвардіи новаго короля Станислава. Смѣлое дѣло это происходило 13 октября 1705 года ([4]).

Приближалась зима, и Петръ, собираясь уѣхать въ Москву, расположилъ свои войска на зимнія квартиры: пѣхота заняла Тыкочинъ и Гродно, кавалерія протянулась отъ Августова до Пултуска, а Вишневецкій съ своими литовцами сталъ въ окрестностяхъ Ковно. Передъ самымъ отъѣздомъ царя, пріѣхалъ въ Тыкочинъ низложенный съ престола король Августъ искать себѣ убѣжища въ главной русской квартирѣ. Тронутый участью своего союзника, Петръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ цѣлымъ лѣсомъ знаменъ, отбитыхъ у войскъ Станислава Лещинскаго, и приказалъ повергнуть ихъ къ стопамъ законнаго короля Польши. Царь и король вмѣстѣ въѣхали въ Гродно, и Петръ, отправляясь оттуда далѣе въ Москву, въ знакъ особаго довѣрія къ королю поручилъ ему въ командованіе всю свою армію.

Между тѣмъ смѣлые набѣги русской конницы, и въ особенности набѣгъ на Прагу, по своему характеру далеко выходившій за предѣлы простого поиска, сильно встревожили Карла XII. И война въ 1706 году при-

нимаетъ болѣе серьезный характеръ. До сихъ поръ русскія войска имѣли предъ собою только небольшіе отряды шведовъ, надъ которыми почти всегда торжествовали; теперь самъ Карлъ пошелъ на нихъ съ сорока-тысячною арміею. Несмотря на суровую зиму, онъ быстро, въ двѣ недѣли, съ береговъ Вислы очутился на Нѣманѣ, и русская армія, застигнутая на кантониръ-квартирахъ, едва-едва успѣла сосредоточиться въ Гродно. Кавалерія, стоявшая у Пултуска, была отрѣзана, и только генералъ Ренне съ шестью драгунскими полками, въ числѣ которыхъ былъ и Нижегородскій, успѣлъ прискакать въ Гродно, когда непріятель стоялъ уже передъ городомъ по ту сторону Нѣмана. Усталые, на взмыленныхъ лошадяхъ, драгуны бросились къ переправѣ, спѣшились и заняли берегъ стрѣлками. Но удержать шведскую армію было невозможно. Самъ король, во главѣ шестисотъ отборныхъ гвардейскихъ гренадеръ, повелъ на нихъ атаку и принудилъ очистить переправу. Драгуны сѣли на коней и отступили въ городъ. Шведскій король приказалъ своимъ войскамъ переправляться черезъ Нѣманъ.

Утромъ 16 января шведская армія подступила подъ самые верки Гродно. Король былъ впереди и осматривалъ укрѣпленія. Изъ города открыли пушечный огонь; пѣхота стояла въ окопахъ, ожидая приступа. Карлъ увидѣлъ невозможность взять Гродно открытою силой и приказалъ приступить къ блокадѣ. Бѣдныя деревушки, окружавшія городъ, не могли, однако, служить пристанищемъ для шведовъ, и Карлъ вынужденъ былъ расположиться далеко, верстахъ въ семидесяти отъ города, и не могъ тѣсно сомкнуть свою блокадную линію. Этимъ обстоятельствомъ поспѣшилъ воспользоваться Августъ, чтобы пробраться изъ осажденнаго города въ Польшу и привести оттуда на помощь къ русскимъ тридцатитысячный саксонскій корпусъ Шуленбурга. Въ темную ночь, конвоируемый Нижегородскимъ и тремя другими драгунскими полками, онъ выѣхалъ изъ Гродно, прорвался черезъ блокадную линію и поскакалъ въ Варшаву. Въ командованіе русскою арміею вступилъ фельдмаршалъ Огильви.

Петръ узналъ о блокадѣ Гродно и объ отъѣздѣ Августа на пути изъ Москвы, въ Смоленскѣ. Онъ сильно былъ встревоженъ, справедливо опасаясь, что его лучшія войска, на боевое воспитаніе которыхъ потрачено уже пять лѣтъ, одною удачною атакой «шведскихъ львовъ» могутъ быть уничтожены. Вслѣдъ за королемъ Августомъ полетѣлъ нарочный съ приказаніемъ какъ можно скорѣе вернуть взятые имъ драгунскіе полки,

такъ какъ безъ помощи кавалеріи блокированная армія не могла добывать себѣ продовольствія. Неизвѣстно, гдѣ нарочный догналъ короля, но 7 февраля наши кавалерійскіе полки уже были въ Августовѣ, дѣятельно занятые устройствомъ магазиновъ. Карлъ узналъ объ этомъ и немедленно послалъ противъ нихъ свою кавалерію. 8 февраля она налетѣла на мѣстечко Домброво, гдѣ передъ тѣмъ были русскіе, но драгуны во́-время отступили къ Липску, и оттуда форсированными маршами пробрались въ Гродно. Магазины, захваченные шведами, были преданы пламени. Сборная команда отъ нашихъ полковъ, оставленная для ихъ прикрытія, отстрѣливаясь, отступила въ Пруссію, но 10 человѣкъ отсталыхъ были захвачены шведами и какъ преступники преданы смертной казни. Были ли въ числѣ этихъ казненныхъ люди Нижегородскаго полка—свѣдѣній не сохранилось.

Осажденная армія была между тѣмъ исполнена надеждъ на скорую выручку, такъ какъ предполагали, что саксонскій корпусъ уже вышелъ изъ Польши. Казалось, что саксонцамъ и не трудно было соединиться съ русскими, потому что единственною преградою на ихъ пути былъ незначительный шведскій отрядъ генерала Реншильда, стоявшій на силезской границѣ. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: какъ извѣстно, восемь тысячъ шведовъ, безъ артиллеріи, на голову разбили 30-ти тысячную саксонскую армію Шуленбурга при Фрауштадтѣ, отняли у нея половину пушекъ, положили на мѣстѣ 14 тысячъ, а остальныхъ загнали въ Саксонію. Всѣ надежды осажденныхъ теперь погибли,—Гродно предстояла неотвратимая опасность быть взятой. Распоряженія геніальнаго Императора, однако, и тутъ спасаютъ армію отъ пораженія. Что его войска должны отступить отъ Гродно къ своимъ рубежамъ, въ этомъ не могло быть вопроса; нужно было только подумать, какъ это сдѣлать въ виду сильной арміи шведовъ, и Петръ изобрѣтаетъ комбинацію, сдѣлавшую почти невозможное простымъ и возможнымъ. «Когда Нѣманъ вскроется (а до тѣхъ поръ изготовить мостъ)», писалъ онъ къ Огильви, «тотчасъ, не мѣшкавъ, перейтить Нѣманъ и идтить по той сторонѣ, и ежели такъ скоро учините при плывущемъ льду, то непріятелю невозможно будетъ нигдѣ перейтить; а вамъ зѣло будетъ въ тотъ-часъ выйтить свободно; однако смотрѣть того, чтобы прежде разлитія малыхъ рѣчекъ идтить; ибо, когда разольются, невозможно будетъ. Зѣло смотрѣть, чтобы не отяготиться, взять зѣло мало, а по нуждѣ хотя и все бросить» (5). Трудную

задачу эту Огильви съ своей стороны исполнилъ блистательно. 22-го марта тронулся ледъ на Нѣманѣ, а на слѣдующій день русскія войска были уже на другомъ его берегу и форсированнымъ маршемъ шли на Брестъ и Ковель. Генералу Ренне съ шестью драгунскими полками—и въ томъ числѣ Нижегородскимъ—поручено было занять м. Свислочь и прикрывать маршъ со стороны непріятеля. Шведы спохватились,—но было поздно. Устроенный Карломъ мостъ тотчасъ же разрушенъ былъ ледоходомъ, а пока устраивали новую переправу черезъ разбушевавшійся Нѣманъ, Огильви былъ уже далеко. Карлъ тѣмъ не менѣе 3-го апрѣля выступилъ преслѣдовать русскихъ и форсированными маршами пошелъ на Пинскъ, разсчитывая перерѣзать имъ путь на Полѣсьѣ. Но на этомъ пути онъ встрѣтилъ геройское сопротивленіе русской кавалеріи, шедшей параллельно ему сперва по правому берегу Нарева, а затѣмъ по рѣчкѣ Ясельдѣ, чтобы дать возможность Огильви спокойно отступить за Ковель.

На Ясельдѣ 13-го апрѣля шведы сильно атаковали русскую конницу. Карлъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ первый кинулся въ рѣчку и, въ головѣ двухъ гвардейскихъ батальоновъ, по поясъ въ водѣ, перешелъ ее въ бродъ. Тогда драгуны спокойно отступили къ Пинску. Карлъ преслѣдовалъ ихъ, но, задерживаемый на каждомъ шагу полѣсскими болотами, остановился. Цѣль его не была достигнута,—русскія войска были уже въ безопасности ([6]).

Цѣлый мѣсяцъ простоялъ шведскій король безъ движенія послѣ этой неудачи, и потомъ двинулся на Волынь, рѣшивши покончить сначала съ Саксоніей и Августомъ, чтобы затѣмъ со всѣми силами обрушиться уже на одну Россію.

При быстромъ вторженіи шведовъ въ Саксонію, ужасъ распространился по цѣлой странѣ, и королевское семейство едва успѣло удалиться изъ Дрездена. Августъ, дорожившій своимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ болѣе, нежели польскою короной, долженъ былъ смириться передъ грознымъ противникомъ, просилъ мира, и получилъ его на самыхъ тяжкихъ условіяхъ: онъ согласился признать Лещинскаго законнымъ королемъ Польши и подписалъ отреченіе отъ союза съ Петромъ. Петру и его арміи наносился новый и жестокій ударъ.

Русская армія сосредоточилась между тѣмъ въ Кіевѣ и тамъ ожидала дальнѣйшихъ событій. Но чтобы ближе слѣдить за шведами, шестнадцать драгунскихъ полковъ, подъ начальствомъ генераловъ Ренне, Боура и

Розена, выдвинулись на Волынь и стали близъ Дубно. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ сюда князь Меншиковъ, принялъ надъ отрядомъ главное начальство и, осмотрѣвъ полки, нашелъ ихъ «въ добромъ порядкѣ». Къ этому времени относится эпизодъ, едва не лишившій нашу кавалерію одного изъ даровитѣйшихъ ея представителей. На какой-то пирушкѣ, «при подпитомъ времени», какъ выражается князь Меншиковъ, генералъ Розенъ, поссорившись съ Ренне, нанесъ ему тяжелую рану шпагой. Къ счастію, рана оказалась неопасной и Ренне скоро оправился (7).

Какъ только шведская армія прошла черезъ Польшу въ Саксонію, Меншиковъ подвинулся впередъ и 16-го сентября занялъ Люблинъ. Передъ нимъ, въ окрестностяхъ Калиша, стоялъ шведскій корпусъ, оставленный Карломъ подъ начальствомъ генерала Мардефельда, и Меншиковъ, 18-го числа, нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Первою пошла въ атаку русская кавалерія и смяла польскіе полки Потоцкаго и Сапѣги; но въ шведахъ она нашла непреоборимое мужество и сама была опрокинута. Временный успѣхъ только ускорилъ, однако, гибель непріятеля. Увлеченный преслѣдованіемъ, онъ былъ охваченъ свѣжими эскадронами драгунъ и истребленъ совершенно; лишь генералъ Крассовъ съ нѣсколькими десятками всадниковъ успѣлъ укрыться въ Познани. Передъ русскими теперь осталась одна шведская пѣхота; но, построившись въ каре, она отбивалась отчаянно. Тогда Меншиковъ спѣшилъ драгунъ и повелъ ихъ въ штыки. Это рѣшило участь сраженія—шведы положили оружіе. Потоцкій, запертый въ своемъ обозѣ, и генералъ Мардефельдъ сдались военноплѣнными. Калишъ отворилъ ворота. Въ рукахъ русской кавалеріи осталось три орудія, 89 знаменъ и болѣе двухъ-тысячъ шестисотъ плѣнныхъ. Драгуны потеряли въ этотъ день 400 человѣкъ, и въ этомъ числѣ изъ Нижегородскаго полка выбыло 16 драгунъ и 36 лошадей убитыми. Сколько было раненыхъ, свѣдѣній нѣтъ; извѣстно только, что вахмистръ Егоръ Алексѣевичъ Ушаковъ, раненный подъ Калишемъ пулею въ правую ногу, произведенъ за то въ офицеры, и позже, въ 1721 году, мы видимъ его въ полку уже капитаномъ (8).

Счастливый своимъ успѣхомъ, Меншиковъ доносилъ Петру о Калишской побѣдѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не въ похвальбу себѣ Вашей милости доношу: такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами» (9). Петръ по достоинству оцѣнилъ эту важную

побѣду. «Уже третій день, мы празднуемъ», писалъ онъ побѣдителю изъ Москвы, «и нынѣ станемъ въ вашемъ домѣ обѣдать и про ваше здоровье пить». При этомъ царь пожаловалъ Меншикову трость, украшенную фамильнымъ гербомъ князя и большимъ изумрудомъ, усыпаннымъ кругомъ алмазами ([10]). Въ память Калишской побѣды была установлена золотая медаль, розданная всѣмъ офицерамъ. На наружной сторонѣ ея изображенъ Петръ въ латахъ и въ лавровомъ вѣнкѣ, а кругомъ надпись: «Царь Петръ Алексѣевичъ». На оборотной сторонѣ — рука, выходящая изъ облакъ, вѣнчаетъ лаврами какого-то всадника, скачущаго по полю съ жезломъ въ рукѣ; надпись: «за вѣрность и мужество» Этотъ всадникъ, какъ полагаютъ, долженъ изображать собою самого князя Меншикова ([11]). Это была вторая медаль, полученная Нижегородскимъ полкомъ.

Побѣда подъ Калишемъ доставила Меншикову временное обладаніе Польшей, и русская кавалерія заняла Галицію, гдѣ расположилась на зимовыя квартиры въ Жолкіевѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ опять прибылъ къ войску Петръ, и здѣсь онъ узналъ, что Августъ, котораго онъ почиталъ своимъ другомъ, измѣнилъ ему и отрекся отъ союза. Вся тяжесть борьбы ложилась теперь на одну Россію, и вмѣсто союзной Польши передъ ней была — Польша враждебная.

Къ веснѣ 1707 года русская пѣхота сосредоточивалась на Волыни, у Острога и Дубно, а кавалерія, подъ начальствомъ генерала Ренне, опустошала области, лежавшія по лѣвую сторону Вислы. Драгуны преслѣдовали сторонниковъ короля Станислава, жгли деревни, и не только опустошали страну, но даже портили воду во всѣхъ колодцахъ и источникахъ, ломали мельницы и увозили съ собою или истребляли все, что могло бы послужить съ пользою для непріятеля. Нижегородскій полкъ имѣлъ, между прочимъ, какъ выражались тогда, «акцію» подъ Ченстоховомъ, въ партіи маіора Бальмера, и потерялъ въ ней 12-ть лошадей убитыми ([12]).

Лѣто прошло въ сравнительномъ бездѣйствіи. Осенью Петръ, предполагая, что непріятель останется зимовать за Вислой, приказалъ своей арміи стать на квартиры въ окрестностяхъ Гродно и Минска, а кавалеріи расположиться впереди у Бѣлостока. Но Карлъ, какъ оказалось, только и ожидалъ зимняго пути. Едва Висла покрылась льдомъ, онъ перешелъ ее, и двинулся вдоль прусской границы черезъ дикіе лѣса Мазовіи прямо

на Гродно. Русская армія поспѣшила отступить. Шведы подошли такъ быстро, что Петръ едва успѣлъ выѣхать, какъ передовыя войска ихъ уже заняли городъ. Съ ними былъ и самъ король-полководецъ. Но едва Карлъ расположился въ домѣ одного почетнаго литовца, какъ часть нашей кавалеріи, еще не успѣвшая переправиться за Нѣманъ, стремительно атаковала Гродно. Нижегородцы, вмѣстѣ съ другими полками, ворвались въ улицы и напали на главный караулъ, стоявшій при королевской квартирѣ. И Петръ отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ, что «оный караулъ едва не весь изрубили, и самаго короля шведскаго едва не поймали». «На томъ бою», прибавляетъ онъ, «нашихъ убито 19 человѣкъ да ранено девять» (13).

Карлъ, раздраженный смѣлостью этого набѣга, приказалъ немедля преслѣдовать русскую армію; но шведы, перейдя за Нѣманъ, встрѣчали повсюду опустошенныя села, разрушенные мосты, да легкіе отряды драгунъ, которые, отступая, уничтожали за собою рѣшительно все. Войска Карла терпѣли голодъ и стужу въ такой степени, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ зимней кампаніи и въ февралѣ 1708 года остановилъ войска около Сморгони. Военныя дѣйствія пріостановились до весны.

Наступившій годъ принесъ полку новую перемѣну, имѣвшую для предстоящаго ему боевого поприща неизмѣримо важное значеніе. Петръ давно уже видѣлъ неудобства, которыя происходили отъ названій полковъ по именамъ ихъ командировъ: командиры мѣнялись, а съ ними мѣнялись названія, и это вело къ необычайной путаницѣ, затруднявшей распоряженія; въ то же время полки обезличивались, память о блестящихъ подвигахъ ихъ исчезала вмѣстѣ съ названіями, и никто не зналъ, кому и гдѣ обязаны побѣдой,—полковыя преданія, воспитывающія духъ войскъ, были невозможны. Петръ принялъ иную систему и назвалъ полки по именамъ городовъ и провинцій. И вотъ, 10 марта 1708 года, драгунскій полкъ, бывшій Морелія и Шомбурга, получилъ повелѣніе именоваться впредь полкомъ *Нижегородскимъ* (14).

Были въ томъ же году и другія перемѣны, коснувшіяся какъ внутренней, такъ и боевой жизни полка. Вся Россія была раздѣлена тогда на восемь губерній, изъ которыхъ каждая, въ видѣ натуральной повинности, обязывалась содержать по нѣсколько полковъ. Нижегородскій полкъ отнесенъ былъ къ Казанской губерніи и съ этихъ поръ оттуда получалъ всѣ

средства къ своему существованію ([15]). Въ отношеніи боевомъ перемѣна состояла въ томъ, что 11-я гренадерская рота была отдѣлена отъ полка и поступила на сформированіе трехъ новыхъ драгунскихъ полковъ, названныхъ гренадерскими. Эти полки удержали прежнія названія по именамъ своихъ командировъ, и нижегородская рота поступила въ полкъ Кропотова. Такимъ образомъ часть Нижегородцевъ отошла отъ родного полка и вступила въ ряды другого ([16]).

Итакъ, въ послѣдовавшихъ весною 1708 года военныхъ дѣйствіяхъ, полкъ нашъ является уже съ своимъ настоящимъ именемъ, съ которымъ связалось, впослѣдствіи, столько славныхъ преданій. Подножный кормъ, котораго дожидался Карлъ XII, появился въ этомъ году поздно, такъ что король могъ покинуть свою стоянку лишь 7 іюня. Переправившись черезъ Березину, онъ быстро двинулся къ Могилеву; русская армія преградила ему путь у Головчины. Здѣсь, 3 іюля, произошло кровавое столкновеніе, имѣвшее для русскихъ печальные результаты.

Позиція нашихъ войскъ прикрывалась съ фронта рѣчкою Бабичъ, по берегу которой тянулась непрерывная цѣпь нашихъ укрѣпленій. Нижегородскій драгунскій полкъ со всею кавалеріею, подъ общей командой фельдмаршала-лейтенанта Гольца, стоялъ на лѣвомъ крылѣ. Значительно правѣе была расположена пѣхотная дивизія князя Рѣпнина, а еще далѣе стояли войска Шереметева и Меншикова. Между дивизіей Рѣпнина, приходившейся въ центрѣ, и корпусомъ Шереметева, составлявшимъ правое крыло, лежалъ огромный, ничѣмъ не занятый промежутокъ, весь наполненный непроходимыми болотами, которыя отдѣляли Шереметева не только отъ непріятеля, но и отъ Рѣпнина. Это была ошибка — и ею искусно воспользовался король-военачальникъ.

Въ темную ночь на 3-е іюля, подъ сильнымъ дождемъ и туманомъ, закрывавшимъ всѣ окрестности, шведская армія стала въ ружье. Тихо отдѣлились отъ нея 20 орудій, еще тише выстроились они по тому берегу рѣчки противъ дивизіи Рѣпнина и вдругъ дали залпъ. Въ русскихъ войскахъ поднялась суматоха. Но въ то время, какъ все наше вниманіе обращено было на канонаду, Карлъ, во главѣ своей гвардіи, самъ по поясъ въ водѣ, перебирался черезъ рѣчку и болота къ позиціи Рѣпнина. Солдаты его утопали въ тинѣ, вытаскивали другъ друга; и все это совершалось такъ тихо, что въ нашихъ войскахъ даже не подозрѣвали близости непріятеля. Карлъ первый ступилъ, наконецъ, на твердую землю,

за нимъ стѣною стали гвардейскіе полки,—и вдругъ, по его знаку, шведы разомъ бросились во флангъ и въ тылъ князю Рѣпнину. Изумленные атакой съ той стороны, откуда не могли ея ожидать, русскіе полки въ смятеніи кинулись въ лѣсъ, потерявъ часть своихъ орудій, и, преслѣдуемые Карломъ, въ безпорядкѣ отступили къ Шклову. Шереметевъ и Меншиковъ, отдѣленные болотами, обречены были на невольное бездѣйствіе во время боя, и послѣ пораженія Рѣпнина имъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ отступить вслѣдъ за нимъ къ Шклову. Одна кавалерія Гольца своимъ доблестнымъ сопротивленіемъ нѣсколько смягчаетъ картину пораженія русскихъ. Атакованная всею шведскою конницею, предводимою фельдмаршаломъ Рейншильдомъ, пять часовъ держалась она на мѣстѣ. И лишь когда окончательное пораженіе Рѣпнина сдѣлало совершенно безполезнымъ дальнѣйшее сопротивленіе, Гольцъ прекратилъ бой и въ порядкѣ отошелъ къ Могилеву. Въ этотъ день въ Нижегородскомъ полку выбыло изъ строя 54 лошади убитыми, а въ числѣ особенно отличившихся источники называютъ прапорщика Нижегородскова, котораго Петръ произвелъ въ поручики ([17]).

Дойдя до рубежа Смоленской области, шведы заняли Могилевъ, и здѣсь засѣли на мѣсяцъ. Король ожидалъ прибытія генерала Левенгаупта, шедшаго изъ Лифляндіи съ отдѣльнымъ корпусомъ, а главное—съ провіантомъ, въ которомъ страшно нуждалось шведское войско. Берега Днѣпра сдѣлались театромъ малой войны, и Нижегородцы не одинъ разъ, переправляясь вплавь мелкими партіями, нападали на непріятеля, и отгоняли лошадей, какъ только шведы выпускали ихъ на пастьбу. Одной изъ такихъ партій, высланной генераломъ Ренне изъ Нижегородскаго полка въ командѣ маіора Яковлева, случилось участвовать и въ болѣе крупномъ дѣлѣ, при Смольянскомъ кляшторѣ, гдѣ, какъ отмѣчаетъ Петръ Великій, «наши драгуны атаковали самого генералъ-адъютанта шведскаго короля и знатнаго партизана Канифера, и онаго генералъ-адъютанта съ нѣсколькими шведскими драгунами и волохами живыхъ взяли, а прочихъ побили» [18]).

Бѣдствія истощенной голодомъ арміи Карла XII съ каждымъ днемъ становились между тѣмъ сильнѣе,—а Левенгауптъ не подходилъ. Карлу предстоялъ вопросъ: идти ли на Москву, чтобы въ стѣнахъ ея принудить Петра къ такому же позорному миру, какой онъ вырвалъ у Августа, или спуститься на югъ Россіи, соединиться съ гетманомъ Мазепой, и по веснѣ,

отдохнувъ и обезпечивъ себя продовольствіемъ, двинуться на русскую столицу уже изъ Малороссіи. Мазепа обѣщалъ королю просторныя зимнія квартиры, провіантъ и присоединеніе значительной конницы. Король колебался. Его преисполненной энергіи натурѣ болѣе нравился быстрый и трудный походъ на Москву, и цѣлый мѣсяцъ онъ провелъ въ этихъ колебаніяхъ. Русская кавалерія слѣдила, между тѣмъ, за каждымъ его шагомъ и нерѣдко вступала въ перестрѣлки. Сохранилось извѣстіе, что въ одной изъ нихъ, 23 августа, при д. Вортковѣ, партія, посланная генераломъ Ренне изъ Нижегородскаго полка, имѣла жаркую стычку, и потеряла пять лошадей убитыми ([19]). Въ концѣ концовъ заманчивыя обѣщанія гетмана заставили Карла склониться на предложеніе Мазепы, тѣмъ болѣе, что полный недостатокъ запасовъ грозилъ внести въ армію страшное зло — деморализацію.

18-го сентября шведская армія перешла рѣчку Сожъ и нѣсколькими отдѣльными отрядами направилась въ Украйну черезъ дремучіе лѣса, тянувшіеся болѣе чѣмъ на 80 верстъ. Шведы двигались медленно: дорога была ужасная, и недостатокъ продовольствія полный; но теперь, сверхъ надежды на Левенгаупта, спѣшившаго съ цѣлымъ корпусомъ свѣжихъ войскъ и огромнымъ обозомъ, была у нихъ надежда на гостепріимную Малороссію.

Ни той, ни другой надеждѣ, однако, не суждено было сбыться. Какъ только король повернулъ въ Украйну, Петръ приказалъ Шереметеву двигаться за нимъ по слѣдамъ съ главными силами, а отдѣльный значительный отрядъ направилъ противъ Левенгаупта. Было очевидно, что пораженіе Левенгаупта и уничтоженіе транспорта, который онъ велъ, будетъ для шведской арміи ударомъ не менѣе чувствительнымъ, чѣмъ пораженіе въ генеральномъ сраженіи,—и Петръ самъ сталъ во главѣ этого труднаго предпріятія. Взявъ съ собою десять полковъ драгунъ, между которыми былъ и Нижегородскій ([20]), и десять батальоновъ пѣхоты, Петръ выступилъ налегкѣ, безъ обозовъ, съ одними лишь вьюками. Походъ требовалъ большой быстроты, и пѣхота посажена была на лошадей, собранныхъ у жителей.

Но какъ ни цѣлесообразны были мѣры, принятыя царемъ, онъ былъ обязанъ только счастливому случаю, что напалъ на слѣдъ Левенгаупта, который иначе безпрепятственно соединился бы съ Карломъ. Дѣло въ томъ, что свѣдѣнія о непріятелѣ были далеко не точны. Задачи кавалеріи и ея главная дѣятельность, при тогдашнихъ условіяхъ

военнаго дѣла, были на боевомъ полѣ, а развѣдывательная служба какъ у насъ, такъ и у самихъ шведовъ, была настолько несовершенна, что свѣдѣнія добывались преимущественно отъ лазутчиковъ или отъ плѣнныхъ; карты замѣнялись проводниками. И вотъ, одинъ изъ такихъ проводниковъ, еврей, подкупленный шведами, завелъ русское войско совсѣмъ въ другую сторону, и только случайная встрѣча съ однимъ бѣднымъ шляхтичемъ, который самъ видѣлъ шведовъ, выяснила дѣло. Къ счастію, поправить ошибку оказалось еще не поздно, и 26 сентября Петръ настигъ наконецъ Левенгаупта. Но тутъ явилось новое затрудненіе: оказалось, что Левенгауптъ ведетъ не восемь тысячъ ландвера, какъ полагали у насъ, а 16 тысячъ хорошо обученнаго, стойкаго войска. Это извѣстіе нарушило всѣ расчеты Петра. Отдѣльный корпусъ, находившійся подъ его начальствомъ, былъ значительно слабѣе непріятельскаго, и исходъ нападенія былъ болѣе нежели сомнителенъ. Петръ собралъ военный совѣтъ. Выгоды предпріятія были, однакоже, слишкомъ значительны, чтобы можно было отъ него отказаться, и совѣтъ рѣшилъ во что бы то ни стало попытаться по крайней мѣрѣ отбить у непріятеля обозы. Изъ главнаго лагеря тотчасъ потребованъ былъ для подкрѣпленія генералъ Боуръ съ десятью драгунскими полками, и положено ожидать его два дня; если же онъ не успѣетъ подойти къ этому времени, то атаковать шведовъ съ тѣми силами, которыя имѣлись налицо.

27-го сентября Петръ появился въ виду шведскаго корпуса, а на другой день, около полудня, завязалось сраженіе. Какъ только передовые русскіе полки, послѣ жаркаго боя, вытѣснили шведовъ изъ перелѣска и вышли на открытую поляну, Петръ увидѣлъ передъ собою весь шестнадцатитысячный корпусъ Левенгаупта, стоявшій въ боевомъ порядкѣ у д. Лѣсной. Русская кавалерія, находившаяся до сихъ поръ позади, выдвинулась теперь въ боевую линію. Нижегородскій и два другіе драгунскіе полка, Владимірскій и Троицкій, образовали правый флангъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта принца Дармштадтскаго; остальные стали на лѣвомъ крылѣ. Начался упорный бой; шведы, не ожидавшіе встрѣтить такую стойкость со стороны русскихъ, бились съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ. Русскіе не уступали; всѣ начальники ихъ сражались въ переднихъ рядахъ тѣмъ съ большимъ мужествомъ, что самъ царь, «обнаживъ шпагу, не хранилъ своей монаршей особы». На правомъ флангѣ принцъ Дармштадтскій, носясь впереди своихъ драгунъ, являлъ чудеса храбрости. Но

онъ былъ менѣе счастливъ, чѣмъ остальные. Шведская пуля поразила его въ грудь, и онъ упалъ съ коня на руки своихъ адъютантовъ. Его перенесли въ д. Чаусы, гдѣ онъ черезъ нѣсколько часовъ и скончался въ бѣдной крестьянской избушкѣ. Тѣло его отвезено было въ Смоленскъ и тамъ предано землѣ со всѣми военными почестями ([21]).

Утомленные боемъ, длившимся нѣсколько часовъ сряду безъ всякаго результата, шведы подались наконецъ назадъ, къ своему обозу. Русскія войска ихъ не преслѣдовали; они были такъ измучены, что, по словамъ очевидца, буквально растянулись на землѣ для отдыха.

Разстояніе шаговъ въ 200—300 отдѣляло противниковъ другъ отъ друга, но ни та, ни другая сторона не могла перейти въ наступленіе. Такъ прошло два часа. Левенгауптъ спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы притянуть къ себѣ стоявшій у Пропойска, на пути его отступленія, трехъ-тысячный отрядъ, который съ своими свѣжими силами могъ однимъ ударомъ смять измученное царское войско. И нарочные одинъ за другимъ торопили его прибытіе.

Былъ въ концѣ пятый часъ дня; приближались уже осенція сумерки, когда Петру дали знать, что шведы опять начинаютъ наступленіе. Отрядъ, за которымъ посылалъ Левенгауптъ, очевидно подошелъ. Но въ это самое время и къ царю прибылъ давно ожидаемый Боуръ съ восемью драгунскими полками. Это обстоятельство было роковымъ для шведовъ. Вновь завязалось кровопролитное дѣло, и послѣ двухъ-трехъ залповъ, сдѣланныхъ изъ мушкетовъ, обѣ стороны кинулись въ рукопашный бой. Русская кавалерія понеслась въ атаку. Нижегородскій и другіе драгунскіе полки ворвались въ самый непріятельскій обозъ, выбили изъ него шведовъ и погнали по полю. Всѣ войска Левенгаупта дрогнули и стали отступать. Военное счастье оказалось на сторонѣ Петра. Степень участія Нижегородскаго полка въ этомъ бою можетъ измѣряться его потерями. Изъ тѣхъ официіальныхъ данныхъ, которыя дошли до насъ, видно, что въ полку убито было 105 лошадей, а въ числѣ раненыхъ находились два вахмистра: Ефимъ Бариновъ и Афанасій Висленевъ ([22]).

Пораженіе Левенгаупта было бы полное, если бы поднявшаяся вдругъ метель не остановила преслѣдованія. Снѣгъ повалилъ такъ неожиданно, метель разыгралась такъ сильно, что войска должны были заночевать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кого застала непогода. Петръ, завернувшись въ обледенѣлый плащъ, провелъ ночь на снѣгу съ солдатами.

Только на слѣдующій день утромъ Меншиковъ со всею кавалеріею двинулся по слѣдамъ Левенгаупта и настигъ его у Пропойска. Здѣсь шведы потеряли послѣдній обозъ, и Левенгауптъ съ остатками корпуса хотя и соединился съ Карломъ, но вмѣсто продовольствія привезъ ему массу раненыхъ, которыхъ кормить было нечѣмъ.

Въ дѣлѣ подъ Лѣсной шведы потеряли болѣе 8 тысячъ убитыми и 876 плѣнными; взято у нихъ: 17 пушекъ, 44 знамени и шесть тысячъ подводъ съ различными запасами.

Въ честь этой побѣды Петръ учредилъ особую медаль съ надписью «достойному достойное». Въ ряду медалей, полученныхъ Нижегородскимъ полкомъ, это была уже третья, передававшая потомству память о знаменательнѣйшихъ моментахъ Сѣверной Войны. И дѣйствительно, побѣда подъ Лѣсной, помимо стратегическихъ выгодъ ея, имѣла огромное нравственное значеніе для молодой арміи, впервые атаковавшей шведовъ, далеко превосходившихъ ее своими силами. «Сія побѣда», записалъ Петръ, «можетъ первою назваться, понеже тутъ первая проба солдатская была». Впослѣдствіи онъ называлъ ее «матерью полтавской баталіи». «Ибо», говоритъ онъ, «по девяти мѣсяцевъ оная побѣда младенца счастія произвела, егда, совершеннаго ради любопытства, кто желаетъ исчислить отъ 28 дня сентября 1708 г. до 27 іюня 1709 года» ([23]). Но не по одному этому любопытному исчисленію времени была побѣда подъ Лѣсной матерью побѣды полтавской. Она нанесла непріятелю такой рѣшительный ударъ, что полтавская побѣда являлась ея простымъ логическимъ послѣдствіемъ. Тщетно пытался теперь шведскій король возстановить силы своей разстроенной арміи; всѣ надежды его одна за другою рушились. Онъ не нашелъ въ Малороссіи ни теплыхъ квартиръ, ни хлѣба, ни боевыхъ запасовъ, и, что главнѣе всего, не нашелъ обѣщанной помощи. Малороссія не хотѣла идти по слѣдамъ измѣнника Мазепы, а кровавый штурмъ Батурина и истребленіе его со всѣмъ населеніемъ заставилъ и немногихъ, еще колебавшихся, отшатнуться отъ всякой мысли стать подъ знамена Карла.

Мазепа и съ нимъ двѣ-три тысячи казаковъ — вотъ все, что получилъ король въ Малороссіи.

Зима стояла жестокая, а русскіе не оставляли шведовъ ни на минуту въ покоѣ. Разъ даже самъ Петръ появился подъ Ромнами и поднялъ на ноги всю шведскую армію. Ожидая нападенія, двое сутокъ провели тогда шведы на бивуакахъ при 30-градусномъ морозѣ, и солдаты, худо одѣтые,

босые, сотнями гибли отъ стужи. Карлъ вынужденъ былъ идти на встрѣчу къ Петру,—но царь уже отступилъ, и на его мѣстѣ появилось опять множество мелкихъ кавалерійскихъ отрядовъ.

Нижегородцы наши все это время принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ. Пройдя прямо изъ-подъ Лѣсной въ главный отрядъ Шереметева, они штурмовали Батуринъ, видѣли гибель этой богатой резиденціи малороссійскихъ гетмановъ и, вѣроятно, участвовали наравнѣ съ другими въ разгромѣ пышнаго дворца, отданнаго войскамъ на расхищеніе ([24]).

Тебя жь, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду;
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь и брань, и поношенье.

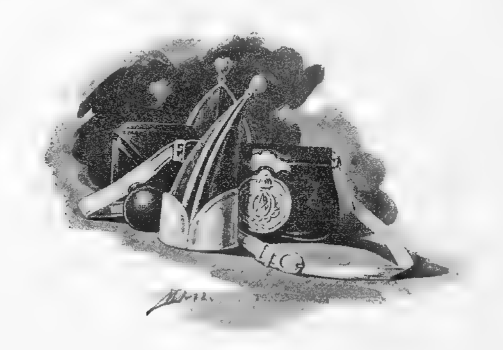
Такъ говоритъ объ этомъ эпизодѣ Рылѣевъ въ своей извѣстной поэмѣ «Вайнаровскій».

Не послѣднюю роль занимали наши Нижегородцы и въ широко развернувшейся затѣмъ картинѣ партизанской войны. Драгунскія сказки передаютъ намъ цѣлый рядъ набѣговъ, изъ которыхъ одинъ, 19-го ноября, произведенный подъ начальствомъ генерала Ренне, заслуживаетъ особаго вниманія. Шведская армія располагалась тогда на зимовыя квартиры, и одинъ изъ отрядовъ ея долженъ былъ занять м. Смѣлое. Жители, однако, не пустили шведовъ; они заперли передъ ними ворота, а съ другой стороны впустили въ городъ генерала Ренне съ нѣсколькими драгунскими полками. Былъ въ этомъ числѣ и нашъ Нижегородскій полкъ ([25]). Появленіе кавалерійскаго отряда въ самомъ районѣ расположенія шведовъ подняло такую тревогу, что самъ Карлъ явился передъ Смѣлымъ. Драгуны сдѣлали вылазку и атаковали короля съ такою стремительностью, что онъ долженъ былъ притянуть къ себѣ еще отряды генераловъ Шпара и Рооса. Тогда Ренне, видя, что ему угрожаетъ приступъ, ночью покинулъ мѣстечко и такъ же внезапно исчезъ, какъ и появился.

30-го декабря Нижегородцы опять имѣли горячее дѣло у д. Каменной ([26]), а нѣсколько ранѣе ходили съ маіоромъ Кандауровымъ въ набѣгъ, который окончился не совсѣмъ удачно, если судить по тому, что 18 драгунъ вмѣстѣ съ лошадьми и оружіемъ взяты были шведами въ плѣнъ.

Случилось это 19 декабря подъ мѣстечкомъ Липова-Долина ([27]). За то въ другой разъ, 14 февраля 1709 года, той же самой партіи пришлось участвовать въ смѣломъ набѣгѣ на д. Рашевку, гдѣ стоялъ цѣлый шведскій отрядъ; изъ послѣдняго спаслось только 160 человѣкъ, да и то положившихъ оружіе. Летучая партія наша взяла при этомъ два знамени, множество оружія и болѣе двухъ тысячъ лошадей ([28]).

Наступленіе весны 1709 года облегчило положеніе Карла, а вмѣстѣ съ тѣмъ воскресли его надежды и вѣра въ свое военное счастье. Шведская армія, ослабленная, но считавшая въ своихъ рядахъ все еще до тридцати тысячъ человѣкъ, сосредоточилась въ Будищѣ, между Ворсклой и Пселомъ. Отсюда она намѣревалась идти на Москву. Но на пути ея лежала Полтава, важный стратегическій пунктъ, покореніе котораго могло доставить безспорное обладаніе всею Украйной, и Карлъ рѣшается прежде всего овладѣть имъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ рѣшительный моментъ въ исторіи Великой Сѣверной войны.



III.

Полтава.

Осада Полтавы.—Набѣги изъ-за Ворсклы.—Полковникъ Нижегородцевъ Андрей Чернышевъ.—Карлъ раненъ.—Неизбѣжность генеральнаго боя.—Полтавская равнина.—Укрѣпленный лагерь и 10 редутовъ.—Великій приказъ царя.—Нижегородцы на Будищинской дорогѣ около редутовъ.—Кавалерійскій бой въ промежуткахъ окоповъ.—Шведское знамя.—Бой среди равнины.—Царь-герой.—Пораженіе шведовъ.—Торжество на полѣ битвы.—Шведская могила.—Капитуляція у Переволочны.—Бѣгство Карла въ Турцію.—Пѣсня о трехъ пуляхъ.—Полтавскіе памятники.

Среди военныхъ бурь, въ эпоху необыкновенную, когда, подъ сѣнью мощнаго генія, росла и крѣпла русская сила, зародился нашъ Нижего-

родскій полкъ. И на долю его досталось исключительное счастіе быть участникомъ въ двухъ величайшихъ событіяхъ той знаменательной эпохи. Въ первые же дни существованія, судьбы войны привели его на берега Невы въ тотъ моментъ, когда полагалось основаніе новой столицѣ русскаго государства; не прошло и десятилѣтія, какъ онъ является на Полтавскомъ полѣ. Когда замолкли громы войны, полку было что вспомнить изъ своихъ молодыхъ лѣтъ, и память великаго прошлаго служила ему залогомъ будущаго.

Полтава стоитъ на правомъ берегу Ворсклы, на возвышенности, окруженной болотистою равниною. Когда, въ концѣ апрѣля 1709 года, Карлъ обложилъ ее своею тридцатитысячною арміею, и началась осада, русскія войска сосредоточились на противоположной сторонѣ рѣчки, у Крутого Берега, небольшой деревушки, отдѣленной отъ шведскаго стана непроходимыми болотами Ворсклы. И тотчасъ же легкіе кавалерійскіе отряды Меншикова возобновили свои партизанскія дѣйствія, не давая шведамъ ни минуты покоя. Было нападеніе даже на самый шведскій лагерь, и во время смятенія, начавшагося у непріятеля, русскіе провели въ крѣпость значительный вспомогательный отрядъ, переодѣтый въ шведскіе мундиры. Старый полтавскій комендантъ полковникъ Келинъ умѣлъ одушевить свой малочисленный гарнизонъ, и полтавцы съ мужествомъ защищали окопы. Напрасно Карлъ бомбардировалъ городъ и, пользуясь пожаромъ, пытался взять его штурмомъ; онъ былъ отбитъ,—и полтавцы въ ту же ночь отплатили ему сильною вылазкою. Какое участіе принималъ Нижегородскій полкъ въ набѣгахъ на шведскій лагерь, историческихъ свидѣтельствъ не сохранилось; несомнѣнно, однако, что въ общей цѣпи событій онъ долженъ былъ играть извѣстную роль, и драгунскіе палаши, вѣроятно, не разъ обагрялись вражескою кровью.

Въ это время Нижегородцы становятся подъ команду опять новаго лица. Шомбургъ произведенъ былъ въ бригадиры, а на мѣсто его командиромъ Нижегородскаго полка съ 27 мая 1709 года является полковникъ Андрей Ивановичъ Чернышевъ (1), бывшій стольникъ великой государыни царевны Софьи Алексѣевны. Это былъ человѣкъ испытанный въ военномъ дѣлѣ: онъ ходилъ съ бояриномъ Шеиномъ подъ Азовъ, по возвращеніи изъ этого похода записанъ «въ ученье подъ мушкетъ», прошелъ долговременную школу петровскихъ походовъ, служилъ въ пѣхотѣ и въ конницѣ, и подъ Лѣсной былъ раненъ пулею въ ногу. Долго

ли онъ командовалъ полкомъ, неизвѣстно. Любопытно однако же, что мы встрѣчаемъ его опять полковникомъ Нижегородскаго полка въ 1721 г. уже послѣ того, какъ въ 1711-мъ г. значится занимающимъ эту должность полковникъ Шишкинъ (2).

Шли дни за днями, и время само собою вносило перемѣны въ положеніе воюющихъ сторонъ. Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада. Непріятельскія апроши все ближе и ближе подвигались къ Полтавѣ, внѣшнія укрѣпленія ея понемногу переходили въ руки шведовъ. А въ городѣ, между тѣмъ, обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и пороха. Петръ принималъ свои мѣры къ спасенію крѣпости: притянутъ былъ въ тылъ шведамъ гетманъ Скоропадскій съ казаками, а на правый берегъ Ворсклы, по вновь наведеннымъ фашиннымъ мостамъ, переходили отряды кавалеріи и тревожили вражескій станъ. Въ одной изъ такихъ стычекъ случилось даже обстоятельство, которое едва не лишило шведскую армію ея отважнаго короля-полководца. Ночью, осматривая позицію русскаго отряда, Карлъ наткнулся на пикетъ, расположившійся у бивуачнаго костра подъ самой опушкою лѣса. Казаки курили люльки. Нетерпѣливый Карлъ выстрѣлилъ и положилъ одного изъ нихъ на мѣстѣ; казаки отвѣтили залпомъ, и король упалъ съ простреленною ногою. «Сожалѣю, что братъ мой Карлъ, пролившій такъ много человѣческой крови, нынѣ льетъ свою собственную изъ одной мечты быть властителемъ чужаго государства», сказалъ Петръ, выслушавъ донесеніе объ этомъ, и въ словахъ его выразилось то, что̀ чувствовало все русское войско (3). Рана короля значительно замедлила ходъ осадныхъ работъ; тѣмъ не менѣе было очевидно, что опасность паденія Полтавы ростетъ съ каждой минутой. Петръ собралъ военный совѣтъ, и на немъ поставилъ вопросъ, какъ выручить крѣпость безъ генеральнаго сраженія, «яко зѣло опаснаго дѣла» (4), — шведы все еще были страшны, а Петръ остороженъ. Но другого средства не отыскивалось, — нужно было дать генеральное сраженіе.

19 іюня русская армія въ полномъ составѣ перешла черезъ Ворсклу близъ Черняховой и стала укрѣпленнымъ лагеремъ на высотахъ у д. Семеновки. Четыре дня простояла она тутъ, подготовляясь къ бою, затѣмъ въ глухую ночь подвинулась по берегу Ворсклы ближе къ Полтавѣ и заняла то поле, гдѣ должно было произойти сраженіе.

Карлъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, рѣшилъ предупредить русскихъ,

и 27 іюня еще до восхода солнца вся шведская армія стояла уже подъ ружьемъ внѣ своего лагеря. Страдая отъ раны, мѣшавшей ему сѣсть на коня, король поручилъ командованіе фельдмаршалу Реншильду, а самъ явился передъ войсками въ качалкѣ. Объѣзжая ряды, онъ говорилъ солдатамъ о трудахъ, которые они перенесли, о безчисленныхъ побѣдахъ, которыя они одержали. «У насъ нѣтъ хлѣба», сказалъ онъ имъ въ заключеніе,—«въ русскомъ станѣ мы найдемъ его въ изобиліи. Тамъ мы должны сегодня обѣдать». И шведы двинулись къ русской позиціи.

Укрѣпленный русскій лагерь располагался на обширной полянѣ, опираясь тыломъ на крутые обрывистые берега Ворсклы, которая, извиваясь и развѣтвляясь на протоки, течетъ отсюда въ болотистомъ своемъ ложѣ къ юго-западу, къ Полтавѣ. Прямо передъ фронтомъ его лежало ровное пространство, а далѣе впереди, верстахъ въ двухъ съ половиною, синѣла правильная линія большого Будищинскаго лѣса, скрывавшаго за собою горизонтъ. Вправо отъ лагеря равнина замыкалась цѣпью высокихъ холмовъ, за которыми пряталась деревня Семеновка. Слѣва, отклоняясь отъ лагеря, высился не вдалекѣ окаймленный кустарниками густой Яловецкій лѣсъ, скрывавшій въ своихъ нѣдрахъ деревню Яловцы и Полтавскій монастырь. Онъ раскидывался обширнымъ треугольникомъ, основаніе котораго лежало по Ворсклѣ отъ лагеря почти до самой Полтавы, а вершина такъ близко подходила къ Будищинскому лѣсу, что образовала съ нимъ болѣе или менѣе узкое лѣсное дефиле, по которому только и можно было подойти къ русскому лагерю. Черезъ этотъ промежутокъ и пролегала изъ Полтавы большая дорога, прорѣзывавшая долину и уходившая черезъ Семеновскіе холмы къ деревнѣ Будищи. Шведской арміи въ ея наступленіи предстояло прежде всего появиться именно въ этомъ опасномъ промежуткѣ между лѣсами,—и Петръ приказалъ преградить его шестью редутами, поставленными на разстояніи ружейнаго выстрѣла другъ отъ друга. Кромѣ того, перпендикулярно къ этой линіи онъ выдвинулъ еще четыре такихъ же редута, которые должны были препятствовать наступленію шведовъ, разрѣзывая ихъ на двѣ части, а въ случаѣ наступленія русскихъ—служить для нихъ опорными пунктами.

Располагая свободнымъ путемъ отступленія за Ворсклу, Петръ спокойно ожидалъ на своей крѣпкой позиціи нападенія непріятеля. Онъ былъ предувѣдомленъ о намѣреніяхъ шведовъ однимъ изъ перебѣжчиковъ, и въ ночь передъ сраженіемъ редуты заняты были двумя батальонами

пѣхоты, а въ промежуткахъ между ними расположились семнадцать полковъ регулярной кавалеріи. Пѣхота и артиллерія остались въ укрѣпленномъ лагерѣ. Начинало свѣтать. Въ войскахъ передъ каждымъ полкомъ читался приказъ царя—безсмертный памятникъ величія души его и любви къ родинѣ.

«Воины! Се пришелъ часъ, который всего отечества судьбу положилъ на рукахъ вашихъ, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за нашу Православную Вѣру и Церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложно быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго за васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго во бранѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, ея благочестіе, слава и благосостояніе».

Нижегородскій полкъ слушалъ этотъ приказъ въ отрядѣ генерала Боура. Онъ стоялъ между вторымъ и третьимъ редутами съ лѣваго фланга, около самой будищинской дороги ([5]).

Было пять часовъ утра, когда шведскія войска показались изъ-за Яловецкаго лѣса. Они шли въ боевомъ порядкѣ, пѣхота впереди, за нею кавалерія. Два передніе, еще не доконченные редута были тотчасъ же взяты шведами, но далѣе пѣхота встрѣтила такую упорную оборону, что вынуждена была остановиться. Тогда ее смѣнила кавалерія. Шведскіе кирасиры ринулись на русскую конницу, и въ промежуткахъ между редутами, окутанными дымомъ, завязалась жестокая кавалерійская битва. Меншиковъ, Боуръ и Ренне лично водили свои полки въ атаку; подъ первымъ убиты двѣ лошади, Ренне получилъ тяжелую рану, многіе офицеры отдали свою жизнь за родину. Русскіе перемѣшались со шведами и не уступали ни шагу. Нижегородскій полкъ не разъ врубался въ ряды кирасиръ и, въ лицѣ своего полкового каптенармуса Абрама Ивановича Антонова, взялъ среди рукопашной свалки шведское знамя — одинъ изъ первыхъ трофеевъ въ великій день Полтавской битвы ([6]). Шведы вынуждены были наконецъ уступить, и кавалерія ихъ отошла опять за пѣхоту, которая теперь стройными колоннами стояла передъ русскою конницею.

Было очевидно, что драгуны наши, одни, безъ поддержки главнаго лагеря, не могутъ удержать наступленія всей шведской арміи,—и Петръ

приказалъ имъ отступить. Стройно, въ полномъ порядкѣ, прошли драгунскіе полки по равнинѣ мимо лагеря и стали на высотахъ у Семеновки. «Сегодня, на самомъ утрѣ», писалъ царь своему сыну объ этомъ моментѣ боя, «непріятель со всею арміею, конною и пѣшею, атаковалъ нашу конницу, которая хотя зѣло по достоинству держалась, однако вынуждена была отступить, только-жь съ великимъ убыткомъ непріятелю» (7).

Какъ только Боуръ началъ отступленіе, непріятель прорвался въ промежутки между редутами — и шведская армія съ ея королемъ и полководцами явилась въ долинѣ.

Не всѣ однако войска короля прошли мимо окоповъ. Нѣсколько батальоновъ, вѣроятно не получившихъ соотвѣтствующихъ приказаній, бросились опять штурмовать редуты, ближайшіе къ Яловецкому лѣсу. Петръ тотчасъ двинулъ на нихъ пять драгунскихъ полковъ и пять батальоновъ, подъ командой Меншикова,—и шведы были отрѣзаны отъ своей арміи. Тщетно пытались они пробиться: часть ихъ, загнанная драгунами въ болота Яловецкаго лѣса, положила оружіе вмѣстѣ съ генераломъ Шлиппенбахомъ; другая, подъ начальствомъ Рооса, бѣжала въ лагерь. Ее преслѣдовалъ Ренцель со своею пѣхотой—и только жалкіе остатки ея успѣли уйти отъ погони.

А на равнинѣ рѣшалась между тѣмъ судьба всей шведской арміи. Какъ только вышла она изъ-за линіи нашихъ окоповъ, колонны ея очутились подъ страшнымъ фланговымъ огнемъ русскихъ батарей. Эта неожиданность поразила непріятеля. Безпорядочною массою бросились шведы туда, гдѣ длинной полосою синѣлъ передъ ними Будищинскій лѣсъ. Отойдя къ его опушкѣ, они остановились въ лощинѣ, закрытой отъ выстрѣловъ, и стали приводить въ порядокъ свои разстроенныя части.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.

Онъ далъ приказаніе—и войска стали выходить изъ укрѣпленнаго лагеря и строиться въ полѣ. Царь между тѣмъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ полкамъ.

1701–1725.

И се—равнину оглашая,
Далече грянуло у р а:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ счастія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

Объѣзжая войска, Петръ одушевлялъ ихъ, призывая на брань во имя Господне. Князь М. Голицынъ, герой Ноттебурга и Лѣсного, отвѣчая за всѣхъ, напомнилъ царю битву его съ Левенгауптомъ. «Нонѣ войска тѣже, и мы тѣже, Государь», сказалъ онъ. «Уповаемъ на Бога имѣть такой же подвигъ и нынѣ, какъ тогда» ([8]). Войска, между тѣмъ, выстроились въ боевой порядокъ: двѣ линіи пѣхоты, подъ начальствомъ Шереметева, образовали центръ; драгуны стали на крыльяхъ: Боуръ съ своими полками, среди которыхъ былъ и Нижегородскій, на правомъ ([9]), а Меншиковъ, успѣвшій къ тому времени вернуться изъ Яловецкаго лѣса,—на лѣвомъ. Было девять часовъ утра, когда Петръ, осѣнивъ крестообразно полки свои обнаженнымъ мечемъ, обратился къ Шереметеву и сказалъ: «Фельдмаршалъ! поручаю вамъ свою армію!» ([10]) Войска тотчасъ двинулись впередъ; въ то же время вышли изъ Будищинскаго лѣса и шведы.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!

Правый флангъ шведовъ, одушевленный присутствіемъ короля, котораго везли въ качалкѣ, мгновенно смѣшалъ и опрокинулъ два батальона Новогородскаго полка. Русская линія была прорвана—и сразу, въ первый же моментъ боя, настала роковая минута, которая могла сдѣлаться гибельною для русскихъ. Тогда самъ Петръ со второю линіей бросился на

помощь къ новогородцамъ, въ сферу губительнаго ружейнаго огня. Бой возобновился съ яростью. И царь, и король, подвергаясь всѣмъ случайностямъ битвы, находились въ переднихъ рядахъ. Пуля пронизала шляпу Петра, другая пробила сѣдло, третья попала въ грудь, но отскочила, ударившись о чудотворный крестъ со святыми мощами, привезенный нѣкогда царю Алексѣю Михайловичу съ Аѳона и теперь висѣвшій на груди царя; крестъ этотъ, неразлучный спутникъ Петра во всѣхъ его походахъ, хранится нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Изъ 24 человѣкъ, окружавшихъ качалку Карла, осталось въ живыхъ только трое, и возлѣ него же убитъ Адлерфельдъ, писавшій исторію походовъ Карла XII.

Около двухъ часовъ продолжалось упорное сраженіе, не дававшее рѣшительныхъ результатовъ. И шведы, и русскіе стояли съ одинаковымъ мужествомъ; пѣхота билась на штыкахъ; на флангахъ кипѣло горячее кавалерійское дѣло. Тамъ

. . . . . . тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.

Но вотъ шведская конница дала наконецъ тылъ, и русскіе драгуны врубились во флангъ непріятельскихъ батальоновъ... Шведы дрогнули—и побѣжали по всему протяженію боевого поля. «Непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали», отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ Петръ Великій. Тогда началось полное ужасовъ преслѣдованіе непріятеля.

И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи....

Русская пѣхота гнала шведовъ только до опушки Будищинскаго лѣса; но драгуны проскакали лѣсъ и продолжали рубить и гнать непріятеля, «пока лошади ихъ не стали» (11).

Было еще рано, не болѣе 11 часовъ утра, а вся шведская армія представляла изъ себя одни нестройные обломки и бѣжала къ Седжарамъ, не смѣя заглянуть даже въ свой собственный лагерь, который занятъ уже былъ русскою пѣхотою Ренцеля.

Полтавское поле стоило шведамъ чрезвычайно дорого. На самомъ

мѣстѣ сраженія они оставили убитыми свыше девяти тысячъ человѣкъ, не считая разбросанныхъ по лѣсамъ, полямъ и дорогамъ, потеряли четыре пушки, весь лагерь, обозъ, парки и всю казну. Къ стопамъ Петра повергнуто 137 знаменъ и штандартовъ. Плѣнныхъ было до трехъ тысячъ человѣкъ, и между ними фельдмаршалъ Рейншильдъ. Самъ король едва не очутился въ плѣну. Какъ только началось смятеніе въ его войскахъ, ядро убило обѣихъ лошадей, везшихъ качалку; пока впрягали новыхъ, другое ядро разбило самую качалку, и Карлъ, выброшенный на землю, лишился чувствъ. Его подняли и посадили верхомъ. Но пуля убила коня, а другого не было. Тогда раненый полковникъ Гіерта предложилъ королю своего. «Спасите только его!» сказалъ онъ окружавшимъ Карла, поцѣловалъ у него руку—и черезъ минуту, настигнутый казаками, палъ подъ ихъ ударами. Раненый король не могъ, однако же, держаться на лошади; шведы кое-какъ отыскали карету, положили въ нее Карла и поскакали вслѣдъ за бѣжавшими остатками разбитой арміи.

Потери русскихъ войскъ были несравненно менѣе. Изъ рядовъ ихъ выбыло только 1345 человѣкъ убитыми и 3290 ранеными. Нижегородскій полкъ потерялъ 54 лошади, да изъ сохранившихся отрывочныхъ свѣдѣній видно, что въ числѣ раненыхъ находились полковой адъютантъ его поручикъ Висленевъ, тотъ самый, который въ предшествовавшемъ году былъ раненъ подъ Лѣсной, и вахмистръ Иванъ Ушаковъ, получившій сабельный ударъ въ голову. Послѣдняго Петръ произвелъ въ офицеры (12).

Блестящая побѣда, одержанная надъ врагомъ, до сихъ поръ не знавшимъ пораженія, наполняла всѣ сердца въ русскомъ станѣ великою радостью. Поручивъ казакамъ преслѣдованіе разбитаго непріятеля, Петръ выстроилъ всѣ регулярныя войска впереди укрѣпленнаго лагеря. Посреди поля поставлена была походная церковь, и тамъ, гдѣ еще недавно грохотала пальба и свистѣла картечь, раздались торжественные гимны благодарственнаго молебствія. По окончаніи его Петръ, съ непокрытою головою въ знакъ уваженія къ войскамъ, объѣхалъ всѣ полки, благодаря ихъ за подвиги и понесенные труды.

Затѣмъ всѣ отправились въ царскій шатеръ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ на огромное число кувертовъ. Здѣсь всѣ спѣшили поздравить царя съ чудеснымъ избавленіемъ отъ смерти и дивясь разсматривали и крестъ его, поврежденный пулей, и прострѣленную шляпу. «Не дивитесь

сему», сказалъ Петръ; «и я, и вы, и солдаты жизни своей не щадили. Пули сіи (онъ указалъ на крестъ и на шляпу) не были жребіемъ моей смерти. Десница Всевышняго сохранила меня, чтобы спасти Россію и наказать гордость брата моего Карла» (13). Усталые, взволнованные испытанными ощущеніями, царь, генералы и офицеры сѣли за обѣденный столъ. Свѣтлое чувство неизмѣримой радости не допускало никакихъ темныхъ чувствъ, и побѣжденные шведы сидѣли за царскимъ столомъ вмѣстѣ съ русскими офицерами.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ!

А на другой день, на самомъ полѣ сраженія, совершенъ былъ обрядъ погребенія убитыхъ. Склонившись надъ общею громадною могилой, царь краснорѣчивымъ, но полнымъ скорби прощальнымъ словомъ почтилъ прахъ убіенныхъ. «Храбрые воины!» сказалъ онъ: «Вы увѣнчались страдальческимъ вѣнцомъ, вы предстоите престолу Царя небеснаго: поборайте же молитвами вашими правому оружію моему, поднятому на благо отечества!» (14) Онъ положилъ три земные поклона, и на могильномъ холмѣ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня». Холмъ этотъ донынѣ возвышается на Полтавскомъ полѣ, и народъ зоветъ его «шведскою могилой»; но петровскаго креста на немъ уже нѣтъ. Всесокрушающее время истребило этотъ священный памятникъ,—и теперь на курганѣ другой крестъ и другая надпись. «А о Петрѣ вѣдайте», говоритъ эта надпись, «что жизнь ему не дорога, была бы жива Россія и благоденствіе ваше».

Для преслѣдованія разбитаго непріятеля, еще въ самый день битвы, вечеромъ, посланъ былъ генералъ Боуръ съ шестью драгунскими полками, въ числѣ которыхъ находился и Нижегородскій. Вслѣдъ за ними Петръ отправилъ князя Голицына съ двумя гвардейскими полками, посаженными на лошадей, и приказалъ князю Меншикову принять общее начальство

Полтавскій бой.

надъ этимъ отрядомъ. Меншиковъ, Боуръ и князь Голицынъ настигли непріятеля 30 іюня на самомъ берегу Днѣпра у Переволочны. Карлъ XII былъ уже на той сторонѣ, переплывъ рѣку въ рыбачьей лодкѣ; съ нимъ вмѣстѣ переправились тысяча шведовъ, да тысячи двѣ казаковъ съ Мазепою. Всѣ остальныя войска, подъ начальствомъ генерала Левенгаупта, были покинуты на произволъ судьбы, и теперь, прижатыя къ Днѣпру, безъ провизіи и безъ снарядовъ, вынуждены были принять капитуляцію. Нижегородцамъ пришлось принять дѣятельное участіе въ этомъ плѣненіи шведовъ, такъ какъ отъ каждаго драгунскаго полка командировано было по эскадрону для принятія отъ нихъ знаменъ и оружія.

У Переволочны взято 14.030 человѣкъ плѣнныхъ, 127 знаменъ и 28 орудій. Грозной шведской арміи болѣе не существовало.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ съ арміею Левенгаупта, находился принцъ Виртембергскій, по всей вѣроятности одинъ изъ родоначальниковъ покойнаго короля Карла, который, уже въ наше время, въ теченіе 46-ти лѣтъ носилъ званіе шефа Нижегородскаго полка. Петръ принялъ его съ почетомъ, какъ царственную особу, и немедленно освободилъ изъ плѣна. Юному принцу не суждено было, однако, увидѣть отечество: онъ заболѣлъ и скончался на пути, въ городѣ Дубно. Петръ приказалъ препроводить его тѣло въ Штутгартъ со всѣми военными почестями, принадлежащими его высокому роду, и отправилъ собственноручное письмо, чтобы утѣшить скорбную мать въ потерѣ сына ([15]). На надгробномъ памятникѣ принца понынѣ сохраняется надпись, выражающая материнское чувство благодарности великому царю, который умѣлъ почтить въ несчастіи врага и великодушно воздалъ ему послѣдній долгъ послѣ его кончины.

Петръ прибылъ въ Переволочну на другой день послѣ капитуляціи шведовъ и, узнавъ о бѣгствѣ Карла, отрядилъ въ погоню за нимъ четыре драгунскихъ полка, подъ командой Кропотова и князя Волконскаго. Въ числѣ этихъ полковъ былъ и Нижегородскій. Они настигли короля 8 іюля на самой турецкой границѣ, у Буга, и жалкіе остатки нѣкогда грознаго войска были здѣсь окончательно уничтожены. Самъ Карлъ едва успѣлъ уйти и вмѣстѣ съ Мазепой отдался подъ покровительство султана ([16]). Чужая земля пріютила его, а на Руси возникла и осталась съ тѣхъ поръ пословица: «пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой».

Въ память Полтавской побѣды выбиты были особыя медали съ портретами Петра Великаго—для офицеровъ золотыя, а для нижнихъ чиновъ

серебряныя ([17]). Это были уже четвертыя медали, заслуженныя Нижегородскимъ полкомъ. Генералы получили портреты царя, осыпанные алмазами; самъ государь, по просьбѣ своихъ войскъ, принялъ въ арміи чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ религіозной жизни русскаго народа Полтавское сраженіе отмѣчено особымъ духовнымъ торжествомъ, которое изъ вѣка въ вѣкъ отправляется православною церковью въ день 27 Іюня. И день этотъ долженъ быть священнымъ для полка, вписавшаго свое имя въ число участниковъ въ великой битвѣ.

Величавый образъ царя-героя навѣки запечатлѣлся въ народной памяти одною солдатскою пѣсней, которая скоро сдѣлалась достояніемъ всего русскаго народа. Эта пѣсня-легенда изображаетъ Петра въ самомъ пылу кровавой битвы, передъ лицомъ смерти и вѣчности. Съ особенною силой говорятъ ея живые звуки сердцу и воображенію тѣхъ, къ кому по праву, какъ къ преемникамъ сподвижниковъ великаго царя, перешло это славное преданіе. Вотъ эта пѣсня:

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья:
Мы дрались тогда со шведомъ
Подъ знаменами Петра.

Нашъ великій Императоръ—
Память вѣчная ему!—
Богатырь былъ между нами
По осанкѣ и уму.

Самъ, родимый, предъ полками
Яснымъ соколомъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ.

Бой кипѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужь не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.

Былъ тотъ день для насъ великій!
Смерть летала вкругъ царя,
Но хранилъ Господь для русскихъ
Императора Петра.

ПОЛТАВА.

Пули облакомъ носились,
Кровь горячая лилась;
Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилась.

Видно, шведы промахнулись,—
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.

Много шведовъ, много нашихъ
Подъ Полтавою легло...
Вдругъ еще впилася пуля
Въ наше царское сѣдло.

Не смутился Императоръ,
Взоръ какъ молнія сверкалъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
А быстрѣе поскакалъ.

Но какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ:
Прямо въ грудь она летѣла—
И ударила, какъ громъ.

Чудо дивное свершилось!
Въ этотъ мигъ царь усидѣлъ;
На груди царя высокой
Чудотворный крестъ висѣлъ,—

Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ широкого креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.

Было дѣла подъ Полтавой..
Сотни лѣтъ еще пройдутъ—
Эти царскія три пули
Въ сердцѣ русскомъ не умрутъ ([18]).

Въ Полтавѣ, въ Новомъ городѣ, на площади, передъ кадетскимъ корпусомъ, возвышается теперь чугунная колонна, увѣнчанная орломъ, который устремилъ свои грозящія очи къ полю Полтавской битвы. Въ клювѣ у него лавровый вѣнокъ. Подножіемъ колонны служитъ высѣ-

ченная изъ мрамора крѣпость съ пушками—моделями тѣхъ, какія были въ сраженіи. Рѣшетка, окружающая колонну, составлена изъ мечей греческой работы, обращенныхъ концами къ землѣ — символъ отдыха послѣ побѣды. А въ старой Полтавѣ, на мѣстѣ скромнаго домика, въ которомъ Петръ отдыхалъ послѣ битвы, стоитъ пирамидальный каменный столбъ съ надписью: «Здѣсь Петръ Великій покоился послѣ трудовъ своихъ, 1709 года іюня 27. Благоговѣй! мѣсто свято есть». Вблизи этого памятника—ветхая деревянная церковь Спаса, гдѣ Петръ, уже одинъ, безъ войскъ, молился за дарованную Россіи побѣду.

И нынѣ Нижегородецъ, смотря на эти памятники и остатки великой петровской старины, съ гордостію вспомнитъ о своихъ славныхъ предшественникахъ, о тѣхъ старинныхъ поколѣніяхъ, которыя своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ великой побѣдѣ оставили полку плодоносную почву для нестарѣющихъ съ вѣками полковыхъ преданій.

IV.

Послѣ Полтавы.

(1710—1730).

На венгерскомъ рубежѣ. — Война съ Турціей. — При Бѣлой Церкви. — Побѣдоносное движеніе къ Браилову передъ Прутскимъ миромъ. — На родинѣ. — Походъ въ Померанію противъ Карла XII. — Вновь на Балтійскихъ побережьяхъ. — Двѣнадцать лѣтъ въ Шацкой и Сѣвской провинціяхъ. — Смерть Петра Великаго и народная пѣсня о ней. — Мелкія перемѣны и квартирный вопросъ. — Внутренняя полковая жизнь.

Полтавская побѣда, надъ арміей, не знавшей дотого пораженія, вдругъ выдвинула Россію на первенствующее мѣсто въ восточной Европѣ, и Петръ сдѣлался рѣшителемъ судебъ цѣлой половины этой части свѣта. Подъ его главенствомъ не только возникъ изъ пепла Сѣверный союзъ,

но къ нему присоединился и прусскій король Фридрихъ 1-й, привлеченный заманчивой перспективой завладѣть шведскою Помераніею.

Петръ спѣшилъ пользоваться своимъ необыкновенно выгоднымъ положеніемъ, и тою же осенью 1709 года Шереметевъ осаждалъ Ригу, Апраксинъ завоевывалъ Корелію, а Меншиковъ съ десятью полками драгунъ, вслѣдъ за капитуляціей у Переволочны, отправленъ былъ въ Польшу противъ войскъ незаконнаго короля Станислава Лещинскаго. Съ княземъ Меншиковымъ былъ и нашъ Нижегородскій полкъ ([1]). Одного появленія русскихъ войскъ оказалось достаточнымъ для низверженія Станислава: покинутый теперь всѣми, онъ вмѣстѣ съ шведскими отрядами, остававшимися въ Польшѣ въ дни полтавскаго пораженія, ушелъ въ Венгрію. Военныхъ дѣйствій, такимъ образомъ, не было и не предвидѣлось; и генералъ Ренне, замѣстившій Меншикова, котораго Петръ вызвалъ къ себѣ въ Торунь, расположилъ наши драгунскіе полки вдоль венгерской границы отъ Кракова почти до Каменецъ-Подольска на зимовыя квартиры. Вскорѣ и Ренне отозванъ былъ къ царю, сдавъ начальство надъ кавалерійскимъ отрядомъ въ Польшѣ князю Михаилу Голицыну. И вотъ, въ то время, какъ на берегахъ Балтійскаго моря раздавались новые и тяжкіе громы войны, когда передъ русскимъ оружіемъ одни за другими падали вражескія укрѣпленія Риги, Выборга, Дюнаминда, Пернау, Кексгольма и Ревеля — въ это самое время нашему Нижегородскому полку досталась невеселая доля сторожить польскій рубежъ отъ возможнаго вторженія венгерцевъ, шведовъ или кіевскаго воеводы, приверженца Лещинскаго. И подобныя попытки съ ихъ стороны дѣйствительно были. Источники свидѣтельствуютъ прямо о двухъ «баталіяхъ», въ которыхъ участвовали Нижегородцы на волохской границѣ; но ни одинъ изъ нихъ не даетъ подробныхъ указаній, когда и гдѣ именно происходили эти дѣла, бывшія по всей вѣроятности простыми пограничными стычками съ какою нибудь партіей, пытавшейся прорваться въ Польшу изъ Буковины или Молдавіи ([2]). Такъ прошелъ годъ, памятный Нижегородскому полку только какою-то тяжелой болѣзнью, истреблявшей его лошадей. Что была это за болѣзнь, источники не говорятъ; извѣстно только, что съ августа 1709 г. по январь 1711-го, въ полку пало 370 лошадей—почти половина его конскаго состава ([3]).

Эта тишина, нарушаемая только внутреннимъ бѣдствіемъ, была однако не продолжительна. Въ сентябрѣ 1710 года случилось незначи-

тельное обстоятельство, которому суждено было послужить поводамъ къ крупнымъ событіямъ. Въ Польшу неожиданно вторглись бывшіе при Карлѣ въ Бендерахъ шведы и запорожскіе казаки. Небольшой отрядъ русскихъ драгунъ разбилъ ихъ на голову: шведовъ захватилъ въ плѣнъ, а запорожцевъ прогналъ за Прутъ, преслѣдуя ихъ даже по турецкой землѣ. И теперь Карлъ, давно уже подбивавшій Порту къ войнѣ съ Россіей, могъ указать ей на это обстоятельство, какъ на оскорбительное нарушеніе турецкой территоріи. Порта вознегодовала. Она объявила русскому послу, что намѣрена проводить Карла въ его владѣнія подъ прикрытіемъ сорокатысячной арміи. Переговоры, возникшіе по этому поводу, не привели ни чему: Порта требовала отъ Петра признанія Станислава польскимъ королемъ и отказа отъ всѣхъ завоеваній въ предѣлахъ Швеціи. Въ ноябрѣ разрывъ между Россіей и Турціей уже было объявленъ, и князь Голицынъ получилъ приказаніе присоединиться съ своими конными полками къ арміи ([4]). Когда Голицынъ выступилъ съ венгерской границы, на его пути кипѣла уже война, предупредительно начатая крымскими вассалами и польскими друзьями султана: татары, а съ ними кіевскій воевода Потоцкій съ польскими войсками, да Орликъ съ запорожцами вторглись въ русскіе предѣлы, и слѣды ихъ широкой полосою обозначились пепломъ сожженныхъ селеній и всѣми ужасами убійствъ и грабежей. Пройдя Заднѣпровье, они осадили Бѣлую-Церковь. Здѣсь напалъ на нихъ Голицынъ, и Нижегородскому полку довелось участвовать въ этомъ памятномъ сраженіи. Объ исходѣ его Голицынъ коротко доносилъ, «что было ихъ (враговъ) всѣхъ съ семь тысячь человѣкъ, и онаго воеводу кіевскаго такъ разбили, что близъ пяти тысячь мертвыхъ на мѣстѣ осталось, да отбито съ 10 тысячь человѣкъ нашихъ изъ полона» ([5]).

Теперь Голицынъ спѣшилъ къ Днѣстру, чтобы присоединиться къ главной арміи, которую велъ туда фельдмаршалъ Шереметевъ, между тѣмъ какъ турки съ своей стороны уже приближались къ Дунаю и грозили столицѣ Молдавіи. Молдавскій господарь требовалъ помощи, и чтобы отклонить ударъ, могшій быть гибельнымъ для всѣхъ христіанъ, приверженныхъ къ Россіи, Шереметевъ тотчасъ отправилъ къ нему въ Яссы кавалерійскій отрядъ бригадира Кропотова. Пошли драгунскіе полки Нижегородскій, Азовскій и Пермскій, вмѣстѣ съ двумя конно-гренадерскими ротами, которыя при случаѣ могли замѣнить имъ артиллерію. Полки шли форсированными маршами подъ страшнымъ 45°-нымъ зноемъ, безъ воды,

безъ хлѣба, даже безъ корма для лошадей, такъ какъ вся трава была кругомъ истреблена саранчею. Въ Яссахъ тоже не нашли никакихъ запасовъ, и фуражировъ пришлось высылать въ мѣста слишкомъ удаленныя отъ нашего лагеря, что̀ не замедлило привести къ катастрофѣ. 19 мая одна изъ нашихъ сборныхъ командъ, высланная за сѣномъ подъ командою маіора Паца, была атакована передовою татарскою конницей, рыскавшей уже между Дунаемъ и Прутомъ, и потеряла болѣе ста человѣкъ одними плѣнными, не считая убитыхъ и раненыхъ. Пострадали при этомъ, какъ видно изъ источниковъ, и наши Нижегородцы (6). Но все это было только прелюдіей къ тѣмъ страшнымъ бѣдствіямъ, которыя ожидали впереди русскую армію, уже перешедшую Прутъ и двигавшуюся къ Яссамъ,— туда, гдѣ великому царю и его войску предстояла такая печальная роль, подготовленная фальшивыми союзниками и друзьями Россіи.

Какъ куды же нашъ православный царь собирается?
Собирается царь во ины земли,
Во ины земли, во шведскія,
Во шведскія, во турецкія...

печально говоритъ народная пѣсня о несчастномъ походѣ, указывая тѣмъ на глубокое впечатлѣніе, оставленное имъ въ умахъ современниковъ.

Нижегородскому полку, которому какъ бы покровительствовало историческое счастіе, удалось между тѣмъ избѣгнуть общаго бѣдствія. Въ то время, когда самъ Петръ, окруженный на Прутѣ двухсотъ-тысячною арміею верховнаго визиря, искалъ мира отъ турокъ, соглашаясь на тяжелыя уступки, Нижегородцы побѣдоносно воевали на самыхъ берегахъ широкаго Дуная. Дѣло въ томъ, что они еще изъ Яссъ, вмѣстѣ съ пятью другими драгунскими полками: Владимірскимъ, Псковскимъ, Сибирскимъ, Московскимъ и Тверскимъ, подъ начальствомъ генерала Ренне, были отправлены къ крѣпости Браилову, гдѣ, по словамъ господарей, были собраны большіе запасы, почти никѣмъ не охраняемые (7). Извѣстіе это оказалось невѣрнымъ, и когда, 10 іюля, русскій отрядъ пришелъ къ монастырю Максимени, при сліяніи рѣкъ Бузео и Серетъ, то узналъ, что крѣпость занята трехъ-тысячнымъ турецкимъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе Ренне рѣшилъ овладѣть Браиловымъ, укрѣпленія котораго еще не были окончены. И вотъ, 12 іюля, драгуны наши явились подъ стѣнами крѣпости и, спѣшившись, овладѣли предмѣстьемъ. Турки, выбитые отсюда, заперлись въ замкѣ, окруженномъ ретраншементами.

Отважный Ренне отдалъ приказаніе въ ту же ночь взять замокъ приступомъ. Въ десятомъ часу вечера пять драгунскихъ полковъ (Московскій остался въ резервѣ) пошли на ретраншементы. Штурмъ, продолжавшійся всю ночь, окончился тѣмъ, что всѣ передовыя укрѣпленія перешли въ наши руки, и непріятель удержался только въ самомъ замкѣ. Въ этомъ ночномъ бою убито болѣе ста драгунъ и ранено около трехсотъ ([8]). Изъ Нижегородцевъ въ числѣ особенно отличившихся, названы: — премьеръ-маіоръ Богдановъ, незадолго передъ тѣмъ переведенный изъ Псковскаго полка, и поручикъ Нижегородсковъ. Первый произведенъ въ подполковники, а второму пожалованъ вторично тотъ же чинъ поручика, въ который онъ былъ произведенъ за отличіе подъ Головнымъ. Нижегородсковъ жаловался, и «по его челобитью данъ ему чинъ капитана» ([9]). 14 іюля утромъ Ренне потребовалъ сдачу самаго замка, угрожая въ противномъ случаѣ тотчасъ штурмовать его и истребить гарнизонъ безъ пощады. Турки капитулировали. По условію, заключенному между генераломъ Ренне и Даутъ-пашею, гарнизонъ сложилъ оружіе и былъ отпущенъ на честное слово не служить въ эту кампанію противъ русскихъ.

Въ полдень драгуны вступили въ замокъ. Но не долго пришлось Ренне пользоваться плодами блистательной побѣды. Черезъ два дня, 16 іюля, получено было извѣстіе о прутской катастрофѣ и о заключеніи мира. Пришлось послать за побѣжденнымъ Даутъ-пашею нарочнаго—съ приглашеніемъ вернуться вмѣстѣ съ его обезоруженнымъ войскомъ и принять крѣпость обратно. Кавалерійскій отрядъ Ренне отступилъ на Днѣпръ и соединился съ главными силами.

Драгунъ нашихъ встрѣтила въ русскомъ лагерѣ общая печаль. Потери, понесенныя нами при отступленіи, были велики ([10]), условія, на которыхъ турки приняли миръ, были тяжки: Петръ обязался возвратить имъ Азовъ, срыть новыя крѣпости Таганрогъ, Каменный Затонъ и Самару, не вмѣшиваться въ дѣла Польши и дать свободный проѣздъ королю шведскому въ его владѣнія. Но, среди этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, еще рельефнѣе выдѣлялся подвигъ Ренне. Послѣ Святослава впервые тогда раздался на Дунаѣ звукъ русскаго оружія; и какъ старинный Доростолъ (Силистрія) палъ передъ варяжскими стягами, такъ палъ теперь передъ знаменами русскаго царя и турецкій Браиловъ. Петръ прислалъ Ренне андреевскій орденъ.

Миръ, наступившій послѣ Прутскаго похода, былъ не надеженъ.

Вездѣ, по голымъ сожженнымъ степямъ Бессарабіи и по раскаленнымъ полямъ Украйны рыскали полудикія шайки наѣздниковъ, которыхъ держали русскія войска въ постоянной тревогѣ. Турки очевидно не могли остановить ни своихъ союзниковъ, ни подданныхъ, и война фактически продолжалась, поселяя острое взаимное недовѣріе. Естественно, что царь не спѣшилъ возвращеніемъ Азова; турки также не выполняли своихъ условій, и Карлъ XII, однимъ своимъ присутствіемъ державшій смуту на турецко-польскихъ границахъ, все еще пользовался гостепріимствомъ султана. Русскія войска были связаны всѣми этими обстоятельствами и не удалялись отъ турецкихъ границъ: Шереметевъ стоялъ на Украйнѣ, а кавалерія, выдвинутая подъ начальствомъ Ренне къ самому Кіеву, сторожила проѣздъ шведскаго короля. Ренне получилъ приказаніе идти черезъ Литву параллельно турецкому отряду, провожающему Карла, и, «идучи, смотрѣть на шведовъ поступки, чтобы въ случаѣ сомнительнаго поведенія короля тотчасъ вступить въ Польшу и идти на него, какъ на непріятеля» ([11]). Но, какъ извѣстно, Карлъ, помимо воли султана, упорно оставался въ Бендерахъ, и только уже въ февралѣ 1713 года былъ наконецъ взятъ насильно и перевезенъ въ Салоники. Такимъ образомъ отрядъ Ренне безполезно простоялъ все время на границахъ Польши.

Два года принесли между тѣмъ существенное улучшеніе въ отношеніяхъ между Россіей и Турціей; высылка изъ нея Карла окончательно упрочила миръ,—и на русскомъ югѣ все стихло. Кавалерія Ренне спокойно зимовала въ польской Украйнѣ около Бѣлой Церкви, а нѣсколько конныхъ полковъ его, для облегченія тамошнихъ жителей, выведены были даже въ Россію. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и Нижегородскій полкъ, проведшій зиму съ 1713-го на 1714-й годъ въ Курскѣ ([12]).

А на сѣверѣ между тѣлъ еще шла война. Петръ прекрасно понималъ, что «намъ надлежитъ Господа Бога просить точію о добромъ мирѣ съ Швеціей»; и если войска его побѣдоносно шли все дальше и дальше въ Финляндіи, то уже не съ цѣлію завоеваній, а чтобы привести шведовъ къ «резону» и «чтобы при заключеніи мира было что уступить». Союзники Петра съ своей стороны медленно, но съ прежнею настойчивостію тѣснили шведовъ. Помогавшія имъ русскія войска, подъ начальствомъ князя Меншикова, почти безпрепятственно заняли всю Померанію, и только одинъ Стральзундъ, блокируемый саксонцами и датчанами, держался упорно. Въ этой блокадной войнѣ кавалеріи дѣлать было не-

чего, и генералъ Боуръ съ его драгунскими полками, находившимися въ Помераніи, отпущенъ былъ въ Россію.

Но вдругъ это вялое теченіе военныхъ дѣлъ круто измѣнилось. Въ Стральзундѣ неожиданно появился Карлъ, проѣхавшій туда верхомъ, подъ чужимъ именемъ, только съ двумя проводниками, черезъ владѣнія германскаго императора. Это обстоятельство показалось всѣмъ весьма знаменательнымъ и вызывало большія опасности. Въ Польшѣ подняли голову сторонники Станислава Лещинскаго. Начались тревога и передвиженія союзныхъ войскъ. Боуръ получилъ приказаніе опять вернуться въ Померанію; но такъ какъ полки его были утомлены безпрерывными походами, то ихъ отправили въ Малороссію, а на мѣсто ихъ вызвали другіе. Нижегородскій полкъ также оставилъ Курскъ и подъ начальствомъ Боура пошелъ въ Польшу, вездѣ возстановляя порядокъ ([13]). Въ Помераніи военныхъ дѣйствій онъ, однако, уже не засталъ. Какъ ни было велико обаяніе имени Карла XII, но Швеція, истощенная продолжительной войною, не могла бороться съ многочисленными союзниками — и Стральзундъ палъ. Карлъ бѣжалъ изъ него въ маленькой лодкѣ. Тогда союзники рѣшили перенесть войну на Скандинавскій берегъ и стали готовить дессантныя войска. Три драгунскіе полка изъ кавалерійскаго корпуса Боура были кое-какъ перевезены на судахъ въ Копенгагенъ, гдѣ собирался экспедиціонный отрядъ, но остальные три, и въ томъ числѣ Нижегородскій, остались въ Мекленбургѣ ([14]). Впрочемъ недостатокъ морскихъ перевозочныхъ средствъ и несогласія союзниковъ были причиною, что экспедиція эта не состоялась совсѣмъ, и Боуръ съ своею кавалеріей возвратился въ Польшу. Тамъ онъ перезимовалъ, и въ началѣ 1717 года повелъ свои полки въ Россію.

Годы совмѣстныхъ дѣйствій убѣдили Петра въ неискренности союзниковъ, и потому военныя дѣйствія русскихъ ограничиваются съ этихъ поръ почти исключительно Финляндіею. Къ Балтійскому побережью двинута была и кавалерія Боура. Такимъ образомъ Нижегородскому полку снова пришлось увидѣть тѣ поля, на которыхъ началось его боевое поприще, и зиму съ 17-го на 18-й годъ онъ провелъ въ Нейшлотскомъ и Выборгскомъ уѣздахъ ([15]). Серьезныхъ военныхъ дѣйствій, однако, не было — и не могло быть. Смерть Карла XII, убитаго въ траншеяхъ подъ Фридрихсгаллемъ, и затѣмъ несбывшіяся надежды новаго шведскаго правительства привели къ окончанію Великой Сѣверной

войны, и 21 апрѣля 1721 года заключенъ былъ знаменитый Нейштадтскій миръ.

Еще задолго до этого славнаго мира войска постепенно уже начали возвращаться въ Россію. Въ сентябрѣ 1719 года отправленъ былъ изъ Бѣла-озера въ Украинскій корпусъ, подъ начальство генералъ-адъютанта князя Трубецкого, и нашъ Нижегородскій полкъ, занявшій постоянныя квартиры въ г. Шацкѣ Нижегородской губерніи ([16]). Послѣ безпрерывныхъ походовъ, трудовъ, опасностей и подвиговъ для него наступило время отдыха и спокойствія на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ. ([17]).

На новую стоянку въ Шацкѣ полкъ прибылъ далеко не въ полномъ составѣ; по спискамъ числилось въ немъ 34 офицера и 823 строевыхъ нижнихъ чиновъ, но лошадей было только 469, да и изъ нихъ 158 оказывались негодными къ службѣ; болѣе половины людей были пѣши ([18]). Очевидно, что Нижегородцамъ, посреди тихой и мирной стоянки въ глухой провинціи, предстояло прежде всего заняться своими домашними дѣлами.

Конечно, полку и въ это время приходилось переживать острыя и сильныя впечатлѣнія, но они приходили къ нему извнѣ, изъ того далека, гдѣ еще кипѣла война, и гдѣ совершались событія государственнаго значенія. То были впечатлѣнія общія для всей русской земли. Такъ, въ 1721 году полкъ отпраздновалъ заключеніе Нейштадтскаго мира. Еще четыре года—и къ нему пришла потрясающая вѣсть о кончинѣ Императора. Быстро смѣнились за тѣмъ еще три царствованія. Но смерть Петра одна являлась среди нихъ событіемъ колоссальнымъ, оставившимъ тяжелые и неизгладимые слѣды въ умахъ народа и войска.

Народъ помнитъ своихъ героевъ, складываетъ о нихъ пѣсни, облекаетъ ихъ образы въ сказочныя формы. Есть пѣсня и о смерти великаго царя, носящая на себѣ печать глубокой скорби и сожалѣнія объ утратѣ, которую понесла въ немъ Россія. Пѣсня возникла, конечно, непосредственно за самымъ событіемъ; но передаетъ она это событіе не совсѣмъ согласно съ дѣйствительностью. Извѣстно, что гробъ императора Петра Великаго не былъ опущенъ въ землю немедленно и стоялъ нѣсколько лѣтъ посреди Петропавловскаго собора, а въ пѣснѣ говорится о нынѣшней могилѣ императора. Но это понятно. Какъ всякое другое историческое сказаніе, и пѣсня въ устахъ народа измѣняется не рѣдко сообразно времени и обстоятельствамъ. Когда императрица Анна Іоанновна приказала

наконецъ похоронить великаго государя у праваго клироса Петропавловскаго собора, народъ, стоявшій слишкомъ близко къ этимъ событіямъ, не могъ указывать могилу государя иначе, какъ тамъ, гдѣ она была въ дѣйствительности — и сообразно съ этимъ измѣнилъ пѣсню. Но что въ ней осталось неизмѣннымъ и дошло въ своемъ первоначальномъ видѣ до нашихъ дней—это чувство глубокой скорби, которое не блѣднѣло, напротивъ росло при начавшейся смѣнѣ царствованій, а съ ними и людей, вліявшихъ на судьбы русскаго народа и войска.

Въ этой пѣснѣ поется:

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Закрываешься тучей темною.
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во Соборѣ Петропавловскомъ;
Что у праваго крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоючи, онъ призадумался,
Призадумавшись, онъ плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ручьи текутъ;
Возрыдаючи, онъ вымолвилъ:
Ахъ ты матушка сыра-земля!
Разступись ты на всѣ стороны,
Ты раскройся гробовая доска,
Развернися ты золота парча;
И ты встань-проснись православный царь,
Посмотри государь на свою гвардію,
Посмотри на свою армію,
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе...
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилили.

Чувство, отразившееся въ послѣднихъ словахъ, должно было сказаться съ особенною силой въ такихъ полкахъ, какъ Нижегородскій, которые съ первыхъ дней своего существованія видѣли передъ своими рядами великаго царя и не разъ ходили за нимъ на смерть и побѣду.

Рядомъ съ крупными историческими событіями полосой шли болѣе мелкія, которыя однако въ личной, такъ сказать, жизни полка имѣли свое немаловажное значеніе. Русскія регулярныя войска были тогда учрежденіемъ слишкомъ молодымъ, чтобы формы ихъ жизни могли бы выработаться и установиться сразу. Уже при самомъ Петрѣ начинается цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ устройству и улучшенію войска. Перемѣны эти обыкновенно не шли глубоко, а касались болѣе внѣшности: формы одежды, знаменъ, вооруженія и т. п.; но были, однако, какъ увидимъ, и такія, которыя задѣвали самыя основы полковой жизни и быта.

Во все царствованіе Петра Великаго перемѣнъ въ обмундированіи и вооруженіи почти не было. Правда, опытъ привелъ къ нѣкоторымъ нововведеніямъ; но эти нововведенія не были коренными реформами, а лишь замѣняли нѣкоторые предметы одежды или боевого снаряженія другими. Такъ, драгунскія знамена стали изготовлять нѣсколько меньшихъ размѣровъ, нежели пѣхотныя; вмѣсто описаннаго нами рисунка, на бѣлыхъ полотнищахъ появилось вензеловое изображеніе имени Петра Великаго, а на цвѣтныхъ—гербъ нижегородской провинціи: на золотомъ полѣ красный олень съ черными рогами и копытами; сѣдла во всей кавалеріи окончательно приняты были нѣмецкія; палаши замѣнились обоюдо-острыми шпагами, байонеты—штыками; ружья стали дѣлать короче и легче; вмѣсто одного пистолета въ кобурахъ, возилось уже по два; кафтаны стали шить василькового цвѣта съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ и съ прикладомъ сначала бѣлымъ, а потомъ опять краснымъ; епанчи также введены были красныя, а къ одеждѣ прибавлены бѣлые галстухи, рукавныя манжеты, штибель-манжеты и перчатки съ крагами. Но это почти ничего не измѣняло во внѣшнемъ видѣ солдатъ, и только развѣ красныя епанчи придавали войскамъ въ строю видъ нѣсколько фантастическій и странный ([19]).

По смерти Петра начались перемѣны болѣе крупныя, и уже не въ формѣ, а въ организаціи и въ самыхъ условіяхъ полкового быта. Такъ, въ 1725 году, при Екатеринѣ I-й, во всѣхъ драгунскихъ полкахъ опять учреждены были гренадерскія роты; но прежде это были отдѣльныя, одиннадцатыя роты, а теперь онѣ входили уже въ число обычныхъ десяти. Такимъ образомъ, Нижегородскій полкъ, принимая въ свои ряды свою же старую гренадерскую роту, нѣкогда ушедшую изъ него въ отдѣльный полкъ Кропотова, долженъ былъ, взамѣнъ ея, отправить въ тотъ же самый

полкъ одну изъ своихъ фузелерныхъ ротъ, именно шестую, долженъ былъ проститься съ товарищами своей многолѣтней боевой жизни. Но и это устройство гренадеръ скоро оказалось неудобнымъ. Дѣйствительно, оно было неудобно: тактическою единицею служилъ въ тѣ времена эскадронъ, составлявшійся въ строю изъ двухъ конныхъ ротъ,—и гренадерская рота или разрушала составъ его, получая въ бою самостоятельное назначеніе, или же эскадронъ составлялъ вмѣстѣ съ нею нѣчто смѣшанное, не имѣющее одной и той же цѣли. Это и было причиной, почему, въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, гренадерскія роты опять были уничтожены, а полки приведены въ составъ десяти фузелерныхъ ротъ, изъ которыхъ каждая имѣла въ своемъ составѣ по десяти гренадеръ ([20]).

При Екатеринѣ же Первой полку пришлось на время потерять и свое историческое имя, съ которымъ связывалось уже такъ много славныхъ воспоминаній. Дѣло въ томъ, что еще Петръ Великій, въ своихъ заботахъ о благосостояніи войска, хотѣлъ дать каждому полку нѣкотораго рода осѣдлость, и въ этихъ видахъ приказалъ распредѣлить всю армію «на вѣчныя», т. е. постоянныя квартиры по провинціямъ, которыя обязаны были и содержать войска на собственныя средства. Екатерина I-я пошла еще дальше, и присвоила полкамъ названія по тѣмъ провинціямъ, гдѣ они квартировали. Такимъ образомъ Нижегородскій полкъ былъ переименованъ въ Шацкій. Но въ Шацкѣ стояло три полка, и ихъ уже по необходимости пришлось различить между собою номерами: Псковской сталъ именоваться 1-мъ Шацкимъ полкомъ, Нижегородскій 2-мъ, и Азовскій 3-мъ ([21]). Распоряженіе это оказалось вполнѣ эфемернымъ: новыя названія полковъ просуществовали лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и опять измѣнились на старыя; удержались изъ всей этой перемѣны только вновь пожалованныя полковыя знамена, на которыхъ въ первый разъ появляется тогда двуглавый орелъ съ гербомъ Московскаго царства—Георгіемъ Побѣдоносцемъ ([22]).

Въ тѣсной связи съ распредѣленіемъ войскъ по провинціямъ стоялъ вопросъ и о разработкѣ отношеній между войсками и населеніемъ, главнымъ образомъ — вопросъ квартирный. Во время постоянныхъ войнъ было не до этихъ вопросовъ, и войска расквартировывались по жителямъ какъ и гдѣ приходилось. Среди глубокаго мира подобный порядокъ былъ уже неудобенъ, и Петръ приказалъ размѣстить полки по деревнямъ, гдѣ каждая рота сама должна была построить для себя казарменныя помѣ-

щенія. Такая разбросанность полковъ казалась, однако, вредною для дисциплины — и система пала: съ кончиною Екатерины полки опять перешли въ города, гдѣ для нихъ предполагалось устроить особыя слободки. Однако и эта прекрасная въ своемъ основаніи мысль встрѣтила большія затрудненія: потребовались такія суммы, которыми правительство располагать не могло,—и полки вернулись опять къ только что покинутой системѣ размѣщенія по деревнямъ ([23]). Естественно, что нашъ Нижегородскій полкъ, наравнѣ съ другими, переселялся все это время съ мѣста на мѣсто, мѣняя города на деревни и обратно—деревни на города.

Въ то время, какъ Нижегородцы, съ теченіемъ лѣтъ, мѣняли форму, полковое имя, знамена и мѣста своего квартированія, помимо всѣхъ этихъ извнѣ приходившихъ перемѣнъ, въ самомъ полку шла и развивалась внутренняя жизнь, основанія которой были положены геніальнымъ императоромъ. Отъ нея главнымъ образомъ и зависѣли духъ и нравственная сила полка. Первенствующимъ свойствомъ этой своеобразной жизни, устойчивой и прочной, было то, что человѣкъ неминуемо и постоянно чувствовалъ себя связаннымъ тѣснѣйшимъ образомъ съ полкомъ, съ его составомъ, съ товарищами, начальниками и подчиненными. Въ немъ развивалось чувство полной солидарности, единства и тождества интересовъ. Войска, какъ извѣстно, пополнялись путемъ рекрутскихъ наборовъ, и солдатъ, вступая въ полкъ, зналъ, что онъ поступаетъ въ него на всю жизнь, что отнынѣ здѣсь его домъ, отчизна, что только въ полку онъ имѣетъ свое прочное, осѣдлое мѣсто, а внѣ его—одно лишь бѣдственное, безправное существованіе бѣглаго солдата. Солдатъ зналъ также, что старость его будетъ обезпечена, что въ болѣзняхъ и при увѣчьи онъ не останется безъ помощи: въ послѣднемъ отношеніи Петръ принялъ самыя широкія мѣры, привлекая къ содержанію увѣчныхъ воиновъ монастыри, учреждая богадѣльни, опредѣляя пайки, пенсіоны и пр.

Тѣмъ не менѣе система суровой рекрутчины и пожизненная служба, лишавшая человѣка всякой надежды на возвращеніе къ родному очагу, естественно должны были вести къ тому, что въ полки попадали не лучшіе элементы населенія—и они не легко мирились съ суровою перемѣною жизни; побѣги молодыхъ солдатъ были явленіемъ заурядным. Но разъ человѣкъ сознавалъ всю неизбѣжность службы, постигалъ хорошія стороны своего положенія, — а ихъ было не мало, — онъ становился самымъ искреннимъ, самымъ послѣдовательнымъ и надежнымъ привер-

женцемъ своего родного полка. Въ немъ онъ видѣлъ только хорошее, имъ онъ гордился, на него возлагалъ надежды и упованія. Такъ понимали дѣло и чувствовали, по крайней мѣрѣ, лучшіе люди; но они-то именно и составляли основу полка.

Какъ военная община, полкъ не былъ только искусственнымъ соединеніемъ воедино различныхъ людей, связанныхъ одними обязанностями службы. Главная масса нижнихъ чиновъ, набираемая изъ самаго обширнаго, коренного и прочнаго въ своихъ типическихъ чертахъ класса русской земли — класса земледѣльцевъ, была слишкомъ однородна, чтобы въ ней могла получить значеніе подобная искусственность. Солдатъ и въ полку удерживалъ нѣкоторую близкую связь съ своею родиною: онъ входилъ въ кругъ своихъ земляковъ, сохранялъ свою индувидуальность, не обезличивался, не чувствовалъ себя стертымъ чуждой ему массой людей, случайно сведенныхъ судьбою. Жизнь въ полку укрѣпляла и дѣлала сознательнѣе связь человѣка съ отечествомъ,—и въ русской арміи возникалъ и крѣпъ національный духъ. Эти черты были свойственны и средѣ офицеровъ, которые въ огромномъ большинствѣ принадлежали къ высшему сословію, богатому военными традиціями. То были люди, которые по своему положенію имѣли право начальствовать войсками стараго строя, къ чему готовились съ дѣтства. До поступленія въ полкъ имъ уже принадлежала власть надъ населеніемъ, изъ котораго выходила масса нижнихъ чиновъ, и дисциплинарныя отношенія послѣднихъ устанавливались естественно сразу, безъ всякихъ усилій, сами собою.

Въ Петровскія времена дисциплина основывалась, однако, не на однихъ этихъ сословныхъ отношеніяхъ, и къ офицеру предъявлялись требованія болѣе важныя, чѣмъ случайность происхожденія; ему нуженъ былъ цензъ и нравственный, и образовательный. Въ этихъ видахъ обществу офицеровъ дано было широкое право охранять себя отъ личностей, способныхъ на поступки, противные правиламъ чести. При каждомъ повышеніи требовалась коллективная аттестація товарищей, которой придавалось высокое значеніе. Штабъ-офицеры баллотировались всѣми штабъ-офицерами дивизіи, а оберъ-офицеры — наличнымъ персоналомъ своего полка. Въ случаѣ неправильной аттестаціи, избиратели рисковали имуществомъ и честію; но рисковалъ не менѣе того самъ избираемый, — и при Петрѣ были случаи, когда человѣкъ, добравшійся уже до высшихъ ступеней, возвращался къ солдатскому званію, если чины были добыты имъ не за-

слугами, а происками. Любопытно, что при такомъ сословномъ, повидимому, характерѣ корпуса офицеровъ, доступъ въ него открытъ былъ всѣмъ нижнимъ чинамъ и не изъ дворянъ, при обычномъ условіи баллотированія ихъ всѣми наличными офицерами.

Не стоялъ тогдашній офицеръ далеко отъ нижнихъ чиновъ и внѣ своихъ строевыхъ обязанностей. Онъ тоже, какъ и простой солдатъ, былъ связанъ со службой до самой своей смерти, зналъ, что вѣкъ свой проживетъ съ этимъ самымъ солдатомъ. Среди рядовыхъ было къ тому же много дворянъ, несшихъ пожизненную службу въ низшихъ чинахъ, и это обстоятельство смягчало рѣзкость черты, отдѣлявшей солдатъ отъ офицера, создавало въ военномъ обществѣ извѣстную солидарность безъ различія положеній. Живя среди солдатъ и съ ними, офицеръ точно такъ же чувствовалъ себя какъ бы отрѣзаннымъ отъ остального міра, и такъ же, какъ простой солдатъ, искалъ и находилъ въ полку все для себя необходимое.

Быть можетъ именно этимъ-то ясно чувствуемымъ единствомъ полковыхъ интересовъ объясняются и тѣ установленія въ жизненномъ укладѣ полка, которыя на первый взглядъ могутъ казаться нѣсколько странными. Такъ, напр., всѣ офицеры и всѣ солдаты, какъ бы круговою порукою, отвѣчали за личныя качества своихъ товарищей и подвергались взысканіямъ за ихъ проступки. Однажды, въ 1706 году, во время стоянки въ Польшѣ, изъ Нижегородскаго полка бѣжали разомъ 41 человѣкъ, вмѣстѣ съ лошадьми. Это были, конечно, худшіе элементы, люди положительно вредные, потеря которыхъ не была для полка дѣйствительною потерею,— и тѣмъ не менѣе всѣ штабъ и оберъ-офицеры, всѣ унтеръ-офицеры и даже солдаты тѣхъ капральствъ, къ которымъ принадлежали бѣжавшіе, были наказаны значительнымъ денежнымъ штрафомъ ([24]). Естественно, что при такихъ условіяхъ офицеры и тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые имѣли власть, старались не суровыми, а, напротивъ, гуманными и справедливыми отношеніями удерживать молодыхъ солдатъ отъ проступковъ: они слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ, внушали правила нравственности, облегчали имъ жизнь... И надо думать, что это не мало способствовало къ развитію духа единства и хорошихъ порядковъ въ полку.

Самая система военной іерархіи, образовавшаяся по начертаніямъ Великаго Петра, была проста и цѣлесообразна. Во главѣ полка стоялъ полковникъ, а подъ нимъ его помощники: подполковникъ, маіоръ и стар-

шій капитанъ, завѣдывавшій въ конномъ полку хозяйственною частью. Далѣе шли ротные командиры — полные, самостоятельные хозяева своихъ частей, и каждый изъ нихъ имѣлъ двухъ помощниковъ—поручика и прапорщика. Прапорщикъ на ступеняхъ іерархіи былъ самое близкое къ солдату лицо, могъ лучше знать его домашнія дѣла, — и характернѣйшею, возбуждающею къ себѣ удивленіе, чертою петровскихъ временъ служитъ то, что на прапорщика возложена была обязанность — «ходатайствовать за нижнихъ чиновъ, егда они въ наказаніе впадутъ».

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ установленіяхъ Петра, сохранившихся и при ближайшихъ его преемникахъ, вездѣ видны были черты постоянной заботливости его о солдатѣ и о справедливомъ къ нему отношеніи. Самымъ уставомъ и штатами предусмотрѣны были многочисленныя должности, весьма ограниченныя по объему власти, но полезныя и необходимыя въ общемъ полковомъ укладѣ. Въ его унтеръ-штабѣ находился священникъ, для исполненія духовныхъ требъ, и лекарь, для врачеванія заболѣвающихъ; полковой адъютантъ передавалъ приказанія и слѣдилъ за ихъ исполненіемъ, квартирмейстеръ завѣдывалъ квартирнымъ расположеніемъ, и ему же подчинялись церковники и музыканты; комиссаръ вѣдалъ выдачею жалованья, на аудиторѣ лежала судная часть, профосъ слѣдилъ за чистотою въ полку и за арестантами. Затѣмъ были: обозный, фискалъ, провіантмейстеръ, два подъячихъ (комиссаріатскій и провіантскій), наконецъ полковой писарь, на рукахъ котораго находились всѣ дѣла и бумаги. И все это не было опекой, обезличивавшей солдата. За лицами, носившими нѣмецкія названія, скрывались простые работники въ сферѣ полкового благоустройства.

По складу своей жизни полкъ среди остального населенія представлялъ собою совершенно обособленную общину, какъ корабль въ морѣ. Судьба бросала его изъ конца въ конецъ огромной страны, въ самые глухіе уголки ея, и онъ долженъ былъ имѣть при себѣ все, что ему необходимо. И онъ имѣлъ, дѣйствительно, все. Ему нуженъ былъ кузнецъ— онъ находилъ его у себя; нужно было сѣдло — сѣдельники были у него въ постоянномъ распоряженіи. Въ составъ полка входили: цырюльники, слесаря, плотники, коновалы и всякіе другіе мастеровые. Полкъ имѣлъ свою собственную музыку, свой обозъ, даже свою артиллерію.

Офицерству, занятому общими интересами полка, необходима была прислуга,—и полкъ создалъ систему денщичества, которая удовлетворяла

этой настоятельной потребности: оберъ-офицеръ получалъ одного, ротные командиры два, маіоръ три, подполковникъ четыре и, наконецъ, полковой командиръ — шесть денщиковъ (25).

Въ эпоху войнъ всѣ эти внутренніе порядки, намѣчаемые распоряженіями и уставами Петра, не могли прочно установиться и устроиться. Но, въ долгіе годы стоянки въ Шацкой провинціи среди коренного русскаго населенія, они должны были выработаться въ полку въ стройный, приноровленный къ народному характеру порядокъ, — въ тотъ порядокъ, который не могли уже вполнѣ свалить и начавшіяся вскорѣ, лишенныя національныхъ русскихъ основъ, нѣмецкія реформы.

V.

Въ Заволжскихъ и Астраханскихъ степяхъ.

(1730—1736).

Нижегородцы на Царицынской линіи.— Масса конницы безъ фуража и неудачное сокращеніе числа лошадей.—Безрезультатные походы въ Калмыцкія степи. — Нижегородцы на Сулакѣ и Терекѣ. — Бѣдственный зимній походъ по Астраханскимъ степямъ въ Царицынъ.—Походъ къ Азову.— Вліяніе нѣмецкихъ реформъ въ русскихъ войскахъ.

1730-й годъ былъ для всей русской арміи годомъ знаменательнымъ. На престолъ взошла Анна Іоанновна,—а съ нею настала эпоха новыхъ войнъ и внутреннихъ преобразованій.

Война за польское наслѣдство, поднявшаяся тогда на западномъ рубежѣ Россіи, не отразилась, однако, на жизни нашего Нижегородскаго полка, квартировавшаго въ далекой Шацкой провинціи. На его долю достались иныя задачи и иные труды, менѣе блестящіе по внѣшности, но, быть можетъ, гораздо болѣе важные для государственной жизни Россіи. Онъ выдвинутъ былъ для защиты нашей поволжской окраины. Дѣло въ томъ, что юго-восточныя границы тогдашней русской территоріи, не имѣвшія ни опредѣленности, ни крѣпкой обороны, требовали постояннаго вниманія русскаго правительства. Обширныя степныя пространства, прилегавшія къ нимъ, были открыты для вторженія азіатскихъ кочевыхъ народовъ, и не далѣе, какъ за полтора столѣтія передъ тѣмъ, изъ глубины дзюнгарскихъ степей вышло въ заволжскія предѣлы русскаго царства сильное племя калмыковъ. Оно осѣло здѣсь, стало въ вассальную зависимость отъ Россіи, но доставляло ей только одни заботы и хлопоты. Не было бы возможности охранить отъ ихъ вторженій коренныя русскія земли, если бы на окраинѣ не располагались длиннымъ рядомъ полувоенныя, полуземледѣльческія поселенія казачества, съ своихъ полевыхъ вышекъ сторожившаго границы; но съ другой стороны сами эти поселенія служили источникомъ постоянныхъ тревогъ и недоразумѣній, такъ какъ туда стекались самые безпокойные элементы русскаго народа, и бѣжали преступники, находившіе безнаказанность и вѣрное убѣжище въ казачьихъ городкахъ. Пустынныя степи между устьями Волги и Дона также служили ареною для постоянныхъ столкновеній черкесовъ съ остатками нѣкогда знаменитой Ногайской орды и другихъ татарскихъ племенъ. Наконецъ, на самомъ Поволжьѣ все дышало еще преданіями буйной понизовой вольницы, по мѣстамъ возникали разбои, и вольные струги бороздили воды широкой Волги-матушки. Тутъ, на всемъ этомъ громадномъ протяженіи, русскимъ границамъ грозила еще пока вѣчная опасность.

Естественно, что русское государство стремилось подчинить себѣ и упорядочить безпокойные пограничные элементы. Но къ тому времени, когда появляется тамъ нашъ Нижегородскій полкъ, дѣла съ калмыками и казаками принимаютъ особенно острый оборотъ. У калмыковъ, занимавшихъ степи отъ рѣки Урала почти до кавказскихъ предгорій, умеръ тогда знаменитый ханъ ихъ Аюкъ, современникъ Петра, и въ калмыцкихъ улусахъ тотчасъ начались междоусобія, вызывавшія тревогу по всему Поволжью и Дону. На Дону между тѣмъ обострился старый вопросъ о

выдачѣ бѣглыхъ, и казаки, которымъ, въ случаѣ строгаго исполненія этого требованія, пришлось бы выдать даже своихъ старшинъ и обезлюдить свои городки, грозили уйти за Кубань. А чѣмъ тревожнѣе становились отношенія и дѣла на Волгѣ и Дону, тѣмъ ярче разгоралось тамъ и пламя разбоевъ Русское правительство волей-неволей должно было выдвинуть туда значительныя военныя силы.

Нижегородскій полкъ, подъ командою полковника Беречинскаго, вышелъ на Царицынскую линію, прикрывавшую степное пространство между Волгой и Дономъ, въ началѣ 1731 года, и одновременно съ нимъ туда же выдвинуто было еще 18 драгунскихъ полковъ, которые вмѣстѣ составляли почти двѣ трети всей тогдашней русской кавалеріи (1). Къ сожалѣнію, мѣра эта была проведена безъ достаточной обдуманности, безъ соображенія съ мѣстными условіями жизни, и это обстоятельство отозвалось на нашихъ драгунахъ самымъ тяжелымъ образомъ. Скопленіе многочисленной конницы на сравнительно небольшомъ пространствѣ требовало огромнаго количества фуража, а его не было, такъ какъ калмыки, перешедшіе съ луговой на нагорную сторону Волги, поступали чисто по-калмыцки—жгли въ окрестностяхъ всѣ травы. Драгунамъ приходилось или предпринимать опасныя фуражировки за десятки верстъ отъ своихъ линій, или подвозить фуражъ изъ Малороссіи,—а это въ одинаковой степени было затруднительно. Создалось положеніе нелѣпое и даже опасное, требовавшее немедленной помощи. Военная коллегія, засѣдавшая въ Петербургѣ, сообразила, что 19 драгунскихъ полковъ поставлены собственно для острастки калмыцкимъ витязямъ, которымъ, конечно, и въ голову не придетъ теперь нападать на казацкіе городки, и потому предписала полкамъ сократить число лошадей на половину, а вырученныя отъ продажи ихъ деньги хранить у себя до новой потребности (2).

Но и эта мѣра оказалась не совсѣмъ удачною. Едва только она приведена была въ исполненіе, какъ безпорядки въ калмыцкихъ степяхъ приняли угрожающіе размѣры, и притомъ по причинамъ, имѣвшимъ близкое отношеніе къ русскому правительству. Дѣло въ томъ, что Россія еще раньше вмѣшалась во внутренніе раздоры калмыковъ, ведшихъ междоусобную войну за право наслѣдованія ханства, и стала на сторону одного изъ претендентовъ, Царенъ-Дондука, между тѣмъ какъ масса калмыцкаго народа стояла за другого. Этотъ другой, превосходившій нашего ставленника и умомъ, и характеромъ, и военною славой, столь

обаятельной въ глазахъ азіата,—былъ знаменитый впослѣдствіи Дондукъ-Омбо, родоначальникъ нынѣшнихъ князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ. И онъ безъ труда управился съ своимъ ничтожнымъ соперникомъ. Разбитый имъ на голову, Царенъ-Дондукъ бѣжалъ подъ нашу защиту, и Россія должна была вступиться за него уже потому, что онъ былъ первый ханъ, поставленный русскимъ правительствомъ. Обезсиленіе конныхъ полковъ продажей строевыхъ лошадей было теперь какъ нельзя болѣе не кстати.

Осенью 1731 года пріѣхалъ на Царицынскую линію изъ Петербурга генералъ-маіоръ князь Иванъ Барятинскій, и съ тремя драгунскими полками, Нижегородскимъ, Ревельскимъ и Троицкимъ—каждый въ половинномъ составѣ, въ ноябрѣ выступилъ въ степь для наказанія мятежныхъ калмыковъ ([3]). Но наказывать, какъ оказалось, было некого: часть калмыцкихъ улусовъ откочевала на Уралъ, а другая, предводимая самимъ Дондукомъ-Омбо, ушла на Кубань. Русскому правительству, опасавшемуся успѣховъ Дондука въ степи, еще непріятнѣе было его присутствіе на Кубани, берега которой, искони воинственные, могли поддержать его десятками тысячъ крымскихъ татаръ и черкесовъ. Преслѣдовать его съ ничтожными силами было, однако, не безопасно, и князь Барятинскій, захвативъ нѣсколько запоздавшихъ калмыцкихъ кибитокъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ результатовъ долженъ былъ воротиться. А между тѣмъ уже наступала зима, приволжскія степи покрылись глубокими снѣгами, зашумѣли пурги, и драгуны поспѣшно шли на свои квартиры, чтобы не быть заживо погребенными разыгравшимися буранами.

Съ весною 1732 года Нижегородскій полкъ снова выступилъ въ степь въ отрядѣ того же князя Барятинскаго,—и опять сдѣлать хоть что-нибудь для прекращенія калмыцкихъ волненій оказалось невозможнымъ ([4]). Дондукъ попрежнему держался около Кубани, а если легкія партіи, носившіяся, какъ вѣтеръ, по цѣлой степи, и попадали иногда подъ удары драгунъ, то гибель ихъ проходила безслѣдно, не оставляя впечатлѣнія въ умахъ полудикихъ наѣздниковъ. Была разъ даже жаркая схватка, когда калмыки захватили табунъ казенныхъ, или, какъ тогда писалось, «государевыхъ» лошадей, и были настигнуты Нижегородцами. Табунъ у нихъ отбили, но при этомъ съ нашей стороны были и убитые, и раненые; реляція, въ числѣ особенно отличившихся, называетъ рядового Нижегородскаго драгунскаго полка Мокія Ерохина, раненнаго стрѣлою въ щеку ([5]).

Но и подобныя встрѣчи показывали только смѣлость калмыковъ, и къ умиротворенію племени, конечно, служить не могли.

Между тѣмъ приспѣла и новая зима. Въ этомъ году она началась ранѣе обыкновеннаго, и драгуны, наученные опытомъ прошлогодняго похода, поспѣшили вернуться на линію заблаговременно. Нижегородскій полкъ на этотъ разъ зимовалъ въ Сумскомъ поселкѣ, такъ какъ казацкіе городки, вслѣдствіе скопленія большого количества войскъ, до того обѣднѣли, что «и самимъ казакамъ ѣсть было нечего» (6)

Опасенія, что Дондукъ-Омбо соединится съ крымскими татарами, сбылись въ ближайшую весну 1733 года. Крымскій ханъ, по настоянію Турціи, выслалъ значительный отрядъ для войны съ персіанами, и татары выбрали кратчайшій путь черезъ Дагестанъ, т. е. черезъ русскія владѣнія. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, командовавшій тогда Низовымъ корпусомъ, встрѣтилъ ихъ на Сунжѣ и съ горстью войскъ разбилъ на-голову 25-тысячное скопище. Но перипетіи боя до того поразили самого принца, не отличавшагося воинственностію, что послѣ этой блестящей побѣды онъ самъ отступилъ на Сулакъ и заперся въ крѣпость. Оправившіеся татары разбили тогда гребенскіе городки, взбунтовали весь южный Дагестанъ и даже пытались овладѣть Дербентомъ. Событія были настолько тревожны, что императрица Анна Іоанновна приказала тотчасъ усилить войска Низового корпуса тремя драгунскими полками, взятыми съ царицынской линіи. Въ число этихъ полковъ вошелъ и Нижегородскій; остальные два были — Псковскій и Казанскій (7).

Идти въ военный походъ съ половиннымъ числомъ лошадей, разумѣется, было нельзя, а покупать не было времени. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Военная коллегія приказала укомплектовать выступавшіе полки людьми и лошадьми изъ тѣхъ, которые оставались на линіи,—и въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Нижегородскій полкъ, дѣйствительно, прибыло 258 нижнихъ чиновъ и 512 лошадей, назначенныхъ поровну изъ полковъ Ямбургскаго и Ревельскаго (8). Но за то уже эти полки были совершенно обезсилены. Князь Шаховской, командовавшій тогда украинскимъ корпусомъ, просилъ о скорѣйшемъ пополненіи ихъ изъ Россіи,—«такъ какъ на линіи», писалъ онъ, «отъ татаръ и калмыцкаго хана Дондука весьма опасно и ненадежно» (9). Между тѣмъ приготовленія къ походу были окончены, и Нижегородскій полкъ выступилъ изъ Царицына 5 августа

1733 года уже въ полномъ комплектѣ и съ вьючнымъ обозомъ изъ сорока верблюдовъ ([10]).

Пройдя песчаныя астраханскія степи и миновавъ опустѣвшіе послѣ татарскаго разгрома городки терскихъ казаковъ, Нижегородцы достигли владѣній шамхала Тарковскаго и стали на томъ самомъ Сулакѣ, гдѣ черезъ 112 лѣтъ имя ихъ пріобрѣтаетъ уже историческую извѣстность. Такимъ образомъ 1733 годъ долженъ считаться годомъ перваго появленія Нижегородскаго полка на Кавказѣ.

Квартиры Нижегородцамъ назначены были въ крѣпости Св. Креста, стоявшей на Сулакѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отдѣляется небольшой рукавъ Аграхань, впадающій также въ Каспійское море. Фронтъ укрѣпленія обращенъ былъ на югъ, гдѣ горизонтъ рѣзко замыкался цѣпью скалистыхъ горъ Дагестана; на сѣверъ разстилались пустыя, безжизненныя степи; кругомъ шумѣлъ лѣсъ, отъ котораго теперь не осталось даже слѣдовъ, а за этимъ лѣсомъ то тихо плескалось, то грозно шумѣло древнее Хвалынское море. Мѣстность была красивая и здоровая; по крайней мѣрѣ она была гораздо здоровѣе, нежели въ Баку и въ Дербентѣ, гдѣ въ то время наши солдаты гибли отъ болѣзней цѣлыми сотнями. Тѣмъ не менѣе и Нижегородскій полкъ жестоко пострадалъ отъ какой-то эпидемической болѣзни, свирѣпствовавшей среди туземнаго населенія. Губительная зараза, шедшая полосою отъ юга на сѣверъ, вконецъ опустошила городки новаго Аграханскаго казачьяго войска и не оставила въ живыхъ даже десятой части населенія; кладбища сдѣлались до того обширными, что издали представлялись городками, а казачьи городки смотрѣли кладбищами — такъ они были безлюдны и пусты.

Нижегородскому полку, какъ и другимъ войскамъ, державшимъ кордонную линію, не рѣдко приходилось то здѣсь, то тамъ вести перестрѣлку съ горскими хищниками, которыхъ, можно сказать, было столько же, сколько считалось въ горахъ населенія; но серьезныхъ военныхъ дѣйствій не было ([11]). Съ Персіею шли переговоры о мирѣ. 10 марта 1735 года былъ заключенъ наконецъ Ганджинскій трактатъ, по которому Россія недальновидно возвратила Персіи всѣ города и земли, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ. Русская граница опять отодвинулась на Терекъ. Крѣпость Св. Креста была уничтожена, и войска, занимавшія Сулакъ, 27 октября возвратились на Терекъ, гдѣ строилась въ то время новая пограничная крѣпость — Кизляръ. Драгуны пришли туда пѣшими,

такъ какъ военная коллегія распорядилась отправить ихъ лошадей моремъ прямо въ Астрахань, куда предстоялъ и имъ самимъ тяжелый зимній походъ. Въ обширныхъ, занесенныхъ снѣгомъ, степяхъ кормить лошадей было бы нечѣмъ (12), а откладывать походъ до весны также было нельзя — предстояла война съ Турціей, и военная коллегія придумала эту тяжелую для солдатъ комбинацію въ опасеніи, что иначе они не поспѣютъ къ открытію военныхъ дѣйствій. И вотъ, Нижегородскій полкъ, пѣшій, выступаетъ изъ Кизляра 1 декабря 1735 года (13).

Походъ этотъ по снѣговымъ пустынямъ Астраханской губерніи былъ въ полномъ смыслѣ слова бѣдственнымъ; а между тѣмъ пострадали и лошади. Когда Нижегородцы пришли въ Царицынъ, они нашли изъ нихъ только 450, да и изъ тѣхъ 54 были совершенно негодны къ службѣ (14)— морской путь не привелъ къ хорошимъ результатамъ. Приходилось опять укомплектовывать полкъ. Маіору Шипову приказано было ѣхать въ Москву и, принявъ изъ тамошняго депо молодыхъ лошадей и рекрутъ, доставить ихъ какъ можно скорѣе въ полки Низового корпуса (15). Но онъ не успѣлъ еще подвести этихъ подкрѣпленій, какъ Нижегородскій полкъ, въ апрѣлѣ 1736 года, уже двинулся къ Азову менѣе чѣмъ въ половинномъ составѣ (16).

Съ этого момента для нашихъ драгунъ опять наступаетъ эпоха военныхъ тревогъ и безпрерывныхъ походовъ, къ которымъ стоянка на царицынской линіи и походъ на Кавказъ были только вступленіемъ. Но если эта эпоха по внѣшности напоминала собою времена Великаго Петра, то по внутреннему своему смыслу и содержанію она рѣзко отъ нея отличалась. Тамъ рядъ цѣлесообразныхъ, хотя бы даже и не всегда удачныхъ, дѣйствій приводилъ неизмѣнно къ великимъ результатамъ при незначительныхъ потеряхъ; здѣсь—съ колоссальными жертвами и побѣдоносными походами достигались самыя маленькія послѣдствія. Еще на царицынской линіи и въ кавказскомъ походѣ полкъ испыталъ на себѣ, какъ мы видѣли, гнетъ какой-то стихійной силы: выносилъ суровые труды и лишенія безъ достаточно ясныхъ причинъ, а главное безъ всякихъ результатовъ; лишался лошадей наканунѣ настоятельной въ нихъ необходимости; ходилъ въ безграничныя степи ловить калмыковъ—когда ихъ тамъ не было; отправлялъ своихъ лошадей моремъ, а самъ пѣшкомъ погибалъ въ снѣжныхъ пустыняхъ,—безъ всякой, однако, выгоды для конскаго состава, и т. д. и т. д. Теперь онъ, не въ комплектѣ и изнуренный, вступалъ на поприще

турецкихъ войнъ, съ тѣмъ чтобы испытать вліяніе той же стихійной силы въ еще бо́льшей степени.

Дѣло въ томъ, что въ русскихъ войскахъ, еще съ царствованія Екатерины I-й и уже окончательно съ воцаренія Анны Іоанновны, водворилась новая система дѣлъ и отношеній, принесенная къ намъ иностранцами, преимущественно нѣмцами. Появленіе этой системы было дѣломъ исторически необходимымъ, имѣло свои основанія. Пока Петръ, пользуясь услугами иностранцевъ, не давалъ имъ первыхъ и вліятельныхъ мѣстъ, она не прививалась и въ войскахъ; но какъ только, по смерти его, иноземцы стали во главѣ управленія, система тотчасъ пустила глубокіе корни и получила огромное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ развитія военнаго дѣла въ Россіи. Съ точки зрѣнія иностранца, русскій солдатъ того времени былъ, мало сказать, неудовлетворителенъ,—онъ былъ невозможенъ: онъ не такъ маршировалъ, не такъ дѣлалъ воинскія экзерциціи, былъ недостаточно обученъ, т. е. обмунштрованъ и т. п.; къ тому же и велъ онъ себя не согласно съ идеальными отношеніями, которыя теоретически предполагали иностранцы существующими на ихъ родинѣ, хотя, конечно, въ дѣйствительности они тамъ и не существовали. Еще фельдмаршалъ Огильви въ 1706 году писалъ Петру, что будто бы «русскіе драгуны привыкли только сидѣть въ деревняхъ, доброй стражи не имѣть, съ мужиковъ водку, ветчину, куръ, гусей грабить, и все государство опустошать, какъ непріятельское» (17). За Огильви слѣдовалъ рядъ другихъ порицателей. Если устранить рѣзкія преувеличенія, то въ словахъ Огильви была, пожалуй, и доля правды. Русскій драгунъ, быть можетъ, и немногимъ былъ человѣколюбивѣе нѣмецкихъ солдатъ тридцатилѣтней, а также и позднѣйшихъ войнъ: онъ и водку пилъ, и насчетъ куръ и гусей былъ не безгрѣшенъ,—но эта черта была общею войскамъ всѣхъ странъ и народовъ. Русскій солдатъ того времени служилъ олицетвореніемъ словъ, сказанныхъ Владиміромъ: «Руси есть веселіе пити», и въ этомъ отношеніи считалъ себя, въ виду постоянныхъ трудовъ въ защиту родины и вѣчной близости къ смерти, поставленнымъ какъ бы въ исключительное, привилегированное положеніе.

Нѣтъ, не грѣхъ намъ погулять,
Выпить чарочку, другую,
Лишь бы грудью постоять
За Царя и Русь родную...

откровенно гласитъ полковая пѣсня и современнаго Нижегородца. Ширь русской натуры увлекала солдатъ, быть можетъ, за предѣлы разумнаго и дозволеннаго; но царь, но Русь родная — это были предметы безграничной преданности и безконечнаго почитанія. Царь, великій примѣръ котораго солдатъ видѣлъ въ Петрѣ, представлялся ему чудо-богатыремъ, черпающимъ свою силу именно въ представителѣ народной военной силы — въ солдатѣ. Отъ тѣхъ еще временъ дошла до насъ народная пѣсня, необычайно характерная. Въ ней разсказывается, какъ богатырь царь Петръ Алексѣевичъ вызываетъ «охотника съ бѣлымъ царемъ поборотися, за прохладъ царя потѣшити. Всѣ князья, бояре испужалися, по палатушкамъ разбѣжалися, а передъ нимъ, царемъ, стоитъ молодой драгунъ»... Изумляется царь такой смѣлости. «Ну, хорошо, говоритъ онъ, поборешь ты меня—я тебя пожалую, а ужь коли я тебя поборю—казню смертію. Рѣчь возговорилъ тогда молодой драгунъ: А на то есть воля Божія и твоя царева». Начинается борьба, и драгунъ выходитъ побѣдителемъ. Но велико было уваженіе драгуна къ своему царю государю, и «лѣвой рукой молодой драгунъ царя побарывалъ, правою рукою подхватывалъ—не пущалъ царя на сыру землю». Царь былъ доволенъ и силою драгуна, и его, такъ сказать, элегантностью; онъ спрашиваетъ: «чѣмъ наградить его, чѣмъ пожаловать?» И драгунъ отвѣчаетъ наивно:

Не надобно мнѣ ни селовъ, ни деревневъ,
Ни матушки золотой казны:
А повели-ка ты мнѣ безденежно
По царевымъ кабакамъ вино пить... ([18]).

Таковъ былъ душевный строй стариннаго петровскаго солдата, кругъ его воззрѣній и чувствъ, и онъ неотвратимо приводилъ къ тому, что этотъ, не всегда стройный, разнокалиберно одѣтый, не вымуштрованный солдатъ умѣлъ постоять за себя, умѣлъ умереть когда нужно, и въ концѣ концовъ явился рѣшительнымъ побѣдителемъ стройныхъ, испытанныхъ и полныхъ вѣры въ себя войскъ Карла XII. Естественно, что взгляду иностранца не виденъ былъ этотъ внутренній строй русскаго войска, этотъ духъ, ведшій его къ побѣдамъ, но бросались ярко въ глаза внѣшніе недостатки его, его внѣшнее неустройство.

И вотъ, какъ только сошелъ съ своего великаго поприща геніальный императоръ, какъ только во главѣ русской арміи, послѣ его русскихъ сподвижниковъ, становятся иностранцы,—начинается рядъ реформъ и пре-

образованій, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ духомъ, ни съ бытовыми условіями жизни русскаго человѣка. Цѣль этихъ реформъ была, какъ выражается указъ императрицы Анны Іоанновны, «такія основательныя учрежденія учинить, чтобы армія всегда содержалась въ добромъ состояніи»; но такъ какъ въ основѣ этихъ реформъ легло направленіе, чуждое русскому характеру и духу, то и въ примѣненіи къ практикѣ «основательныя учрежденія» добрыхъ результатовъ не дали. Всѣ историки, отмѣчая эту эпоху, говорятъ о ней, какъ о времени паденія русскихъ войскъ.

Въ чемъ же, однако, состояла та, припижавшая духъ войска, сўть, которая лежала въ нѣмецкихъ порядкахъ? Внутреннее устройство арміи, ея штаты и табели не были тронуты, оставались неприкосновенными. Самыя преобразованія, начатыя Минихомъ, безспорно вырабатывали такія основы управленія, которыя имѣли въ виду дѣйствительныя нужды и были иногда въ высшей степени по мысли плодотворны. Довольно указать на такія мѣры, какъ напримѣръ стремленіе Миниха облегчить населенію тягости и убытки, сопряженные съ военною повинностію; сокращеніе пожизненной службы на 25-ти-лѣтній срокъ; сравненіе въ жалованьи и въ преимуществахъ иностранныхъ офицеровъ съ русскими; производство въ унтеръ-офицеры людей только грамотныхъ и т. д. Все это были мѣры повидимому прекрасныя, и всѣ онѣ давали, однакоже, результаты отрицательные.

Дѣло заключалось главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что солдатъ по теоретическому нѣмецкому взгляду долженъ былъ сдѣлаться, и дѣйствительно сдѣлался, не тѣмъ относительно свободнымъ и сознательнымъ бойцомъ, какимъ его желалъ видѣть Петръ, а простою машиною, у которой предполагалось одно живое свойство—способность повиноваться. Это была исконная нѣмецкая система, горько отозвавшаяся потомъ на самихъ нѣмцахъ, а тогда, въ годы Анны Іоанновны, вмѣстѣ съ Минихомъ забравшаяся въ русскую армію и засѣвшая въ ней прочно и крѣпко. Новый воинскій уставъ, введенный тогда, былъ буквальнымъ переводомъ съ прусскаго, но имѣлъ передъ нимъ еще тотъ недостатокъ, что былъ рукописный, и ошибки переписчиковъ создали столько неправильностей, что, можно сказать, каждый полкъ имѣлъ свой особый уставъ, всегда плохо понимаемый. Въ домашней, внутренней жизни офицеры потеряли право баллотировки товарищей, а съ нею и возможность контроля надъ соста-

вомъ офицерскаго общества; каждый превратился въ слѣпого исполнителя чужихъ приказаній, не отдавая себѣ отчета—что̀ и для чего онъ дѣлаетъ. Право иниціативы частныхъ начальниковъ почти совершенно уничтожилось; и, вмѣсто того, чтобы предпринять какое-нибудь, необходимое по обстоятельствамъ, быстрое рѣшеніе, надо было ждать приказаній изъ Петербурга, а въ то же время, нерѣдко приходилось исполнять и такія предписанія, необходимость которыхъ давно уже исчезла. И каждый, отъ старшаго начальника до послѣдняго рядового, видя постоянную безцѣльность или несвоевременность своихъ дѣйствій, невольно становился чуждымъ самому дѣлу, равнодушнымъ къ нему въ самомъ лучшемъ случаѣ. А язва равнодушія быть можетъ самая страшная изъ язвъ, подрывающихъ военное дѣло.

Значеніе нѣмецкихъ порядковъ съ большой рельефностію сказалось, между прочимъ, на одномъ государственномъ предпріятіи того времени, стоявшемъ съ ними въ тѣснѣйшей связи,—именно на устройствѣ Украинской линіи. Необезпеченность нашихъ южныхъ границъ, неопредѣленныхъ и вѣчно угрожаемыхъ набѣгами крымскихъ татаръ, не могла не занимать русское правительство, и, какъ извѣстно, Петръ въ этихъ видахъ расположилъ на Украйнѣ цѣлую дивизію, подчинивъ начальнику ея и всѣ казачьи слободскіе полки какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. Первымъ такимъ начальникомъ былъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ—тотъ, съ которымъ Нижегородцы начали свою боевую службу; за нимъ слѣдовалъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Голицынъ, а ко времени Анны Іоанновны ихъ мѣсто занялъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Вейсбахъ. При немъ-то, въ 1731 году, по иниціативѣ Миниха, и состоялось рѣшеніе: для лучшей защиты нашихъ южныхъ провинцій, провести укрѣпленную линію отъ Днѣпра къ Донцу. Болѣе тридцати тысячъ малороссійскихъ казаковъ и крестьянъ высланы были на эту работу; они копали глубокій ровъ, насыпа̀ли высокій валъ и укрѣпляли его во многихъ мѣстахъ батареями, шанцами и редутами, находившимися въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Протяженіе этой непрерывной цѣпи укрѣпленій, если бы развернуть всѣ ея изгибы въ прямую линію, составляло около тысячи верстъ. Теоретически это огромное сооруженіе было опять превосходно, но на практикѣ опять-таки не оправдало никакихъ ожиданій. Тягость работъ, зной, изнуреніе, недостатокъ продовольствія и проч. уложили въ землю цѣлыя тысячи рабочаго люда. Спасаясь отъ непосильныхъ трудовъ—«каторжныхъ», какъ выражался о нихъ народъ,—украинцы толпами бѣжали

на Донъ, а на мѣсто бѣжавшихъ отъ полковъ и деревень тотчасъ же требовались новые люди — и страшная тяжесть падала на населеніе безъ всякой равномѣрности. Долго помнили украинцы это тяжелое время, и слѣды его понынѣ остались въ народномъ сознаніи, въ пѣснѣ, которая говоритъ не безъ горькой ироніи:

Посіялы, поoралы,
Да некому жаты:
Пошли наши казаченьки
Линіи копаты...

Такъ или иначе, но Украинская линія, начатая въ 1731 году, строилась во все продолженіе царствованія Анны Іоанновны; и когда Нижегородскій полкъ появляется на сценѣ турецкой войны, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится невольнымъ свидѣтелемъ ея сооруженія, а частію и дѣятелемъ на ней, послужившей основною базой для дѣйствій противъ Крыма и турокъ.

Не замедлили сказаться новые порядки и на самыхъ крымскихъ походахъ, стоившихъ неизмѣримыхъ жертвъ—и давшихъ совершенно ничтожные результаты. Печальная картина величавыхъ подвиговъ русскихъ войскъ, принижаемыхъ неблагопріятными обстоятельствами, и открывается теперь передъ нами.

VI.

Крымскіе походы.

(1736–1739).

1736. Нижегородцы подъ Азовомъ.—Пагубный мѣсяцъ бездѣйствія.—Неожиданное возвращеніе на зимнія квартиры.—1737. Тревожная зима въ Валуйкахъ.—Къ Перекопу.—Смѣлый планъ Ласси.—Эпизодъ съ его генералами.—По Арабадской стрѣлкѣ.—Тяжелое движеніе по Полуострову.—Битвы передъ Карасу-Базаромъ.—Безпощадное опустошеніе Крыма.—Возвращеніе къ Молочнымъ Водамъ.—Зима въ окрестностяхъ Бахмута.—1738. Вторженіе крымскаго хана.—Новый походъ въ Крымъ.—Переходъ по дну моря.—Жестокій кавалерійскій бой 8 іюля.—Невозможность дальнѣйшаго движенія.—Зимовыя квартиры въ Бахмутѣ.—1739. Походъ до Молочныхъ Водъ.—Долгая стоянка.—Движеніе къ Перекопу.—Встрѣченное опустошеніе.—Возвращеніе на Украйну.—Миръ.

Въ апрѣлѣ 1736 года, Нижегородскій полкъ, не укомплектованный и разстроенный зимнимъ походомъ съ Кавказа, подошелъ къ Азову (1). Сильная крѣпость тогда уже осаждалась фельдмаршаломъ Минихомъ и

передовыя укрѣпленія ея были взяты. Минихъ вскорѣ однакоже выѣхалъ на Днѣпръ, откуда предполагались большія военныя дѣйствія противъ Крыма, осаду же Азова взялъ на себя фельдмаршалъ Ласси, только 4-го мая пріѣхавшій изъ Петербурга. Любопытно, что на дорогѣ ему пришлось въ полной мѣрѣ испытать на самомъ себѣ всю необезпеченность нашихъ сообщеній съ родиной. Въ степи, между Изюмомъ и украинскими линіями, на него напали татары; конвой его частью былъ изрубленъ, частью захваченъ въ плѣнъ или разсѣянъ, и самъ фельдмаршалъ едва успѣлъ ускакать, оставивъ свои экипажи на разграбленіе (2).

При новомъ начальникѣ осада крѣпости поведена была такъ энергично, что 9-го іюня гарнизонъ ея сдался на капитуляцію. Насколько нашимъ Нижегородцамъ пришлось участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Азова, свѣдѣній нѣтъ; извѣстно однако, что въ теченіе 42-хъ дневной осады, полкъ потерялъ 30 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ сохранилось одно только имя—Леонтія Корнеля, раненнаго осколомъ гранаты (3).

Со взятіемъ Азова военныя дѣйствія были окончены; но бѣдствія войны только еще начинались въ русскихъ войскахъ, продолжавшихъ стоять подъ крѣпостію и послѣ ея паденія. Дни и цѣлыя недѣли проходили въ совершенномъ бездѣйствіи, а въ это время климатъ и болѣзни губили войска болѣе, чѣмъ могъ ихъ губить непріятель. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прибыли наконецъ давно ожидаемые рекруты (4). Нижегородскій полкъ былъ укомлектованъ, и вмѣстѣ съ Казанскимъ, подъ начальствомъ генерала Дугласа, выступилъ къ Перекопу, въ армію фельдмаршала Миниха. Но едва онъ дошелъ до Изюма (5), какъ получилось извѣстіе, что Минихъ изъ Крыма уже шелъ на зимнія квартиры. Дѣло въ томъ, что фельдмаршалъ, отправляясь въ походъ безъ всякаго знакомства съ климатическими и иными условіями страны, предположилъ довольствовать армію средствами Крыма,—а въ Крыму никакихъ средствъ не оказалось. И вотъ, русскія войска, голодныя и изнуренныя, пройдя побѣдоносно до самаго Бахчисарая, но потерявъ больше половины людей отъ страшной смертности, должны были воротиться безъ всякихъ существенныхъ результатовъ. Ничего не оставалось дѣлать и Нижегородцамъ, какъ расположиться на раннія зимнія квартиры. Стоянка назначена была имъ въ Валуйкахъ (6).

Въ Валуйкахъ Нижегородскому полку пришлось содержать форпосты, а между тѣмъ изъ предосторожности всѣ хутора, ближайшіе къ

границѣ, переведены были внутрь края, «дабы отъ непріятеля людямъ и скоту не были причинены какія пакости» (7).

Настала зима, полная тревогъ и опасностей для Нижегородцевъ. Приходили слухи, что татары на Днѣпрѣ жгутъ русскія села, забираютъ полонъ, и войскамъ не разъ приходилось подниматься съ своихъ квартиръ, чтобы отражать прорывы, случавшіеся по цѣлой линіи. Однажды, на самую масляницу 1737 г., татары, истребивъ небольшой русскій отрядъ, встрѣтившійся имъ на переправѣ черезъ Днѣпръ, дошли почти до самой Полтавы. Минихъ былъ очень смущенъ такимъ безсиліемъ своей Украинской линіи и писалъ въ Петербургъ, что де «въ исторіи военнаго искусства безчисленные примѣры показываютъ только, что не сыскано еще никакой возможности охранять границы такъ, чтобы легкій непріятель не прорывался въ какое либо мѣсто, особенно если эта граница растянута на нѣсколько сотъ миль, какъ отъ Кіева и Днѣпра до Азова и Дона» (8). Фельдмаршалу, конечно, можно бы было предложить вопросъ: зачѣмъ же было строить всѣ эти укрѣпленія, стоившія столько жизней и денегъ? Но на этотъ вопросъ, надо полагать, ни онъ, ни его современники отвѣта не дали бы.

Нижегородцы ежеминутно могли ожидать подобныхъ нападеній и на свои квартиры, тѣмъ болѣе, что Валуйки не входили даже въ систему укрѣпленной линіи, которая оканчивалась у самаго Донца; но это-то обстоятельство именно, быть можетъ, и спасало ихъ отъ татаръ, вниманіе которыхъ обращалось въ противоположную сторону. Такъ было на самомъ дѣлѣ; но повидимому, по внѣшности, Нижегородскій полкъ располагалъ гораздо меньшими средствами защиты, чѣмъ другіе полки, расположенные по Днѣпру за укрѣпленнымъ валомъ, а потому и долженъ былъ находиться въ постоянномъ тревожномъ напряженіи.

Такъ прошла, наконецъ, зима; но она унесла съ собою столько жертвъ, благодаря климатическимъ условіямъ страны, что войска потребовали опять усиленнаго комплектованія. Былъ въ сильномъ разстройствѣ и Нижегородскій полкъ. Между тѣмъ нужно было съ весны начинать военныя дѣйствія, и Ласси такъ торопилъ присылкою рекрутъ, что ихъ отправили изъ Москвы подъ командой гарнизонныхъ офицеровъ, не ожидая даже, какъ тогда водилось, прибытія полковыхъ пріемщиковъ. Посланный отъ Нижегородскаго полка премьеръ-маіоръ Чаплинъ встрѣтилъ резервы въ Сѣвскѣ и, принявъ людей и лошадей, назначенныхъ въ Нижегородскій

полкъ, вернулся въ Валуйки (9). Внутренняя жизнь полка естественно наполнилась теперь заботами о скорѣйшей подготовкѣ молодого состава, который нужно было поставить въ строй въ слишкомъ короткое время.

Планъ кампаніи на 1737 годъ былъ, между тѣмъ, уже составленъ въ Петербургѣ. По этому плану Днѣпровская армія Миниха должна была осаждать турецкія крѣпости, а Донская, фельдмаршала Ласси, дѣйствовать противъ Крымскаго хана, чтобы удержать его отъ помощи туркамъ. Нижегородскій полкъ по новому росписанію попалъ опять въ армію Ласси (10), и ему предстояло, такимъ образомъ, идти въ тотъ самый Крымъ, отъ котораго судьба уберегла его въ минувшемъ году. Крымъ, съ его чудною природою, съ его восхитительными ландшафтами, тогда представлялся воображенію русскихъ людей чѣмъ-то страшно-фатальнымъ, требовавшимъ безчисленныхъ жертвъ, какъ кладъ, заговоренный, по народнымъ повѣрьямъ, «на человѣческія головы». И такое представленіе о немъ было не даромъ. Въ народѣ жили еще преданія о набѣгахъ крымцевъ, столько разъ доходившихъ до Москвы; еще живы были современники правительницы Софьи, сѣдые старики, помнившіе несчастные походы Голицына, изъ которыхъ почти никто не вернулся. Послѣдній походъ фельдмаршала Миниха былъ также не изъ числа тѣхъ, которые могли бы успокоить напуганное воображеніе; какъ ни старались скрывать наши прошлогоднія потери въ Крыму, но въ арміи Ласси хорошо знали, что изъ 59 тысячъ, перешедшихъ за Перекопъ, не вернулось и тридцати,—остальные легли въ безводныхъ и знойныхъ степяхъ Тавриды.

Ласси принадлежалъ, однако, къ числу людей не совсѣмъ обыкновенныхъ, и его дѣйствія, блестящія и обнаруживающія вѣру въ русскаго солдата, могли бы принести большіе результаты, если бы заранѣе составленный въ Петербургѣ планъ не создалъ для него множества тормазовъ. Идя пустынными степями къ Крыму, фельдмаршалъ послалъ впередъ опытныхъ развѣдчиковъ, и тѣ вернулись съ извѣстіемъ, что вся татарская сила стоитъ у Перекопа. Дорога въ Крымъ могла быть открыта только штурмомъ перекопскихъ линій, защищаемыхъ массой татаръ; но этотъ штурмъ не обѣщалъ ничего хорошаго, грозя громадными потерями, при вѣроятной неудачѣ. Довольно себѣ представить, что весь узкій перешеекъ, отъ Азовскаго моря до Чернаго, былъ перерѣзанъ громаднымъ рвомъ шириною въ 12 и глубиною въ семь саженъ; за этимъ рвомъ стоялъ большой укрѣпленный городъ, отъ котораго въ обѣ стороны тянулся брустверъ,

высотою въ девять аршинъ; а надъ этимъ брустверомъ высилось еще шесть каменныхъ башенъ, изъ которыхъ грозно смотрѣли жерла мѣдныхъ орудій. Это было препятствіе почти неодолимое.

Ласси рѣшилъ обойти Перокопскія линіи, никому однако не сообщая о своемъ намѣреніи. Въ Азовѣ онъ посадилъ пѣхоту на гребную флотилію, а конницу двинулъ сухопутьемъ по сѣверному берегу моря. Такъ миновали Бердянскъ, Молочныя и Конскія Воды и стали передъ Сивашемъ. Только здѣсь, на берегу Сиваша и выяснилось намѣреніе Ласси — перевести войска черезъ Гнилое море и затѣмъ по узкой песчаной Арабадской косѣ выйти въ тылъ перекопскихъ укрѣпленій. Планъ этотъ поразилъ всѣхъ своею неожиданностію: ни русскіе, ни татары не ожидали, чтобы можно было провести сорока-тысячную армію по такому тѣсному пространству, какъ Арабадская стрѣлка, тѣмъ болѣе, что городъ Арабадъ, лежащій на концѣ ея, былъ занятъ сильнымъ татарскимъ корпусомъ. Дѣйствительно, одного взгляда на карту Крыма достаточно, чтобы уяснить себѣ опасность, въ которой должна была очутиться армія, окруженная моремъ, тѣснинами и непріятелемъ (11).

2-го іюня фельдмаршалъ приказалъ устроить плоты на бочкахъ, въ которыхъ возили воду, и на нихъ переправилъ пѣхоту и тяжести. Казаки и драгуны были пущены вплавь. Какъ только русскія войска показались на Арабадской стрѣлкѣ, непріятель, пораженный небывалой переправой, бросилъ тѣснины и бѣжалъ внутрь полуострова. Перекопская линія была обойдена, и ханъ поспѣшно отступилъ къ Бахчисараю.

Къ сожалѣнію, послѣдующія дѣйствія русскихъ не соотвѣтствовали блестящему началу: отъ Арабада до Карасубазара, на пути въ какіе-нибудь десятки верстъ, армія двигалась почти двѣ недѣли, задерживаемая на каждомъ шагу своими обозами. А чтобы имѣть понятіе объ этомъ чудовищномъ обозѣ, довольно сказать, что нѣкоторые изъ штабъ-офицеровъ имѣли при себѣ по 30 повозокъ; что же касается до генераловъ, то одинъ изъ нихъ, Биронъ, разсказываетъ самъ, что при немъ находилось въ походѣ болѣе трехъ-сотъ воловъ и лошадей съ повозками, 3 верблюда и 7 ословъ подъ вьюками. Если прибавить къ этому еще казенный обозъ, состоявшій изъ тысячи верблюдовъ и 18 тысячъ пароконныхъ подводъ, на которыхъ везли провіантъ, бочки съ водою, жернова для перемолки зерна, рогатки и другіе предметы, то общая цифра животныхъ, вмѣстѣ съ драгунскими и казачьими лошадьми, доходила до ста тысячъ. Очевидно, что

никакія степи не могли на небольшомъ пространствѣ прокормить всю эту громадную массу четвероногихъ. Съ ночлеговъ армія поднималась рано; но пока запрягали, вьючили и размѣщали обозъ, проходило нѣсколько часовъ, и походъ начинался въ самое знойное время. При малѣйшемъ безпорядкѣ обозъ перепутывался и войска опять останавливались. При такихъ условіяхъ на ночлеги приходили поздно, иногда даже подъ самое утро. Можно себѣ представить, какъ эти порядки отражались гибельно на кавалеріи, которой почти никогда не приходилось разсѣдлывать лошадей ([12]).

На пути къ Карасубазару, 12 іюля русскія войска увидѣли наконецъ передъ собою нестройныя толпы татаръ на ихъ быстрыхъ коняхъ. Среди нихъ былъ и самъ крымскій ханъ. Ласси немедля повелъ наступленіе, и скоро татарское войско, поражаемое пушечнымъ огнемъ, побѣжало. Черезъ два дня русскіе уже были въ Карасубазарѣ. Встрѣтили ли они сопротивленіе въ стѣнахъ его, или поступили просто по суровымъ обычаямъ того времени,—только городъ обреченъ былъ гибели. Пока казаки и калмыки грабили богатые каравансараи, Нижегородскій и Казанскій полки, выдвинутые въ поле, прикрывали ихъ отъ непріятеля. Самъ Ласси свидѣтельствуетъ о томъ, что еще никогда и нигдѣ казаки не пріобрѣтали такой богатой и цѣнной добычи, какъ въ Карасубазарѣ. Городъ былъ сожженъ до тла: кромѣ каравансараевъ сгорѣло болѣе 10.000 домовъ, 38 мечетей и 50 водяныхъ мельницъ. Среди общаго разрушенія невозможно было спасти и двухъ христіанскихъ церквей, сдѣлавшихся добычею пламени ([13]). За разгромомъ Карасубазара началось жестокое опустошеніе Крыма. Казаки и калмыки доходили до самаго Бахчисарая и на пути къ нему уничтожили множество татарскихъ деревень, взяли 1000 плѣнныхъ, 30 тысячъ быковъ и 100 тысячъ барановъ ([14]).

Но ни подвиги русскихъ солдатъ, ни безполезная жестокость къ крымскому населенію не привели ни къ какимъ результатамъ: недостатокъ правіанта, кормовъ и суровыя болѣзни среди опустошенной страны скоро вынудили Ласси покинуть Крымъ и отойти назадъ къ Молочнымъ Водамъ. Тамъ онъ простоялъ около мѣсяца, а затѣмъ расположилъ войска на зимовыя квартиры въ окрестностяхъ Бахмута ([15]).

Зима на 1737 годъ была еще тревожнѣе предъидущей. Съ февраля мѣсяца стали носиться упорные слухи, что крымскій ханъ намѣревается отплатить Россіи за опустошеніе страны его кровавымъ вторженіемъ. И

вотъ, 14 числа около полудня, вспыхнули пограничные маяки, и пушечные выстрѣлы разнесли тревогу по всей Донецкой линіи. Нижегородскій полкъ, вызванный съ своихъ квартиръ, прибылъ въ деревню Белаклей, откуда графъ Дугласъ, командовавшій войсками за отсутствіемъ фельдмаршала Ласси, тотчасъ повелъ его къ Богуславкѣ, куда со всѣхъ сторонъ скакали и другіе драгунскіе полки, стоявшіе на линіи. Но еще на пути къ ней узнали, что непріятель, появившійся было въ значительныхъ силахъ, отступилъ обратно за Донецъ. Опасность была, однако, близка, и наши драгуны, несмотря на сильный морозъ, ночевали бивуаками. Предосторожность эта была не напрасною: поутру опять поднялась тревога—прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что крымскій ханъ вновь перешелъ Донецъ и штурмуетъ Спѣваловскій заводъ. Нижегородцы понеслись туда на рысяхъ—и опять не застали дѣла: ханъ уже отступилъ, и въ подзорную трубку можно было видѣть только станъ его, раскинутый невдалекѣ отъ берега.

На заводѣ драгуны видѣли много побитыхъ татаръ, и большое красивое знамя, которое возили по улицамъ. Это былъ штандартъ самого крымскаго хана; на его зеленомъ полотнищѣ, окаймленномъ широкими алыми полосами, изображены были скрещенныя сабли, звѣзды и полумѣсяцъ, а наверху развѣвались пучки страусовыхъ перьевъ. По одному этому трофею драгуны уже могли заключить о большой потерѣ, понесенной нападающими. Но простого отпора и даже пораженія татаръ было еще недостаточно, чтобы освободить русскія селенія отъ ужасовъ висѣвшаго надъ ними набѣга; нужно было заставить крымцевъ уйти отъ нашихъ границъ,—и Дугласъ приказалъ полкамъ переправляться черезъ Донецъ.

Какъ разъ въ эту минуту дали знать, что татары, успѣвшіе въ началѣ тревоги прорваться за нашу линію, скачутъ назадъ съ добычей и полономъ. Дугласъ кинулся съ своими драгунами вверхъ по Донцу и отрѣзалъ переправу. Татары пошли на проломъ. На самомъ берегу рѣки завязалась горячая схватка; но пока татары, охваченные желѣзнымъ кольцомъ, гибли подъ ударами, Дугласъ получилъ уже новое приказаніе—спѣшить въ Донецкую крѣпость, чтобы вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Минихомъ идти на крымскаго хана.

Прямо изъ дѣла Нижегородцы двинулись въ походъ; но въ степи они не нашли уже ничего, кромѣ глубокихъ снѣговъ да страшныхъ моро-

зовъ. Крымскій ханъ быстро уходилъ отъ преслѣдованія, и войска послѣ трехъ-дневной мучительной и безплодной погони вынуждены были вернуться назадъ. Нижегородцы пошли опять на свои квартиры ([16]).

Кампанія въ этомъ году открылась поздно. Уже начались жары, когда Нижегородскій полкъ въ іюлѣ мѣсяцѣ пришелъ наконецъ подъ Азовъ, гдѣ собирались войска для новаго похода въ Крымъ. Задача Ласси на этотъ разъ усложнялась: у Перекопа попрежнему стоялъ 30-тысячный корпусъ, а переправу на Арабадскую косу оберегалъ калга, намѣстникъ хана, и, повидимому, проникнуть въ Крымъ безъ особыхъ усилій было невозможно. Но Ласси показалъ опять необыкновенную находчивость: онъ отыскалъ третью дорогу,—и счастливо миновалъ обѣ приготовленныя встрѣчи. Узнавъ именно, что въ лѣтнія жары прибрежная часть Сиваша значительно пересыхаетъ, онъ выждалъ время наибольшаго морского отлива, и налегкѣ, безъ обозовъ, съ одною артиллеріею быстро перевелъ войска по открывшемуся дну ([17]).

И опять онъ былъ, какъ въ прошломъ году, въ тылу Перекопской линіи. Оба татарскіе отряда, захваченные врасплохъ, отступили съ такою поспѣшностью, что перекопскій гарнизонъ, покинутый ими на произволъ судьбы, долженъ былъ положить оружіе. Тревога распространилась по всему полуострову. Самъ крымскій ханъ выступилъ на встрѣчу къ нашимъ войскамъ, и 8 іюля нашелъ ихъ невдалекѣ отъ Перекопа. Здѣсь произошло сраженіе, сразу принявшее ожесточенный характеръ. Татары помнили прошлогоднее опустошеніе своей страны, могли опять опасаться того же—и бились отчаянно. Казаки, калмыки и одинъ изъ драгунскихъ полковъ, высланный для ихъ поддержки, были опрокинуты и обратились въ бѣгство съ перваго удара. Къ счастію, въ эту минуту подоспѣлъ генералъ Шпигель съ остальными драгунскими полками, въ числѣ которыхъ былъ и Нижегородскій. Драгуны, кинувшись во весь опоръ, врѣзались въ непріятеля, и бой пошелъ на сабляхъ. Съ какимъ упорствомъ бились обѣ стороны, свидѣтельствуютъ огромныя потери: самъ Шпигель получилъ тяжелую рану саблей въ лицо, а драгуновъ изрублено было 129 и ранено 161 человѣкъ—потеря, едва ли когда встрѣчавшаяся въ быстрой кавалерійской схваткѣ. Татары, наконецъ, были сбиты и побѣжали. Преслѣдуя ихъ, драгуны положили болѣе трехъ тысячъ человѣкъ на мѣстѣ и отбили восемь знаменъ. Плѣнныхъ, кромѣ одного знатнаго мурзы, опрокинутаго въ свалкѣ вмѣстѣ съ конемъ, не было. Ласси писалъ, что «драгуны,

осердясь, всѣхъ покололи до смерти». Пѣхота наша не подоспѣла во̀время, и бой какъ начала, такъ и кончила одна кавалерія ([18]).

Нижегородскому полку довелось въ этотъ день находиться въ самомъ пылу рукопашной схватки. Остались свѣдѣнія, что вахмистръ Кузьма Макаевъ вернулся изъ боя съ разрубленною головою; рядовой Мокій Ерохинъ, раненный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ калмыцкою стрѣлою, вновь получилъ двѣ раны—картечью въ ногу и саблей въ лѣвую руку; рядовой Гаврило Гарикъ имѣлъ четыре раны: плечо его прострѣлено было пулей, грудь пробита стрѣлой, а правая нога и бокъ разрублены саблями ([19]). Эти немногіе, дошедшіе до насъ факты говорятъ, однако, ясно о силѣ и упорствѣ кроваваго столкновенія.

Дорога внутрь Крымскаго полуострова теперь была открыта; но отойти отъ Перекопа русскимъ было рѣшительно невозможно: край былъ страшно опустошенъ, трава выжжена солнцемъ и степными пожарами, колодцы завалены падалью, а вдобавокъ, какъ и въ прошломъ году, буря разметала нашу флотилію, слѣдовавшую къ берегамъ Крыма съ съѣстными припасами. Ласси имѣлъ приказаніе взять Кафу, нынѣшнюю Ѳеодосію; но не только продолжать наступленіе, нельзя было даже просто оставаться на полуостровѣ безъ провіанта, корма и воды. Фельдмаршалъ ограничился тѣмъ, что взорвалъ перекопскія укрѣпленія и не медля вывелъ войска въ Украйну, на зимнія квартиры. Нижегородскому полку на этотъ разъ пришлось стоять, вмѣстѣ съ Вологодскимъ драгунскимъ полкомъ, на передовой линіи, въ д. Андреевкѣ, недалеко отъ Изюма; всѣ же полковыя тяжести его, слабосильные и худоконные люди отправлены были въ Валуйки ([20]).

Зима сверхъ ожиданія прошла для Нижегородцевъ довольно спокойно; татары появлялись то на Днѣпрѣ, противъ Украинской линіи, то на Самарѣ, противъ запорожскихъ казаковъ,—но Бахмутъ и Изюмъ обходили. Между тѣмъ наступила весна 1739 года. Украинская армія Миниха уже давно была за Бугомъ и стояла въ огнѣ,—а армія Ласси только что начинала передвигаться къ Молочнымъ Водамъ. Ее сопровождали тѣ же унылыя степи, тѣ же медленныя, трудныя движенія по нимъ, тѣ же недостатки и лишенія и тотъ же печальный видъ разореннаго края. Въ этомъ году условія жизни войскъ оказались еще хуже, чѣмъ въ предшествовавшіе походы: даже у Молочныхъ Водъ уже не было ни корма, ни водопоя. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь перервать тягостное бездѣйствіе,

Ласси 19 августа выступилъ къ Перекопу съ одною кавалеріей, поддержанной небольшою частью пѣхоты. Ворота въ Крымъ стояли разоренныя, въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ оставили въ минувшемъ году; только ровъ оказался расчищеннымъ, да мечеть и нѣкоторые дома исправленными; нашелся еще большой огородъ съ овощами и поле, засѣянное просомъ. Видно было, что здѣсь жили люди, и что они удалились дня за два, за три до прихода русскихъ; пушки, слѣды которыхъ оставались еще на валахъ, были увезены, но снаряды брошены и лежали безпорядочными кучами. Кавалерія наша отъ Перекопа дошла до крѣпости Оръ, но нигдѣ не встрѣчала непріятеля; она видѣла только дымъ, да багровое зарево, по ночамъ озарявшее небо.—Это легкія казацкія партіи жгли татарскіе улусы. Видя кругомъ совершенное опустошеніе, Ласси вернулся къ Молочнымъ Водамъ, и затѣмъ въ Украйну ([21]). Здѣсь пришло извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей. Азóвъ достался Россіи,—а съ тѣмъ вмѣстѣ была подорвана сила турокъ и татаръ на Сѣверномъ Черноморскомъ побережьѣ.

VII.

Трудные дни сыскной службы.

(1740—1757 г.).

Новая война со Швеціей.—Гренадерская рота Нижегородцевъ въ Финляндіи.—Подвигъ въ Фридрихсгамѣ.—На степной границѣ.—Походъ на Терекъ.—Снова на Царицынской линіи.—Сыскная служба противъ разбойниковъ.—Война за Австрійское наслѣдство.—Походъ до Брянска.—Вновь тяжелые дни сыскной службы.—Характеръ разбоевъ въ Россіи и борьба съ ними войскъ.—Тлетворное вліяніе сыскной службы.—Форпосты на польской границѣ.—Крайнее разстройство полка.—Новыя установленія и формы.—Приготовленія къ участію въ Семилѣтней войнѣ.—Нижегородцы въ Псковской провинціи и въ Смоленскѣ.

Послѣ тяжелыхъ и безплодныхъ крымскихъ походовъ, для Нижегородскаго полка, обезлюдѣвшаго и обезсиленнаго, наступилъ, благодаря вліянію иностранцевъ, длинный смутный періодъ упадка, который раздѣляла съ нимъ и вся русская армія. Къ тому же и сложныя обстоятельства той

эпохи привели его на долгіе годы къ дѣятельности, которая, при всей своей кажущейся важности, вовсе была не свойственна самымъ жизненнымъ задачамъ полка и ни къ чему другому, кромѣ упадка, привести не могла.

Воротившись изъ Крыма, подъ командой своего стараго полковника Беречинскаго, полкъ стоялъ сначала въ Тамбовѣ, потомъ его перевели въ Ряжскъ (1). На русскомъ престолѣ былъ уже Іоаннъ Антоновичъ, и загоралась новая война со Швеціей, выставлявшей предлогомъ къ ней защиту правъ на царствованіе Елизаветы Петровны, какъ дочери великаго императора, а въ дѣйствительности мечтавшей отторгнуть отъ Россіи всѣ земли, завоеванныя отъ нея Петромъ Великимъ. Война эта коснулась частію и нашего полка, въ лицѣ его гренадерской роты. Уже въ 1740 году, когда неизбѣжность враждебныхъ дѣйствій со стороны нашего сѣвернаго сосѣда сдѣлалась очевидною, большая часть войскъ, находившихся въ Крыму подъ начальствомъ Ласси, двинута была на сѣверъ. Пошла, однакоже, только пѣхота; отъ драгунскихъ полковъ, расположенныхъ на Украйнѣ, рѣшено было взять однѣ гренадерскія роты, въ томъ расчетѣ, что онѣ могутъ служить въ случаѣ надобности и конницей, и пѣхотой, и артиллеріей, забрасывающей непріятеля ручными гранатами (2). Пока гренадеры совершали свой путь, шведы уже понесли пораженіе подъ стѣнами Вильманстранда, а на русскій престолъ вступила Елизавета Петровна. Причина войны, выставляемая Швеціей, слѣдовательно, исчезла. Тѣмъ не менѣе переговоры, начатые о мирѣ, не имѣли успѣха, и раннею весною 1742 года наши гренадерскія роты были уже въ арміи Ласси, съ которой и сдѣлали весь побѣдоносный походъ, доставившій Россіи значительную часть Финляндіи.

Наступленіе русской арміи началось 8 іюня изъ Выборга. Всѣ конногренадерскія роты пошли въ авангардѣ, и 13 числа, подъ стѣнами Фридрихсгама, Нижегородцамъ пришлось имѣть первое дѣло съ непріятелемъ. Они были спѣшены и дѣйствіемъ своихъ гранатъ помогли оттѣснить передовые отряды шведовъ, что̀ дало фельдмаршалу возможность произвести обстоятельную рекогносцировку крѣпости. Шведы не стали даже и ожидать нападенія: они зажгли Фридрихсгамъ, подложили огонь въ пороховые погреба и отступили къ Гельсингфорсу. Утромъ 29 іюня, фельдмаршалъ съ конно-гренадерами вступилъ въ покинутую крѣпость, и былъ пораженъ картиной общаго разрушенія. Взрывы еще продолжались, и Нижегородцы, вмѣстѣ съ другими драгунами, должны были разыскивать и осматривать

погреба, въ которыхъ находили пороховыя бочки съ проведенными къ нимъ тлѣвшими фитилями. Пренебрегая жизнію, драгуны кидались въ темныя подземелья, гдѣ каждую минуту грозила имъ гибель, тушили фитили и выкатывали бочки съ порохомъ на улицы. Подвигъ этотъ, по выраженію Ласси, стоилъ добраго отличія въ сраженіи (3).

Удостовѣрившись, что изъ 72-хъ погребовъ, бывшихъ въ крѣпости, ни одного не осталось не осмотрѣннымъ, Ласси приказалъ пѣхотѣ занять Фридрихсгамъ, а кавалерію послалъ преслѣдовать непріятеля. Она настигла шведовъ у Гельсингфорса и отрѣзала имъ отступленіе къ Або. Тогда шведскій главнокомандующій рѣшился принять капитуляцію, и 26-го августа 1742 года семнадцать тысячъ шведовъ положили оружіе передъ семнадцатью тысячами русскихъ. Это обстоятельство было до такой степени странно, что въ Стокгольмѣ приписали его измѣнѣ генераловъ, которые и поплатились своими головами. Паденіе Гельсингфорса и уничтоженіе шведской арміи повели за собою сдачу тогдашней столицы Финляндіи, Або, —и война окончилась.

Въ то время, какъ гренадеры Нижегородскаго полка сражались среди суровой природы Финляндіи, полкъ, подъ начальствомъ уже новаго командира, полковника Іохима-Эрнеста фонъ-Гауза, переведенъ былъ изъ Ряжска въ Коротоякъ для охраны степной границы тогдашней Бѣлогородской губерніи (4). Но и тамъ ему пришлось оставаться не долго: грозныя военныя тучи стали надвигаться съ Кавказа. Причиною внезапной тревоги былъ суровый завоеватель персидскій Шахъ-Надиръ, простершій честолюбивые замыслы на всѣ народы, сосѣдніе съ Персіею. Пройдя разрушительнымъ ураганомъ все Закавказье, онъ вдругъ появился въ Дагестанѣ, не вдалекѣ отъ нашихъ границъ, что̀ породило въ Петербургѣ серьезныя опасенія. На Терекъ поспѣшно двинуты были войска съ Волги и Дона. Нижегородскій полкъ также выступилъ изъ Коротояка, и провелъ зиму съ 42-го на 43-й годъ частію въ Кизлярѣ, а частію по городкамъ гребенскихъ казаковъ (5). Это было уже второе появленіе полка на Кавказѣ, въ мѣстахъ, гдѣ въ будущемъ судьба готовила ему столѣтнее боевое поприще.

До войны съ персіянами на этотъ разъ дѣло, однакоже, не дошло: воинственныя толпы Шахъ-Надира, расположившіяся у Дербента, страшно страдали отъ голода; лезгины вели противъ нихъ истребительную войну и даже едва не захватили въ плѣнъ самого шаха; андреевцы и кабар-

динцы, какъ русскіе подданные, готовились встрѣтить ихъ вооруженной рукой; а на Терекѣ въ полной боевой готовности стояли полки Левашова. Противъ такихъ силъ, защищенныхъ притомъ горами, бороться было немыслимо,—и шахъ рѣшилъ уйти изъ Дагестана. Гроза разсѣялась. А какъ только опасность для нашихъ границъ миновала, и Нижегородскій полкъ снова былъ передвинутъ на Царицынскую линію. Тамъ ему предстояла борьба съ иного рода врагами—съ разбойниками и разнаго рода вольницей, необыкновенно размножившейся и усилившейся въ то время. И эта тяжкая обязанность надолго, до 1756 года, заполонила жизнь Нижегородцевъ, внося въ среду ихъ, какъ увидимъ, страшное зло—деморализацію.

Извѣстій о дѣятельности собственно Нижегородскаго полка, въ описываемую эпоху, дошло до насъ весьма мало. Но то, что извѣстно изъ исторіи вообще о развитіи въ то время разбойничества въ Россіи, можетъ дать довольно ясное представленіе объ образѣ жизни Нижегородцевъ, и о томъ деморализующемъ вліяніи, которое вносила въ ихъ жизнь эта полицейская служба. Страшное зло это, подрывавшее благосостояніе Россіи, создавалось вѣками, и въ половинѣ XVIII столѣтія приняло поистинѣ ужасающіе размѣры. Не только на какой-нибудь Царицынской линіи или на глухой окраинѣ Россіи, а въ самомъ сердцѣ ея между Москвой и Владиміромъ не было проѣзда по большимъ дорогамъ.

Всѣ мѣры правительства по охранѣ народа отъ «лихихъ людей» не достигали цѣли, потому что было не мало даже значительныхъ лицъ, дворянъ и помѣщиковъ, которые держали разбойничьи притоны, или брали извѣстную долю добычи. Разбойничьи шайки—«вольныя станицы»—были и конныя и пѣшія, а были и на стругахъ,—самыя опасныя и отважныя, излюбленныя русскою вольницею еще со временъ Стеньки Разина. Одна изъ такихъ шаекъ не задумалась напасть даже на самую Астрахань, три дня грабила ея окрестности, овладѣла большими морскими лодками, забрала порохъ и пушки, бывшія въ ватагахъ у рыбопромышленниковъ, и отправилась въ открытое море, грабить персидскіе караваны. Во главѣ такихъ шаекъ становились люди опытные «въ разбойномъ промыслѣ», въ родѣ какого-нибудь Посулихина, составившаго себѣ историческое имя по всему Поволжью, Окѣ и даже по Камѣ, котораго народъ называлъ именемъ Кнута, и который былъ дѣйствительнымъ бичемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ появлялся. Бывали атаманами и женщины.

Такъ было на Волгѣ и въ Бѣлогородской губерніи, прежней Московской Украйнѣ, издавна извѣстной безпокойнымъ характеромъ своихъ жителей. Но еще хуже шли дѣла во внутренней Россіи, гдѣ вольная разбойничья жизнь привлекала къ себѣ закрѣпощенное населеніе, и въ нѣкоторые года безпорядки среди него принимали острый характеръ, какъ бы предвѣстниковъ пугачевщины: во многихъ мѣстахъ крестьяне поднимались противъ своихъ помѣщиковъ, монастырей и архіерейскихъ домовъ. Между ними и войсками иногда происходили цѣлыя сраженія, стоившія потоковъ крови. Однажды, напр., въ Малоярославскомъ уѣздѣ крестьяне встрѣтили военную команду въ числѣ 860 человѣкъ и не только нанесли ей пораженіе, но отбили нѣсколько пушекъ. Въ другой разъ, команда въ 500 человѣкъ была почти истреблена крестьянами: полковникъ, командовавшій отрядомъ, захваченъ въ плѣнъ, 2 офицера и 30 рядовыхъ убиты, а девять офицеровъ и 188 солдатъ ранены, тогда какъ сами крестьяне не потеряли и ста человѣкъ. Вотъ какую мрачную картину рисуетъ предъ нами исторія своими достовѣрными фактами (6).

Возвратившись съ Кавказа, Нижегородскій полкъ въ ряду другихъ полковъ, разставленныхъ по Волгѣ отъ Твери до Астрахани, занялъ районъ около Царицына, и для него началась безконечная погоня за разбойниками. Въ большинствѣ случаевъ команды высылались пѣшими, и командировки эти были такъ часты, и такъ много требовалось на нихъ людей, что лошади оставались безъ всякаго призора, ходили табунами, и даже дичали; а солдаты совершенно отвыкали отъ строевыхъ занятій и пріобрѣтали многія вредныя привычки и даже порочныя наклонности (7).

Были моменты, когда политическія судьбы нашей родины, казалось, должны были отвлечь Нижегородцевъ отъ несвойственной имъ дѣятельности. Такъ, въ 1744 году Россія готовилась принять участіе во второй Силезской войнѣ для защиты нейтральныхъ правъ Саксоніи, и полкамъ, расположеннымъ на Царицынской линіи, приказано было готовиться къ походу. Но полки эти, обезсиленные еще со временъ крымскихъ походовъ, были окончательно разстроены «разными командировками за ворами», какъ доносилъ командующій войсками на линіи генералъ-лейтенантъ фонъ-Штоффель,—и выступить въ скоромъ времени въ походъ не могли. Къ счастію, на этотъ разъ въ нихъ и не представилось особенной надобности: послѣ пораженія саксонской арміи подъ Кессельдорфомъ и заключенія Дрезденскаго мира, вмѣшательство наше въ войну стало ненужнымъ. Однако прави-

тельство, уже наученное опытомъ, не могло не обратить вниманія на неустройство конныхъ полковъ и рѣшило принять мѣры къ приведенію ихъ въ бо̀льшую боевую готовность, на случай, ежели бы обстоятельства потребовали вырвать ихъ снова изъ сферы полицейской службы.

Этотъ второй моментъ наступилъ въ 1747 году. Политика Россіи тогда пріобрѣтала характеръ дѣятельнаго вмѣшательства въ европейскія дѣла, и русскій 37-тысячный корпусъ князя Репнина готовился къ походу на Рейнъ, для участія въ войнѣ за австрійское наслѣдство. Въ составъ этого корпуса назначено было десять драгунскихъ полковъ, расположенныхъ на Украйнѣ, и въ томъ числѣ Нижегородскій ([8]). Полки выступили изъ своихъ квартиръ зимою, въ февралѣ 1748 года, и двинулись отъ Бѣлгорода къ границамъ Курляндіи черезъ нынѣшнія Орловскую и Смоленскую губерніи. Они шли разными трактами, гдѣ кому было удобнѣе и ближе, и тѣмъ не менѣе затруднительность зимняго похода была такъ велика, что командовавшій войсками на западныхъ границахъ фельдмаршалъ Ласси приказалъ остановить всю кавалерію не вдалекѣ отъ Смоленска. Тамъ она должна была переждать зиму и выступить дальше только тогда, когда спадутъ рѣки и появится на поляхъ молодая трава. Приказаніе это застало Нижегородскій полкъ въ Брянскѣ, гдѣ онъ и занялъ временныя квартиры ([9]). Здѣсь присоединились къ нему обозы и тяжести, оставленные имъ при спѣшномъ выступленіи на старыхъ квартирахъ, и сюда же изъ Москвы прибыли на укомплектованіе полка молодыя лошади и рекруты. Послѣднее даетъ намъ право предположить, что полки и при настоящихъ обстоятельствахъ, также какъ четыре года назадъ, не были готовы къ походу заблаговременно. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что ни въ одномъ изъ четырехъ драгунскихъ полковъ, составлявшихъ бригаду Фролова-Бегреева: Нижегородскомъ, Ингерманландскомъ, Рязанскомъ и Новогородскомъ—не было даже настоящаго полкового командира, и когда Бегреевъ, произведенный въ генералъ-маіоры, долженъ былъ уѣхать въ Ригу къ новому назначенію,—командованіе бригадою пришлось поручить временно старшему штабъ-офицеру, Нижегородскаго драгунскаго полка, подполковнику Жандру ([10]).

Съ весною полки двинулись дальше, но имъ не пришлось участвовать въ военномъ походѣ; они образовали особый обсерваціонный корпусъ, и, простоявъ на границахъ Лифляндіи до самаго заключенія Аахенскаго мира, расположились затѣмъ по квартирамъ въ Новогородской, Псковской и Смоленской губерніяхъ. На этой новой стоянкѣ для Нижегородскаго полка

опять потянулись однообразные, утомительно-тяжелые дни все той же внутренней полицейской службы, той же погони за ворами и разбойниками. Этотъ печальный періодъ и продолжался уже безъ перерыва до самаго 1756 года. Въ этотъ сравнительно незначительный періодъ времени въ Нижегородскомъ полку прошло шесть полковыхъ командировъ; то были: полковникъ Дубасовъ, русскій человѣкъ, уроженецъ Владимірской губерніи, принявшій полкъ въ 1744 году отъ полковника фонъ-Гауза; за нимъ слѣдовалъ шестидесятилѣтній старикъ лифляндецъ фонъ-Глазнопъ; далѣе шли: Куменъ, Рейнгольдтъ, Павелъ Фонъ-Зассъ и, наконецъ, съ 1755 года полковникъ Киндерманъ. Изъ всѣхъ этихъ именъ, сохраненныхъ для насъ архивными документами, выдвигается имя храбраго Засса, какъ одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ того времени. Старый боецъ, все время прослужившій въ 3-мъ кирасирскомъ полку, онъ сдѣлалъ множество кампаній, собственноручно взялъ два непріятельскія знамени, и былъ покрытъ почетными ранами, изъ которыхъ не было ни одной огнестрѣльной—все пиками и саблями ([11]). Нельзя не пожалѣть, что его командованіе было слишкомъ кратковременно, и что не съ нимъ довелось полку пройти чрезъ трудные дни Семилѣтней войны съ пруссаками.

Въ томъ районѣ, гдѣ стояли теперь Нижегородцы, не было крупныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя выходили бы на промыселъ съ оружіемъ въ рукахъ, и дѣятельность драгунъ ограничивалась еще болѣе печальною ролью—поимкою воровъ и искорененіемъ мелкаго мошенничества. Это была уже не сыскная, а настоящая полицейская служба, столько же вредная для войскъ, сколько безполезная для края. Переловить всѣхъ воровъ войсками, естественно, было нельзя, а между тѣмъ солдаты и офицеры вовлекались въ мелкія дрязги, дававшія поводъ къ потворству, лихоимству и даже къ участію въ преступленіяхъ ([12]). Сила въ рукахъ грубыхъ людей нерѣдко приводила къ тому, что они пользовались ею во вредъ мирныхъ согражданъ, и случалось, что защитниками безпорядковъ являлись сами войска. Съ другой стороны невольно возникали случаи простыхъ ошибокъ и недоразумѣній. Ко всему этому присоединилось то, что гражданскія власти; бывшія въ тѣ отдаленныя времена не рѣдко «понаровщиками воровъ и разбойниковъ, около которыхъ кормились», на каждомъ шагу старались противодѣйствовать войскамъ, а это порождало массу затрудненій, при которыхъ исчезалъ и послѣдній признакъ порядка ([13]).

Изъ хроники Нижегородскаго полка, несшаго сыскную службу вмѣстѣ съ полками Кіевскимъ и Астраханскимъ, дошли до насъ случаи, облекающіе въ живую плоть и кровь все вышесказанное ([14]).

Однажды, осенью 1749 года, ѣхалъ въ Новгородъ капралъ Вологодскаго гарнизоннаго батальона Предвишкинъ съ тремя рядовыми; ѣхалъ онъ на обывательской подводѣ и везъ въ губернскую канцелярію «денежную казну и мундиръ». 29 сентября, когда вологодцы заночевали въ какой-то деревнѣ Порховскаго уѣзда, случилось, что у тамошняго помѣщика отставного поручика Селиванова кто-то разобралъ огородку и вывелъ пять лошадей. Дворовые хватились ихъ только подъ-утро, и подозрѣніе пало на ночевавшихъ солдатъ, которые уѣхали до свѣту. Дали знать въ сыскную команду Нижегородскаго полка, и капитанъ Юсуповъ, стоявшій ближе другихъ, накрылъ вологодцевъ въ тотъ же день, когда они остановились кормить лошадей. Юсуповъ потребовалъ отъ нихъ подорожную. Въ подорожной не было, однако, прописано солдатскихъ именъ, и вологодцевъ приняли за переодѣтыхъ мошенниковъ. Озлобленные безпрерывною гоньбою за ворами, драгуны сорвали на нихъ сердце и, избитыхъ, бросили въ какой-то сарай, который поручили надзору сельскаго старосты. Денежная казна и «мундиръ» были отъ нихъ отобраны. Три дня просидѣли вологодцы подъ крѣпкимъ карауломъ, а затѣмъ ихъ перевели въ сельцо, гдѣ стоялъ Юсуповъ, и подвергли допросу «съ пристрастіемъ». Предвишкинъ, разумѣется, жаловался. Новогородская канцелярія близко приняла къ сердцу обиду своей команды и приказала произвести надъ драгунскими сыщиками слѣдствіе «безъ всякаго послабленія и виновнымъ понoровки». Юсуповъ былъ преданъ суду и умеръ во время производства надъ нимъ дѣла.

Второе происшествіе было въ другомъ родѣ. Въ декабрѣ того же 1749 года, въ Бѣлозерскъ прибыла команда Нижегородскихъ драгунъ, подъ командою прапорщика Энгельгардта. Магистратъ, «норовившій ворамъ, бывшимъ у него на откупѣ», отказался отвести ей помѣщеніе. Тогда Энгельгардтъ, очевидно человѣкъ энергическій, самъ распорядился занять квартиры у лучшихъ обывателей города, и донесъ обо всемъ сенату. Между тѣмъ къ нему явился отставной солдатъ Киселевъ и заявилъ, что еще въ августѣ мѣсяцѣ имъ пойманъ воръ, бѣлозерскій же житель Данило Чмутовъ, и сданъ въ магистратъ, который, однакоже, дѣло это замялъ. Энгельгардтъ потребовалъ Чмутова, а когда магистратъ отвѣтилъ, что

обвиняемый скрылся, приказалъ арестовать его жену и сына. Въ дѣло запутался еще какой-то бѣлозерецъ Попонинъ, который зналъ о кражѣ и былъ посредникомъ между Киселевымъ и Чмутовымъ. Энгельгардтъ арестовалъ и его. Розыскали наконецъ и самого Чмутова. Тогда магистратъ «съ излишнею горячностью заступился за своихъ согражданъ» и началъ дѣло: «О захватѣ и держанiи въ колодкахъ именитыхъ купцовъ и посадскихъ людей драгунскими сыщиками». Въ сенатъ поступили двѣ жалобы: президентъ магистрата просилъ прекратить безчинства драгунъ, и «чтобы учинено было съ нимъ, прапорщикомъ, по законамъ»; а Энгельгардтъ оправдывалъ всѣ свои дѣйствiя тѣмъ, что президентъ магистрата Ширяевъ оказался кумомъ Чмутову, а ратманъ Протопоповъ своякомъ Попонину. Военная комиссiя, наряженная сенатомъ, оправдала Энгельгардта, а на бѣлозерскiй магистратъ наложила значительный денежный штрафъ, «дабы впредь тому подобныхъ неправильныхъ представленiй и излишняго въ настоящихъ дѣлахъ затрудненiя и напрасныхъ проволочекъ чинено имъ не было бъ» ([15]).

Вотъ образчики тѣхъ дѣлъ, посреди которыхъ проходила служба Нижегородскихъ драгунъ, отвлекая ихъ прежде всего отъ строевыхъ занятiй, находившихся въ полнѣйшемъ запущенiи. 1755-й годъ принесъ наконецъ перемѣну въ судьбѣ ихъ. Осенью этого года полкъ переведенъ былъ на литовскую границу для содержанiя форпостовъ, вмѣстѣ съ полками Тобольскимъ и Новотроицкимъ. Но хорошаго ничего не принесла и эта перемѣна, такъ какъ таможенная служба была ничѣмъ не лучше службы сыскной-полицейской: вся разница только въ томъ и состояла, что вмѣсто воровъ и разбойниковъ теперь приходилось ловить контрабандистовъ, да еще мужиковъ, которыхъ много бѣжало въ Польшу отъ помѣщиковъ. Вся пограничная линiя, тянувшаяся на 1300 верстъ, заключала въ себѣ 460 форпостовъ, изъ числа которыхъ 109 приходилось на одинъ районъ Нижегородскаго полка. Для занятiя этихъ постовъ, силою отъ двухъ до тридцати шести человѣкъ каждый, наряжено было отъ полка 15 офицеровъ и 556 конныхъ драгунъ; но въ этотъ расчетъ не входила гренадерская рота, которая въ полномъ составѣ стояла близъ Кривого форпоста на портовой дорогѣ изъ города Опочки въ польское мѣстечко Себежъ; рота эта составляла главный резервъ, и при ней находился самъ полковой командиръ со всѣмъ своимъ штабомъ.

Какъ ни трудна служба нынѣшней пограничной стражи, но въ ней нѣтъ и тѣни чего либо подобнаго тому, что приходилось переносить нашимъ драгунамъ, разбросаннымъ по лѣсамъ и болотамъ и не имѣвшимъ даже укрытія отъ осенней непогоды и зимнихъ морозовъ. Посты пограничной стражи теперь смѣняются, имѣютъ свою очередь; драгунамъ нашимъ чередоваться было не съ кѣмъ,—и, поставленные разъ, они оставались уже на стражѣ безсмѣнно въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Ни постовыхъ казармъ, ни теплаго угла въ сосѣдней деревушкѣ—ничего у нихъ не было; они ютились въ коекакихъ шалашахъ или землянкахъ, построенныхъ ими же самими, а лошади, голодныя и изнуренныя, день и ночь стояли подъ навѣсами, насквозь пробиваемыми дождемъ и снѣгомъ. Одна развозка по постамъ фуража и провіанта составляла уже чисто египетскую работу, и такъ какъ полковой обозъ не всегда успѣвалъ управляться съ тяжелою задачею, то приходилось голодать почасту не только лошадямъ, но и людямъ ([16]). Непрерывная цѣпь, охватившая литовскую границу на всемъ протяженіи Псковской и Смоленской губерній, казалось, должна бы была положить предѣлъ и контрабандѣ, и перебѣжкѣ крестьянъ изъ одной полосы въ другую. Но на дѣлѣ, однако, ничего этого не было: и контрабанда шла своимъ чередомъ, и крестьяне перебѣгали попрежнему. Были, слѣдовательно, такія причины, которыя въ значительной степени ослабляли нашъ надзоръ за границей. И причины эти лежали прежде всего въ самой инструкціи, которая требовала, чтобы люди съ одного поста на другой переводились какъ можно чаще, каждые пять-шесть дней, въ тѣхъ видахъ, чтобы не допустить сближенія и стачекъ солдатъ съ обывателями. Мѣра эта, вредная сама по себѣ, какъ подрывавшая въ основѣ нравственное значеніе долга, приводила къ тому, что люди никогда не успѣвали ознакомиться съ мѣстностью и изучить тайныя тропы, которыя знали всѣ жители. Въ концѣ-концовъ бѣглыхъ набралось за границей такъ много, что русское правительство сочло за лучшее совсѣмъ не заботиться уже о крестьянахъ, а требовать отъ литовскихъ властей выдачи только однихъ бѣглыхъ солдатъ ([17]).

Такъ проходили мѣсяцы. Въ результатѣ тягостная служба драгунъ приносила пользы не много, а между тѣмъ, строевое образованіе ихъ и самая дисциплина падали все ниже и ниже. Внутренней распущенности полка сопутствовало и внѣшнее неустройство, дошедшее до крайнихъ предѣловъ. На тревожной полицейской и пограничной службѣ, драгуны почти не смотрѣли за своими лошадьми, мало обращали вниманія

на оружіе, а еще менѣе на одежду. Все пришло въ негодность, обветшало, требовало капитальнаго ремонта..

А надъ политическимъ горизонтомъ Европы, между тѣмъ, висѣли уже грозныя тучи, готовилась Семилѣтняя война, и русская политика неизбѣжно вела къ участію въ ней и Россіи. Правительству необходимо было подумать о болѣе нормальныхъ порядкахъ въ войскахъ,—и, дѣйствительно, учреждена была особая комиссія, съ спеціальною задачею выяснить причины разстройства нашей кавалеріи и привести ее въ такое состояніе, «чтобы она съ другими европейскими кавалеріями не только сражаться, но и превосходить ихъ могла». Комиссія тщательно разсмотрѣла этотъ вопросъ и постановила слѣдующее:

1) Воспретить командированіе полковъ на внутреннюю полицейскую службу, а тѣ, которые стояли на форпостахъ, снять и замѣнить другими, гарнизонными.

2) Возвысить требованія отъ ремонтной лошади и увеличить стоимость ея до 30 руб., т. е. вдвое противъ прежняго, а отвѣтственность за пріемъ ремонта возложить на всѣхъ штабъ-офицеровъ полка.

3) Совершенно измѣнить систему фуражнаго довольствія. До сихъ поръ фуражъ выдавался только на зимніе мѣсяцы; съ появленіемъ же травы лошадей выпускали табунами на подножный кормъ, «гдѣ заводскія совершенно позабывали выѣздку, а степныя дичали до того, что потомъ уже никогда въ надлежащую смиренность не приходили, пока себя не надорвутъ и черезъ то къ службѣ станутъ негодными». Заготовленіе фуража на зиму производилось притомъ крайне неудобнымъ экономическимъ способомъ, при чемъ половина нижнихъ чиновъ цѣлое лѣто занималась сѣнокошеніемъ, а другая берегла табунъ—и строевыя занятія въ самое удобное время бывали въ забросѣ ([18]). Теперь комиссія опредѣлила суточную дачу въ 2 гарнца овса и 20 фунтовъ сѣна на круглый годъ, за исключеніемъ шести недѣль, опредѣленныхъ для травяного довольствія; всѣ же пріемы хозяйственнаго заготовленія сѣна были запрещены.

4) Уставы введены новые. По ясности и простотѣ они уступали Петровскимъ, но во всякомъ случаѣ имѣли большія преимущества передъ уставами Миниха, введенными въ царствованіе Анны Іоанновны. По крайней мѣрѣ отъ кавалеріи потребовали теперь категорически «добраго употребленія палашей, крѣпкаго смыканія и жестокаго удара черезъ сильную скачку» ([19]). Очевидно, воззрѣнія на кавалерію начинали измѣняться къ

лучшему, и это было добрымъ началомъ въ ряду тѣхъ преобразованій, которыя ожидались отъ императрицы Елизаветы Петровны.

5) Организація полковъ измѣнилась введеніемъ въ составъ ихъ вмѣсто одной двухъ гренадерскихъ ротъ, составившихъ въ строю особые шестые эскадроны. Увеличивая число гренадеръ, комиссія думала доставить тѣмъ русской кавалеріи «великій авантажъ противъ всѣхъ другихъ европейскихъ конницъ», разсчитывая, что съ этимъ оригинальнымъ нововведеніемъ драгуны, помимо сильнаго удара въ конномъ строю холоднымъ оружіемъ, «будутъ готовы на всякіе подвиги того случая, гдѣ надежнѣйшіе люди и большее число скорости гранатъ востребуется» ([20]).

6) Для большей поворотливости и гибкости строя, число рядовъ было уменьшено: въ ротѣ полагалось 23, а въ эскадронѣ, составлявшемся изъ двухъ ротъ, 46 рядовъ; слѣдовательно, при трехъ-шереножномъ построеніи, рота выводила во фронтъ 69, а эскадронъ—138 рядовыхъ.

7) Перемѣна, послѣдовавшая въ вооруженіи драгунъ, заключалась въ томъ, что вмѣсто шпагъ введены были опять палаши, «чтобы оными палашами во время сраженія можно было и колоть, и рубить, ибо въ россійскомъ народѣ извѣстна природная къ рубленію способность»... Эфесы этихъ палашей были снабжены желѣзными рѣшетками для защиты руки, а на верхней части клинка выбивался гравированный вензель Елизаветы, подъ Императорскою короною. Подобные клинки — всегда высокаго достоинства—и теперь еще изрѣдка попадаются въ нашихъ арсеналахъ.

Стремленіе къ реформамъ не могло, конечно, не отразиться и на внѣшней формѣ кавалеріи, хотя въ этой области сдѣлано было не много. Красныя епанчи уже прежде, въ началѣ сороковыхъ годовъ, были замѣнены синими; теперь комиссія сочла возможнымъ разрѣшить драгунамъ выѣзжать во фронтъ въ однихъ лосиновыхъ камзолахъ, которымъ съ этою цѣлью придали маленькій отложной воротникъ и обшлага васильковаго цвѣта. Вообще же, незатѣйливая одежда драгунъ осталась безъ всякихъ измѣненій, и кирасиры, напр., являлись противъ нихъ попрежнему «гораздо украшенными»; если въ драгунскихъ полкахъ и встрѣчалась роскошь, то она сосредоточивалась главнымъ образомъ только на офицерскомъ сѣдельномъ уборѣ, начиная съ вальтрапа, обложеннаго широкимъ золотымъ галуномъ, и кончая шелковыми, перемѣшанными съ золотомъ, кистями, которыя вплетались въ гривы и въ чолки верховыхъ лошадей. У штабъ-

офицеровъ даже уздечки были шелковыя, синія, съ золотыми полосками. Къ оригинальнымъ нововведеніямъ того времени, надо отнести обязательное ношеніе усовъ, которые драгуны зачесывали вверхъ, а гренадерскія роты распускали вдоль щекъ ([21]); съ этими навощенными, встопорченными и вычерненными сажей усами, лица мѣнялись до неузнаваемости и принимали не только суровое, но даже свирѣпое выраженіе. Еще оригинальнѣе было постановленіе, которымъ узаконялось, такъ сказать, универсальное значеніе въ солдатскомъ быту обыкновенной кавалерійской торбы: въ ней давали лошадямъ овесъ, она же служила въ походѣ мѣшкомъ, въ которомъ возились солдатскія вещи, и она же превращалась на квартирахъ въ головной колпакъ, который велѣно было драгунамъ носить для сбереженія шляпъ ([22]).

Но всѣ измѣненія и во внѣшнемъ видѣ и во внутреннемъ укладѣ, конечно, были не въ силахъ измѣнить характера и свойствъ кавалеріи, привитыхъ ей годами неурядицы и ложнаго направленія. Результаты даже и болѣе глубокихъ реформъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, могли обнаружиться только впослѣдствіи, — а время между тѣмъ не ждало. 28 августа 1756 года походъ въ Пруссію былъ объявленъ, и полки, назначенные въ составъ дѣйствующей арміи, двинулись на сборные пункты. Нижегородскій полкъ поступилъ въ 3 (кавалерійскій) корпусъ генерала Ливена ([23]), собиравшійся въ Псковской провинціи, и по смѣнѣ съ форпостовъ долженъ былъ прибыть въ Опочку, гдѣ ему предстояло перемѣнить свой конскій составъ, переранжировать людей перевооружиться, изучить новый уставъ и насколько возможно обмундироваться. Ливенъ, встрѣчая полки, приходившіе въ его корпусъ, доносилъ главнокомандующему Апраксину о полномъ разстройствѣ ихъ и указывалъ особенно на полки: Каргопольскій, Рижскій, Тверской и Ингерманландскій. Отзыва объ остальныхъ полкахъ до насъ не дошло, но надо полагать, что и они были не въ лучшемъ видѣ; по крайней мѣрѣ Апраксинъ, готовясь къ открытію военныхъ дѣйствій, приказалъ Ливену выбрать изъ всѣхъ полковъ его корпуса «что есть лучшаго и сформировать изъ нихъ кое-какіе эскадроны», а остальныхъ отправить въ Смоленскъ, гдѣ они должны были дождаться молодыхъ лошадей изъ Россіи, подъѣздить ихъ, подучить рекрутовъ и лишь затѣмъ присоединиться къ арміи, уже на походѣ ([24]).

Когда Нижегородскій полкъ, смѣненный съ форпостовъ, только позднею осенью прибылъ въ Опочку,—времени до похода уже оставалось немного.

Между тѣмъ наступилъ холодный и ненастный ноябрь: производить ученья въ полѣ цѣлымъ полкомъ сдѣлалось невозможнымъ, и новый уставъ въ своемъ практическомъ примѣненіи встрѣтилъ такъ много препятствій, что съ разрѣшенія главнокомандующаго введеніе его отложено до слѣдующаго года. Такимъ образомъ, послѣдніе дни передъ войною Нижегородцы употребили только на приведеніе въ порядокъ обмундированія да кое-какихъ отраслей хозяйственной части, и ничего не успѣли пріобрѣсти для улучшенія своихъ боевыхъ качествъ. Не много выиграли и тѣ, которые отправлены были въ Смоленскъ. Молодыя лошади, приведенныя къ нимъ изъ Россіи только ранней весною, въ самое неблагопріятное время, были такъ изнурены, что поправиться и быть годными къ дѣлу могли лишь послѣ продолжительнаго отдыха. А отдыхать было некогда — въ февралѣ мѣсяцѣ 1757 года армія Апраксина уже двигалась къ границамъ Пруссіи. Очевидно, что въ первое время Семилѣтней войны русской конницѣ,—и въ частности нашему Нижегородскому полку, видной роли предстоять не могло.

VIII.

Семилѣтняя война.

(1757—1762 г.).

Въ Пруссіи.—Нижегородцы на Егерсдорфскомъ полѣ. — Переформированіе на литовской границѣ.—Вновь въ Пруссіи.—Дѣло при Пассъ-Кругѣ. — Въ тылу арміи въ 1759 году.—Эскадронъ Нижегородцевъ при Пальцыгѣ и Кунерсдорфѣ.—Кампанія 1760 года.— Въ Силезіи въ 1761 году. — Дѣло при Гостынѣ. — Подъ Кольбергомъ.—Императоръ Петръ III. — Нижегородцы — кирасиры. — Походъ противъ недавнихъ союзниковъ. — Императрица Екатерина II.—Возвращеніе на родину.

И мы ходили-то, солдаты, по колѣнъ въ крови;
И мы плавали, солдаты, на плотахъ-тѣлахъ;
И ручьемъ кровь да туды-сюды разливается;
И наше храброе сердце да разгорается.
Тутъ одна рука не може — другая пали,
Тутъ одна нога упала — другая стой.

И раззудилося плечо, да расходилося,
И бурлацкое сердце вѣдь не устерпчиво,
И гдѣ пулей не ймемъ, тамъ грудью беремъ,
А гдѣ грудь не бере — душу Богу отдаемъ (1).

Такъ говоритъ старинная солдатская пѣсня, отразившая собой впечатлѣнія, которыя вынесли русскія войска изъ кровавыхъ битвъ и тяжелыхъ походовъ Семилѣтней войны.

Въ концѣ 1756 года по Европѣ разнеслась вѣсть о побѣдахъ Фридриха Великаго въ Саксоніи и побудила петербургскій кабинетъ, опасавшійся вторженія пруссаковъ даже въ Курляндію, ускорить открытіе военныхъ дѣйствій. Русская конница, не закончившая еще переформированія, не обученная новому уставу, получила приказаніе выступить къ границамъ. Въ половинѣ февраля 1757 года, корпусъ Ливена уже двинулся изъ Псковской провинціи и четырьмя колоннами перешелъ Литовскій рубежъ. Нижегородскій и Тобольскій полки, каждый въ трехъ-эскадронномъ составѣ (2), съ четырьмя конными орудіями, шли подъ командой генералъ-маіора Загряжскаго на Полоцкъ и Вильно. Въ Ошмянахъ вся кавалерія Ливена соединилась и 29 апрѣля заняла Ковно (3), куда собиралась вся русская армія. 4-го іюня пріѣхалъ туда фельдмаршалъ Апраксинъ, осмотрѣлъ кавалерію, прибывшую съ Днѣпра, и могъ теперь лично убѣдиться въ полномъ разстройствѣ даже ея выборныхъ эскадроновъ. Поправить, однако, ничего было нельзя, не было времени,—приходилось довольствоваться тѣмъ, что есть, въ ожиданіи резервовъ, которые уже шли изъ Смоленска. Но надежды на резервы тоже не оправдались. Эскадроны прибыли на лошадяхъ не выѣзженныхъ, не приготовленныхъ къ службѣ, и до того изнуренныхъ форсированными маршами, что Апраксинъ нашелъ возможнымъ употреблять ихъ только на аванпосты; въ бою же прибывшимъ эскадронамъ приказано было дѣйствовать пѣшими,—«ибо», доносилъ Апраксинъ, «люди въ тѣхъ эскадронахъ весьма хороши, и есть между ними много старыхъ солдатъ, однакоже, что бы отъ безсилія лошадей какая либо конфузія послѣдовать не могла бы» (4).

21-го іюля Апраксинъ перешелъ границу близъ Вержболова и двинулся къ Кёнигсбергу. Вся конница, подъ начальствомъ генерала Ливена высланная впередъ, закрывала наше движеніе. Такъ дошли до Инстербурга, откуда прусскія войска отступили на крѣпкую позицію къ Велау.

Собственно говоря, той побѣдоносной прусской арміи, вдохновляемой

геніемъ Фридриха Великаго, которой удивлялась Европа, противъ насъ не было. Всѣ лучшія силы свои король направилъ на австрійцевъ, а защита Пруссіи была ввѣрена старому фельдмаршалу Левальду, у котораго подъ ружьемъ не было и 25 тысячъ. Король былъ увѣренъ однако, что и этихъ силъ слишкомъ достаточно для отраженія русскихъ. Разговаривая однажды съ фельдмаршаломъ Кейтомъ, онъ выразился, что русскіе—орда дикарей, которая не можетъ сопротивляться прусскому благоустроенному войску. «Ваше величество скоро будете имѣть случай короче узнать ихъ и, можетъ быть, перемѣните мнѣніе», отвѣчалъ фельдмаршалъ (5). И перемѣнить мнѣніе королю пришлось даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Зная, что къ Велау ведутъ тѣсныя, сильно укрѣпленныя ущелья, Апраксинъ перенесъ театръ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ Прегеля, чтобы атаковать непріятеля съ фланга; въ свою очередь Левальдъ, узнавъ о переправѣ Апраксина, выступилъ на встрѣчу ему изъ Велау,—и противники сошлись на пути къ Алленбургу у Гроссъ-Егерсдорфа.

На 19-е августа русская армія ночевала въ Норкитенѣ. Близкое присутствіе непріятеля у насъ предвидѣли, и тѣмъ не менѣе наша кавалерія даже наканунѣ битвы не дала себѣ труда разслѣдовать ни лѣсистой мѣстности, лежавшей впереди лагеря, ни того, гдѣ находились и что дѣлали пруссаки (6). Утро 19 августа было туманное. Наша армія начинала выступать съ ночлега,—а къ ней на встрѣчу шли уже и прусскія войска. Казаки, стоявшіе на форпостахъ, замѣтили появленіе непріятеля такъ поздно, что прежде чѣмъ у насъ успѣли приготовиться къ бою, 2-я дивизія Лопухина, выдвинувшаяся впередъ, была уже разбита и отброшена въ лѣсъ, куда вслѣдъ за нею ворвались и пруссаки. Русской арміи, захваченной врасплохъ, обремененной громадными обозами, грозила опасность быть прорванной и уничтоженной по частямъ. Къ счастію резервы успѣли задержать непріятеля. Тѣмъ временемъ къ мѣсту боя подоспѣла дивизія генерала Фермора, а правѣе ея стали выстраиваться полки 3-й дивизіи Броуна; послѣдніе образовали правое крыло, прикрытое сильною батареей, по сторонамъ которой развернулась русская конница: справа—полки: Чугуевскій казачій, два гусарскіе, Сербскій и Венгерскій, и три эскадрона Нижегородцевъ; слѣва—кирасирскіе полки: 3-й и Его Высочества и два конно-гренадерскіе: С.-Петербургскій и Рижскій. Но пѣхота Броуна еще не успѣла построиться въ боевой порядокъ, какъ

35 эскадроновъ прусской кавалеріи ринулись на нее въ атаку. Генералъ Шарломеръ, съ тремя драгунскими полками, и Малаховскій, съ черными и желтыми гусарами, во мгновеніе ока смяли слабѣйшую числомъ и хуже организованную русскую конницу. Еще Нижегородцы, чугуевцы и гусары, во-время поддержанные пѣхотой, успѣли удержаться на мѣстѣ; но кирасиры и конно-гренадеры были обращены въ полное бѣгство, и прусскіе драгуны Финкенштейна гнали ихъ до самаго Норкитена. Пораженіе, понесенное нашей конницей, было такъ сильно, что она уже не могла оправиться, и Гроссъ-Егерсдорфское сраженіе было выиграно исключительно русскою пѣхотою. Такъ сказались на полѣ битвы реформы, введенныя Минихомъ въ русской кавалеріи (7).

Гроссъ-Егерсдорфскимъ сраженіемъ окончилась кампанія 1757 года. Апраксинъ, какъ извѣстно, не только не преслѣдовалъ разбитаго противника, но самъ отступилъ къ Тильзиту и расположилъ войска на зимовыя квартиры. Вся кавалерія, за исключеніемъ кирасиръ, отведена была на литовскую границу въ Столбцы, гдѣ ей предстояла полная переформировка. Генералу Румянцеву поручено было осмотрѣть полки, выбрать въ каждомъ по три эскадрона на лучшихъ лошадяхъ, а остальныхъ отправить въ Псковскую провинцію, гдѣ они должны были заняться выѣздкою молодыхъ ремонтовъ и обученіемъ рекрутъ. Это обстоятельство, не лишнее замѣтить, и послужило началомъ къ образованію въ русскихъ войскахъ резервныхъ эскадроновъ.

Пріѣхавъ въ Столбцы 8 марта 1758 года, Румянцевъ нашелъ кавалерію въ такомъ изнуренномъ видѣ, что нечего было и думать о выборѣ изъ нея нужнаго числа лошадей. Онъ поспѣшилъ притянуть въ Столбцы маршевыя кавалерійскія части, слѣдовавшія изъ Украйны въ дѣйствующую армію, и только съ ихъ помощью удалось ему, наконецъ, сформировать въ каждомъ полку по три 46-ти рядные эскадрона. Вновь составленные такимъ образомъ полки, каждый въ числѣ 414 всадниковъ, переведены были въ м. Шадово (Шкуды), а остальные отосланы въ Псковскую провинцію. Съ ними отправлены были и всѣ полковыя знамена; офицеры раздѣлены поровну. Но дворянъ, служившихъ въ полкахъ нижними чинами, переводить въ резервы было запрещено; тѣхъ же, которые остались лишними послѣ переформированія, приказано перевести въ пѣхоту,—«понеже довольно извѣстно», писалъ Ферморъ Румянцеву, «что въ кавалерійскихъ полкахъ не только въ унтеръ-офицерахъ и капралахъ, но

даже въ рядовыхъ, дворянъ, знающихъ грамоту, довольно находится, а, напротивъ того, въ пѣхотныхъ полкахъ ихъ такъ мало, что не точію въ офицеры, но и въ унтеръ-офицеры производить некого»... Интересный фактъ для характеристики состава офицеровъ въ тогдашней русской арміи (8).

Всѣ эти перипетіи, разумѣется, пережилъ тогда и нашъ Нижегородскій полкъ, расположившійся въ Шкудахъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ, 53 года назадъ, старое поколѣніе Нижегородцевъ, предводимое Шомбургомъ, ознаменовало себя блестящею побѣдою надъ поляками Сапѣги.

Военныя дѣйствія шли между тѣмъ своимъ чередомъ. Пока наша конница переформировывалась на далекой литовской границѣ, главная армія, подъ предводительствомъ новаго главнокомандующаго, графа Фермора, завоевала уже Восточную Пруссію и начала наступленіе къ Одеру. Въ іюнѣ мѣсяцѣ выступили изъ Шадова для присоединенія къ главнымъ силамъ и трехъ-эскадронные драгунскіе и конно-гренадерскіе полки. Они прибыли въ Познань въ то время, когда русская армія переходила съ Померанскаго театра военныхъ дѣйствій на Познанскій и была уже на маршѣ. Въ Помераніи оставалась только конница Румянцева. Прикрывая армію и демонстрируя къ Нижнему Одеру, она должна была захватить въ свои руки переправу черезъ рѣчку Нетце, около города Дризена, чтобы имѣть постоянныя сношенія съ главными силами. Городъ этотъ, хорошо укрѣпленный, занятъ былъ прусскимъ гарнизономъ, и посланный туда летучій отрядъ генерала Демику долженъ былъ отойти отъ него безъ успѣха. Румянцевъ послалъ отрядъ туда вторично, а между тѣмъ просилъ главнокомандующаго выслать къ нему, какъ можно скорѣе, драгунскіе и конно-гренадерскіе полки, прибывшіе изъ Столбцовъ. Они явились изъ Познани, подъ командой генерала Еропкина, какъ разъ въ то время, когда Демику вторично отступалъ отъ Дризена. Тогда Румянцевъ отнялъ у Демику отрядъ и приказалъ Еропкину съ его полками взять Дризенъ во что бы то ни стало. Съ Еропкинымъ пошелъ и нашъ Нижегородскій полкъ, находившійся въ то время подъ командой полковника Фонъ-Дертена (9).

На пути Еропкинъ получилъ извѣстіе, что городъ уже покинутъ непріятелемъ, и для преслѣдованія его отправилъ всю легкую конницу. Гусары Депрерадовича и казаки Краснощекова—извѣстнаго героя, воспѣтаго народными пѣснями—настигли уходившій гарнизонъ у Фридберга и

задержали его; на помощь къ нимъ скоро подошли драгуны и конно-гренадеры съ орудіемъ, и пруссаки были совершенно разбиты.

Справедливость требуетъ сказать однако, что вся честь этого боя принадлежала одной легкой конницѣ. Описывая его, графъ Ферморъ говоритъ, что «наши гусары и казаки оказали при этомъ случаѣ удивительную храбрость, ибо они одни съ непріятелемъ дѣло имѣли, а конные гренадеры и драгуны были только смотрителями» (10).

Конница наша послѣ своего переформированія, конечно, не сразу пріобрѣла тѣ боевыя качества, которыя были нужны ей, чтобы соперничать съ прусскою кавалеріею, первою тогда въ Европѣ. У нея все еще недоставало той стремительности и той иниціативы, которыя въ кавалерійскомъ дѣлѣ составляютъ уже половину побѣды; первый опытъ и не замедлилъ обнаружить это на дѣлѣ. Но съ другой стороны время, проведенное въ школѣ Румянцева, можетъ считаться началомъ возрожденія русской кавалеріи, являющейся къ концу кампаніи далеко уже не той, какою видѣли ее при Гроссъ-Егерсдорфѣ. Прошелъ еще годъ—и она съумѣла окончательно развить въ себѣ тѣ боевые пріемы и качества, которыхъ ей недоставало, и которые дали ей перевѣсъ даже надъ знаменитою прусскою конницею.

Для удержанія за нами Дризена, представлявшаго собою важный стратегическій пунктъ, сформированъ былъ особый гарнизонъ, а кавалерійскій отрядъ Еропкина двинулся дальше, чтобы захватить переправу на Вартѣ, около Ландсберга. Высланный впередъ, въ партіи полковника Стоянова, Нижегородскій полкъ нашелъ Ландсбергъ занятымъ двумя батальонами прусской пѣхоты и двумя кавалерійскими полками. Произошла довольно жаркая стычка (11), послѣ которой пруссаки отступили къ Кюстрину; Ландсбергъ былъ занятъ.

Какъ разъ къ этому городу направлялась въ то время и наша главная армія, вынужденная обстоятельствами перенести театръ военныхъ дѣйствій опять въ Померанію. Пепеправляясь на правый берегъ Варты, главнокомандующій поставилъ себѣ цѣлью, прежде чѣмъ продолжать наступленіе на Франкфуртъ, овладѣть переправами на Одерѣ у Кюстрина и Швента. Румянцевъ, къ которому опять присоединился конный отрядъ Еропкина, овладѣлъ Швентомъ безъ затрудненій; но главная армія встрѣтила подъ Кюстринымъ упорное сопротивленіе и вынуждена была приступить къ бомбардированію.

Вторженіе русскихъ въ Бранденбургъ заставило Фридриха Великаго, дѣйствовавшаго тогда въ Австріи, спѣшить на защиту своихъ коренныхъ владѣній. Поспѣшно навели пруссаки мостъ у Гюстенбиза, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Кюстрина, перешли черезъ Одеръ и быстрымъ движеніемъ отрѣзали отъ Ферзена корпусъ Румянцева, стоявшій все у Швента. Ферморъ вынужденъ былъ принять генеральную битву. Она произошла 14 августа у Цорндорфа и по своей кровопролитности занимаетъ первое мѣсто изъ всѣхъ битвъ Семилѣтней войны. Русская армія не была разбита — она ночевала на самомъ полѣ сраженія и отступила только поутру; но потери ея были огромны: 20 тысячъ человѣкъ выбыло изъ фронта, да непріятель захватилъ около ста пушекъ и 30 знаменъ.

Извѣстіе объ опасномъ положеніи Фермора Румянцевъ получилъ только въ самый день битвы. Онъ тотчасъ двинулся на соединеніе съ нимъ, а между тѣмъ приказалъ бригадиру Бергу съ 12-ю эскадронами конницы, въ числѣ которой былъ и нашъ Нижегородскій полкъ, истребить мостъ у Гюстенбизе, что могло поставить прусскаго короля, въ случаѣ его пораженія при Цорндорфѣ, въ весьма опасное положеніе. Бергъ въ тотъ же день атаковалъ спѣшенными драгунами предмостное укрѣпленіе и выбилъ изъ него непріятеля; но мостъ истребить не успѣлъ, такъ какъ получилъ новое приказаніе идти какъ можно скорѣе къ полю цорндорфской битвы. Впрочемъ теперь, когда Фридрихъ разбитъ не былъ, въ уничтоженіи моста и не предстояло особенной надобности. Никакихъ подробностей о дѣлѣ при Гюстенбизе не сохранилось; извѣстно только, что въ числѣ раненыхъ находился старшій штабъ-офицеръ Нижегородскаго полка премьеръ-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ ([12]).

Оборонительное положеніе, въ которомъ русская армія держалась нѣкоторое время послѣ Цорндорфской битвы, должно было окончиться съ приближеніемъ суровой осени. Фермору предстояла крайняя необходимость завоевать русскимъ войскамъ зимовыя квартиры въ Помераніи. Рѣшено было занять Старгардтъ и овладѣть приморскою крѣпостью Кольбергомъ, а чтобы задержать наступленіе прусскаго корпуса Дона, наблюдавшаго изъ Кюстрина за Ферзеномъ, вся русская конница, подъ начальствомъ графа Румянцева, заняла у Пассъ-Круга укрѣпленную позицію, на пути отъ Кюстрина къ Старгардту. Оборону этой позиціи, прикрытой съ фронта болотистою рѣчкой Плоэнъ, Румянцевъ поручилъ

спѣшеннымъ драгунамъ, которые 22 сентября съ успѣхомъ и отразили нападеніе прусской пѣхоты, «давъ», какъ говоритъ историкъ Масловскій, «рѣдкій образчикъ работы конницы драгунскаго типа на укрѣпленной позиціи» ([13]).

Осада Кольберга пошла неудачно, и Ферморъ, отказавшись отъ зимовыхъ квартиръ въ Помераніи, отошелъ съ войсками за Вислу. Вся кавалерія, подъ командой генерала Еропкина, отодвинута была назадъ и расположилась по деревнямъ близъ Растенбурга и Озенбурга. Въ числѣ зимовавшихъ здѣсь былъ и нашъ Нижегородскій полкъ ([14]).

Еще въ то время, когда армія находилась въ Помераніи, главнокомандующій приказалъ немедля пополнить конскій составъ кирасирскихъ полковъ, сильно потерпѣвшихъ въ Цорндорфскомъ сраженіи, насчетъ драгунскихъ и конно-егерскихъ, — и есть свѣдѣніе, что изъ драгунскихъ полковъ Тобольскаго и Архангелогородскаго были отобраны всѣ лучшія, т. е. самыя рослыя, сильныя и красивыя лошади для передачи кирасирамъ ([15]). Коснулась ли эта мѣра нашихъ Нижегородцевъ, неизвѣстно; вѣроятнѣе—да, потому что трехъ-эскадронный полкъ пришелъ на зимовыя квартиры въ составѣ только 11 офицеровъ и 170 конныхъ нижнихъ чиновъ ([16]). Трудно предположить, чтобы такая страшная убыль въ кавалеріи явилась результатомъ кампаніи 1758 года, когда реляціи ничего не говорятъ объ упорныхъ битвахъ ея съ непріятелемъ. Очевидно также, что не могли съ такою силою отразиться на конскомъ составѣ полка и форсированные марши, которые не были сопряжены съ большими лишеніями. Такъ или иначе, но тогда же послѣдовало распоряженіе объ отпускѣ въ Нижегородскій полкъ необходимой суммы для покупки лошадей въ Восточной Пруссіи.

Въ 1759 году, когда открылись приготовленія къ новой кампаніи, Нижегородскій полкъ, вмѣстѣ со всѣмъ корпусомъ Румянцева, получилъ назначеніе остаться въ тылу дѣйствующей арміи, для прикрытія Восточной Пруссіи и магазиновъ на Вислѣ. Кампанія началась и прошла безъ его участія. Одному эскадрону Нижегородцевъ случайно довелось, однако, стать дѣятелемъ на кровавыхъ поляхъ Пальцыга и Кунерсдорфа — точно судьба заботилась связать имя Нижегородцевъ съ самыми замѣчательными событіями той эпохи.

Изъ Восточной Пруссіи, гдѣ были учреждены магазины и склады, время отъ времени отправлялись къ главной арміи транспорты, обыкно-

Атака Нижегородскаго эскадрона подъ Пальцыгомъ.

венно съ небольшими прикрытіями. Съ однимъ изъ такихъ транспортовъ, по всей вѣроятности, и пришелъ эскадронъ Нижегородскаго полка, который съ 1 іюля 1759 года начинаетъ уже показываться по вѣдомостямъ въ составѣ главной арміи. Русскія войска, подъ начальствомъ опять новаго главнокомандующаго, графа Салтыкова, шли тогда изъ Познани на Одеръ, гдѣ Салтыковъ предполагалъ соединиться съ австрійцами. Прусскій корпусъ Дона, имѣвшій приказаніе воспрепятствовать этому соединенію, считалъ себя не въ силахъ противостать шестидесятитысячной русской арміи и уклонялся отъ битвы. 3 іюля арьергардъ его, однакоже, былъ настигнутъ и разбитъ конницею Еропкина, въ которой находился и Нижегородскій эскадронъ ([17]). Недовольный нерѣшительностію Дона, Фридрихъ прислалъ на его мѣсто генерала Веделя съ категорическимъ приказаніемъ—атаковать русскія войска, «гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣтилъ». Ведель слишкомъ буквально понялъ повелѣніе своего короля,—и послѣдствіемъ этого было одно изъ важнѣйшихъ сраженій въ Семилѣтнюю войну ([18]).

Встрѣча противниковъ произошла 12 іюля, у Пальцыга, недалеко отъ Одера, на Бранденбургскихъ границахъ. Найдя русскую армію въ боевомъ порядкѣ, Ведель двинулъ свои войска черезъ длинные гребни и атаковалъ правое крыло Салтыкова. Пруссаки входили въ бой по частямъ, и по частямъ были опрокидываемы. Уже двѣ атаки выдержала наша пѣхота, когда на полѣ битвы появились запоздалые прусскіе кирасиры Ваперснова. Сверкающая сталью при косыхъ лучахъ уже заходившаго солнца, длинная линія ихъ эскадроновъ быстро развернула фронтъ и бросилась въ атаку, съ тѣмъ чтобы внести смятеніе въ ряды противниковъ и проложить дорогу идущей за нею пѣхотѣ. Два русскіе пѣхотные полка, Сибирскій и Пермскій, попавшіе подъ этотъ страшный ударъ, были разорваны и смяты; опасность грозила уже всему нашему правому флангу. Но тутъ дальнѣйшимъ успѣхамъ непріятеля положила предѣлъ русская кавалерія.

Расположенные въ центрѣ между двумя боевыми линіями нашей пѣхоты, Казанскій кирасирскій полкъ и эскадронъ Нижегородскихъ драгунъ первые ринулись на прусскихъ кирасировъ. Они врѣзались въ нихъ съ фланга. Тѣмъ временемъ на помощь подоспѣли еще кирасирскіе полки: Его Высочества, Кіевскій и Новотроицкій. Началась упорная рукопашная сѣча. По словамъ самого Салтыкова, «не было здѣсь ни единаго пистолетнаго выстрѣла»—лишь сверкали палаши и шпаги. Тотъ, кому при-

надлежала иниціатива этой лихой кавалерійской атаки, генералъ Демику, былъ убитъ; но смерть героя, видѣвшаго атаки Зейдлица при Цорндорфѣ и съумѣвшаго развить и въ своихъ полкахъ порывъ къ единоборству съ этою образцовою конницей,—была съ избыткомъ искуплена русскою кавалеріею, воспитанною Румянцевымъ. На плечахъ опрокинутыхъ прусскихъ кирасиръ врубилась она въ передовые батальоны непріятеля, мгновенно смяла ихъ и обратила въ бѣгство. Генералъ Ваперсновъ, пытавшійся остановить бѣгущихъ, былъ убитъ; паника сообщилась всему корпусу Веделя, который въ величайшемъ безпорядкѣ и отступилъ къ Цюллихау ([19]).

Послѣ пальцыгскаго боя, внесшаго въ лѣтопись русской кавалеріи одну изъ славнѣйшихъ страницъ, имя Нижегородскаго эскадрона исчезаетъ изъ реляцій и даже вѣдомостей дѣйствующей арміи. Тѣмъ не менѣе существуютъ неопровержимыя доказательства, что Нижегородскій эскадронъ находился на театрѣ войны до самаго конца кампаніи, прикомандированный, какъ можно предполагать, къ одному изъ конно-гренадерскихъ полковъ. Онъ несомнѣнно былъ при занятіи Кроссена, Франкфурта и въ генеральномъ сраженіи 1-го августа при Кунерсдорфѣ ([20]).

Въ чемъ состояло участіе нашего Нижегородскаго эскадрона въ знаменитой кунерсдорфской побѣдѣ, никакихъ свѣдѣній нѣтъ; но что оно было дѣятельное, яснымъ свидѣтельствомъ служатъ медали, пожалованныя его офицерамъ и нижнимъ чинамъ за Кунерсдорфское сраженіе ([21]). На лицевой сторонѣ этихъ медалей—золотыхъ для офицеровъ и серебряныхъ для нижнихъ чиновъ — выбито изображеніе Государыни въ коронѣ, а на оборотѣ—воинъ съ копьемъ въ одной и съ русскимъ штандартомъ въ другой рукѣ, идущій по полю сраженія, усѣянному оружіемъ побѣжденныхъ враговъ; одною ногою онъ попираетъ опрокинутый сосудъ, представляющій аллегорически рѣку Одеръ; вдали виднѣется Франкфуртъ; вокругъ надпись: «Побѣдителю надъ Пруссаками 1-го августа 1759 года» ([22]).

Какъ ни мало могъ вліять одинъ эскадронъ на судьбы великой битвы, но по одному уже участію его въ ней, Кунерсдорфъ долженъ занять видныя и свѣтлыя страницы въ лѣтописи Нижегородскаго полка. Это было одно изъ тѣхъ сраженій, въ которыхъ русская доблесть проявилась во всемъ своемъ блескѣ. Разбитая на голову, потерявъ 28 знаменъ и 172 пушки, прусская армія бѣжала съ поля битвы безпорядочною

толпою, въ которой все перемѣшалось—пѣхота, конница и артиллерія. Не такъ велика была у пруссаковъ потеря убитыми и ранеными — она едва достигала до 10 тысячъ, тогда какъ русскіе потеряли при Цорндорфѣ до 20 тысячъ, и остались на мѣстѣ,—но велика была паника, овладѣвшая прусскими войсками до забвенія священнѣйшаго долга солдата—сохранить свое знамя. Самъ король всего лучше выразилъ жалкое состояніе своей разбитой арміи. «Отъ арміи въ 48 тысячъ», писалъ онъ графу Финкенштейну, «у меня въ эту минуту не осталось и трехъ. Все бѣжитъ, и у меня нѣтъ больше власти надъ войскомъ. Въ Берлинѣ хорошо сдѣлаютъ, если подумаютъ о своей безопасности»... ([23]).

На кровавыхъ поляхъ Кунерсдорфа, гдѣ Нижегородцы въ первый разъ видѣли передъ собою конницу Зейдлица, завершилась въ сущности вся кампанія 1759 года. Нижегородскій эскадронъ вернулся къ своему полку за Вислу. Тамъ его встрѣтилъ уже новый полковой командиръ, полковникъ фонъ-Круль, назначенный въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ Архангелогородскаго драгунскаго полка на мѣсто умершаго фонъ-Дертена ([24]).

Нужно сказать, что въ то время, какъ одинъ эскадронъ Нижегородцевъ находился на главномъ театрѣ войны, остальные два, оставленные, какъ мы видѣли, въ Восточной Пруссіи, прикрывали своими форпостами и сторожевыми разъѣздами правый берегъ Вислы, въ участкѣ около Маріенвердена. Дѣятельность корпуса, къ которому они принадлежали, не простиралась однако далѣе Вислы, а между тѣмъ наши магазины и склады находились даже на Вартѣ и Нетцѣ, лишенные всякой охраны. Послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что Нижегородцы должны были выйти на моментъ изъ своей чисто охранительной роли и выдержать нѣсколько стычекъ съ непріятелемъ уже по ту сторону Вислы, почти на границахъ съ Помераніею. Одинъ изъ магазиновъ, въ Бромбергѣ, подвергся нападенію какого-то прусскаго партизана и былъ уничтоженъ. Изъ Восточной Пруссіи выдвинули тогда къ Вартѣ довольно сильную подвижную колонну, подъ командой генерала Дебриньи, въ составѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ и трехъ сотенъ казаковъ. Она расположилась у Фридланда. И здѣсь-то, въ окрестностяхъ Фридланда, не разъ появляется въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и Нижегородскій полковникъ фонъ-Круль съ своими эскадронами. Приходили ли они съ Вислы, или поступили позднѣе въ отрядъ Дебриньи—свѣдѣній нѣтъ; но на участіе ихъ въ дѣйствіяхъ съ непріятелемъ сохранились въ послужныхъ спи-

скахъ Нижегородскаго полка безусловно ясныя указанія ([25]). Судя по общему ходу дѣлъ, нужно предположить, что это были стычки съ легкими прусскими партіями, приближавшимися къ нашимъ магазинамъ.

Стоянка на зимовыхъ квартирахъ въ этомъ году осталась памятна Нижегородцамъ нѣкоторыми реформами въ кавалеріи, введенными по настоянію главнокомандующаго, графа Салтыкова. Гренадерскія роты и конно-гренадерскіе полки не доставили русской кавалеріи того «авантажа», какого ожидала отъ нихъ Военная Коммиссія,—и дѣйствіе ручными гранатами въ войскахъ было отмѣнено. Конно-гренадерскіе полки удержали только прежнее названіе, но какъ особая часть войскъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ въ бою, навсегда исчезли изъ рядовъ русской арміи. Въ Нижегородскомъ полку гренадерскія роты переименованы въ фузелерныя, а вмѣстѣ съ названіемъ утратили и оригинальную принадлежность своего убора—гренадерскую шапку, которую замѣнила обыкновенная треугольная шляпа съ кескетомъ ([26]). Тогда же послѣдовало распоряженіе главнокомандующаго, въ сущности частное, но обнаружившее въ то время громадное вліяніе на боевую силу нашей кавалеріи: — ремонтныя суммы отпущены прямо въ полки, съ разрѣшеніемъ покупать лошадей на самыхъ мѣстахъ квартированія, такъ какъ выяснилось вполнѣ, что изъ Россіи лошади никогда не могли быть доставляемы своевременно ([27]). Благодаря этому, полки безъ затрудненій пріобрѣли прекрасныхъ лошадей, имѣли время хорошо выѣздить ихъ и къ веснѣ могли представиться на смотръ главнокомандующему въ состояніи блестящемъ.

Передъ открытіемъ новой кампаніи, въ началѣ мая 1760 года, четыре драгунскіе полка: Нижегородскій, Тверской, Тобольскій и Архангелогородскій, два конно-гренадерскіе: Нарвскій и Каргопольскій, съ 12-ю конными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Еропкина, собрались съ своихъ зимовыхъ квартиръ на берега Прегеля, а 30-го іюня уже вступили въ Познань. Салтыковъ, встрѣтившій ихъ съ блестящею свитой, произвелъ смотръ и остался чрезвычайно доволенъ. «Полки», писалъ онъ въ своемъ донесеніи, «маршировали въ лагерь мимо главной квартиры, и весь генералитетъ и многіе чужестранцы, находившіеся здѣсь, дивились, что, невзирая на столь многіе чинимые ими марши, какъ люди, такъ и лошади въ такомъ изрядномъ состояніи находились, въ чемъ особливая похвала имъ приписана» ([28]).

Начавшаяся кампанія не представила, однако, случая русской ка-

валеріи выказать вновь пріобрѣтенныя боевыя качества. Какъ извѣстно, со стороны русскихъ не было тогда предпринято никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, и единственнымъ выдающимся событіемъ на театрѣ войны было взятіе Берлина легкими отрядами Тотлебена и Чернышева. Собственно Нижегородскому полку не пришлось во всю кампанію услышать даже боевого выстрѣла, и лишь отдѣльные офицеры его, какъ капитанъ Алексѣй Романусъ, поручикъ Шапошниковъ (29), а можетъ быть и нѣкоторые другіе, перепросившись въ отрядъ Тотлебена, участвовали съ нимъ во взятіи Берлина.

Занятіе столицы Пруссіи произвело, конечно, глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ, но не имѣло почти никакого вліянія на ходъ и успѣхи похода. Къ тому времени Салтыкова смѣнилъ уже графъ Бутурлинъ; но подъ его начальствомъ русскія войска почти въ бездѣйствіи простояли за Одеромъ до глубокой осени и потомъ отошли за Вислу. Позже другихъ возвратились въ Восточную Пруссію Нижегородцы, вмѣстѣ со всѣмъ кавалерійскимъ отрядомъ генерала Еропкина, прикрывавшимъ отступленіе пѣхоты (30). За Вислой они встрѣтили товарищей—тѣ резервные эскадроны, которые находились въ Псковской провинціи, и были вызваны теперь къ Маріенвердену на усиленіе корпуса Мордвинова. Два изъ нихъ, подъ командою капитана Румянцева, прибыли въ Восточную Пруссію изъ Великихъ Лукъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, а послѣдній, капитана Жандра,—осенью. Они явились съ полнымъ числомъ рядовъ, на добрыхъ коняхъ и съ прекраснымъ обмундированіемъ (31).

Прошла зима; начались приготовленія къ кампаніи 1761 года. Нижегородскіе резервные эскадроны попрежнему остались въ Восточной Пруссіи (32), а дѣйствующій полкъ выступилъ въ походъ въ составѣ 3-й дивизіи генералъ-маіора князя Долгорукова (33). Серьезныхъ военныхъ дѣйствій и въ этомъ году, кромѣ осады приморской крѣпости Кольберга, однакоже не случилось. Можно было ожидать ихъ въ Силезіи, куда направлялась русская армія для соединенія съ австрійскимъ корпусомъ Лаудона, но и тамъ все дѣло ограничилось рядомъ безцѣльныхъ маршей. Бутурлинъ видимо избѣгалъ рѣшительныхъ дѣйствій и воспользовался первымъ же благовиднымъ предлогомъ, чтобы совсѣмъ уйти изъ Силезіи.

На этомъ блѣдномъ фонѣ бездѣятельности и безцѣльныхъ передвиженій войскъ, исторія Нижегородскаго полка имѣетъ право выдвинуть на

видный планъ трагическій эпизодъ, съ которымъ связана геройская оборона небольшой команды Нижегородцевъ противъ подавляющаго числомъ непріятеля. Дѣло было такъ. Изъ Восточной Пруссіи шелъ къ арміи одинъ изъ русскихъ транспортовъ, подъ командой бригадира Черепова. Прикрытіе его состояло изъ двухъ батальоновъ съ четырьмя орудіями, да сводной команды драгунъ и конно-гренадеръ, собранной изъ людей различныхъ эскадроновъ, находившихся за Вислою. Сколько именно было тутъ Нижегородцевъ—неизвѣстно; нужно думать, однако, что немало, такъ какъ при нихъ находились три офицера: два капитана и одинъ поручикъ. На 4-е сентября транспортъ ночевалъ въ м. Гостынѣ. Утромъ казаки дали знать ему о появленіи непріятеля. Череповъ, предполагая, что это былъ одинъ изъ прусскихъ партизановъ, построилъ вагенбургъ и приказалъ прикрытію приготовиться къ бою. Скоро выяснилось, между тѣмъ, что предъ нимъ—весь 12-ти-тысячный корпусъ генерала Платена. Тѣмъ не менѣе два приступа, веденные пруссаками «съ запальчивостію», были отбиты. Встрѣтивъ такое упорное сопротивленіе, непріятель выставилъ батарею и сильнымъ пушечнымъ огнемъ зажегъ вагенбургъ. Пламя быстро охватило повозки, и прикрытіе, разстрѣлявшее раньше всѣ свои патроны, очутилось въ положеніи безвыходномъ. Рѣшено было пробиться. Пѣхота бросила пушки, драгуны слѣзли съ лошадей и, примкнувъ къ ружьямъ штыки, присоединились къ пѣхотѣ. Большая часть этихъ отважныхъ людей, подавленная массой, конечно, погибла; меньшая, вмѣстѣ съ бригадиромъ Череповымъ, истощивъ всѣ средства защиты, попала въ плѣнъ; немногимъ удалось, однако, проложить дорогу оружіемъ. Въ числѣ этихъ-то послѣднихъ и значатся Нижегородскаго полка капитаны Мордвиновъ и Неттельгорстъ и поручикъ Скарятинъ, а также два, израненныхъ саблями, рядовыхъ: Иванъ Блюдовъ и Василій Ефимовъ (34).

Къ печальному исходу силезской кампаніи присоединились неудачи подъ Кольбергомъ. Осада затянулась. Пруссаки употребляли энергическія усилія, чтобы заставить русскихъ очистить Померанію, и были острые моменты, когда даже отважнѣйшіе генералы, какъ Еропкинъ, склонялись къ мысли за снятіе осады. Ожидали прибытія Бутурлина съ главными силами; но тотъ не появлялся и выслалъ на помощь къ осаждающимъ только дивизію князя Долгорукова. Съ нею пришелъ и нашъ Нижегородскій полкъ. Скоро, однакоже, онъ былъ отправленъ изъ-подъ Кольберга въ особый отрядъ князя Волконскаго, который съ кирасирами дол-

женъ былъ отрѣзать сообщенія Кольбергу со Штетиномъ и съ береговъ Варты прикрывать границы Познани. Здѣсь Нижегородцы простояли до начала зимы, и ушли на зимовыя квартиры опять за Вислу уже въ декабрѣ, дождавшись паденія Кольберга ([35]).

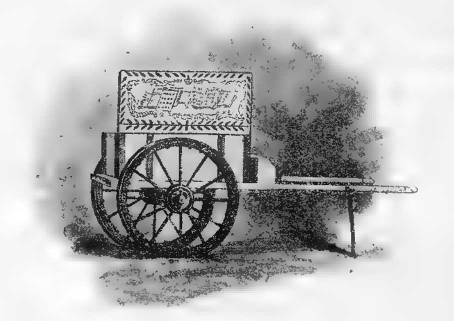
Кампанія 1761 г. была послѣднею въ нашей войнѣ съ пруссаками. Смерть Императрицы Елизаветы Петровны, послѣдовавшая 25 декабря, круто измѣнила направленіе русской политики, и когда, въ январѣ, графъ Румянцевъ и Бутурлинъ, оба потребованы были въ Петербургъ къ Государю,—въ арміи настало время тревожной неопредѣленности и смутныхъ ожиданій. Дочь великаго императора была чтима именно за то, что подъ ея державою подняло голову все русское, приниженное въ предшествовавшее царствованіе. Теперь наступали иныя времена. Ни для кого не было тайной, что, съ восшествіемъ на престолъ императора Петра III, война съ Фридрихомъ Великимъ немедленно должна превратиться въ защиту его отъ нашихъ вчерашнихъ союзниковъ и друзей, а въ сферѣ внутренней военной жизни нужно ожидать совершенной ломки и искорененія всѣхъ русскихъ обычаевъ и привычекъ. Событія не замедлили оправдать эти ожиданія. Полки получили приказаніе именоваться впредь, на нѣмецкій ладъ, по фамиліямъ шефовъ; всѣ конно-гренадерскіе и большая часть драгунскихъ полковъ переименованы въ кирасирскіе; обмундированіе измѣнялось по прусскимъ образцамъ, штаты составлялись новые, уставы вводились прусскіе... 25 апрѣля 1762 года и нашъ Нижегородскій драгунскій полкъ переименованъ «въ кирасирскій генералъ-маіора Николая Шетнева полкъ ([36]).

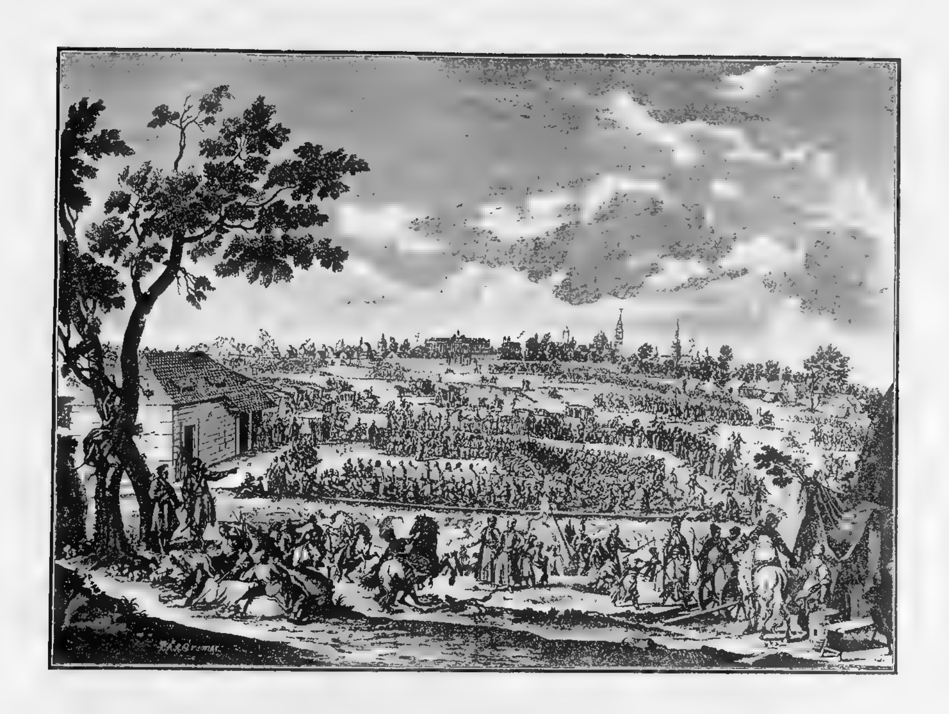
Скоро наступила для русскихъ войскъ перспектива и пролитія крови за разбитаго и униженнаго врага. Вернувшись изъ Петербурга съ званіемъ главнокомандующаго, Румянцевъ дѣятельно готовилъ армію къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Даніи, и кирасирскій Шетнева полкъ, назначенный въ летучій корпусъ генерала Брандта, составленный для цѣлей малой войны, долженъ былъ однимъ изъ первыхъ выступить противъ недавней союзницы ([37]). Въ іюнѣ 1762 года онъ былъ уже на пути отъ Кольберга къ Анкламу, когда вступленіе на престолъ Екатерины Второй положило конецъ войнѣ, и арміи тотчасъ же приказано было вернуться въ Россію. Полкамъ возвращены ихъ прежніе мундиры и старыя названія,— и кирасиры Шетнева снова стали Нижегородскими драгунами ([38]). Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Нижегородскій полкъ былъ кирасир-

скимъ, и, разумѣется, только номинально, — на трудномъ походѣ некогда было думать о новыхъ лошадяхъ, латахъ, палашахъ и кирасирскихъ мундирахъ, хотя все это и было спѣшно заказано.

Въ половинѣ августа 1762 года Нижегородскій полкъ, подъ командою полковника Шатилова, смѣнившаго фонъ-Круля, направлялся въ Смоленскъ для расположенія тамъ по дизлокаціи мирнаго времени ([39]).

Изъ немногихъ сохранившихся данныхъ извѣстно, что, кромѣ премьеръ-маіора Кутузова и рядовыхъ Блюденкова и Ефимова, въ Семилѣтнюю войну изъ Нижегородцевъ ранены были: вахмистръ Иванъ Горбуновъ и рядовой Сергѣй Кокориновъ пулями, вахмистръ Дмитрій Костровъ—пулей и саблею, а рядовой Леонтій Никитинъ получилъ три сабельныя раны: въ ногу, въ руку и въ голову ([40]). Но и этихъ немногихъ именъ достаточно, чтобы засвидѣтельствовать передъ потомствомъ о самоотверженной доблести Нижегородцевъ въ ту суровую войну, когда, по словамъ народной пѣсни, солдаты «плавали на плотахъ-тѣлахъ», и ходили «по колѣнъ въ крови».





IX.

За Польскихъ диссидентовъ.

Четыре года въ Черниговѣ.—Нижегородцы-карабинеры.—Полковникъ Панинъ.—Польскія дѣла.—Приготовленія къ походу.—Поручикъ Шапошниковъ. — Походъ. — Нижегородцы на польскомъ югѣ.—Тревожное состояніе края.—Православная и Протестантская конфедераціи.—Нижегородцы въ Радомѣ.—Сеймикъ въ Опатовѣ.—Въ имѣніяхъ краковскаго епископа.—Стоянка въ Хмѣльникѣ.—Варшавскій чрезвычайный Сеймъ.—Вѣсти изъ Бара.

Царствованіе Екатерины Великой, имѣвшее на развитіе военныхъ силъ Россіи такое могущественное и неотразимое вліяніе, началось миромъ. Послѣ утомительныхъ, дорого стоившихъ походовъ и кровавыхъ сраженій

Семилѣтней войны, въ немъ сильно нуждалось наше отечество, и всѣ заботы императрицы были устремлены на сохраненіе дружбы и согласія какъ съ недавно враждебной Даніей, такъ и съ Пруссіею. Полкамъ, возвращавшимся на родину, предписано было, однакоже, до полнаго примиренія въ Европѣ, расположиться ближе къ границамъ, и Нижегородскій драгунскій полкъ, назначенный по новому росписанію въ составъ Украинской дивизіи генерала Олица, занялъ квартиры въ г. Черниговѣ (1).

Съ наступленіемъ мирнаго времени, тотчасъ же начались въ русскихъ войскахъ реформы, съ особенною силою отразившіяся на кавалеріи. Реформы были, дѣйствительно, необходимы. Но рядомъ съ молодыми, талантливыми военными организаторами, еще сильны были тогда въ Россіи поклонники нѣмецкихъ военныхъ идей, и между ними Минихъ, вновь получившій, въ первые годы царствованія императрицы Екатерины, большое вліяніе на военныя дѣла. То были теоретики и методики, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могла удовлетворить геніальная простота Петра Великаго, умѣвшаго довольствоваться одними драгунами. Длинный опытъ прошлаго какъ будто не существовалъ для нихъ. Казалось бы, онъ ясно говорилъ за то, что драгуны, пригодные для всякаго рода боевой дѣятельности, соотвѣтствуютъ наиболѣе національнымъ особенностямъ и средствамъ Россіи. И тѣмъ не менѣе, при наступившихъ реформахъ этотъ родъ конницы совершенно отодвигается на задній планъ,— преобладающее значеніе получаетъ кавалерія тяжелая. Увлеченіе конницей драгунскаго типа, характеризующее царствованіе Елизаветы, быстро смѣняется увлеченіемъ новымъ — безусловнымъ предпочтеніемъ конницы, никогда не спѣшивающейся, и всѣ конно-гренадерскіе и большая часть драгунскихъ полковъ переименовываются въ карабинерные (2). Такимъ образомъ то, что сдѣлано было Петромъ Третьимъ въ его кратковременное царствованіе и уничтожено однимъ изъ первыхъ указовъ Екатерины, теперь снова возстановляется самою же императрицей, и даже въ большихъ размѣрахъ: почти вся русская регулярная кавалерія превратилась въ тяжелую. Это было стремленіемъ увеличить число полковъ, предназначаемыхъ для сильныхъ сомкнутыхъ атакъ и удара холоднымъ оружіемъ, и новые карабинерные полки были въ сущности тѣ же кирасирскіе, лишь не обремененные латами. Было бы, однакоже, ошибочно думать, что съ тѣмъ вмѣстѣ наступила для русской кавалеріи безповоротная пора атакъ «съ добрымъ употребленіемъ палашей и жестокимъ уда-

ромъ черезъ сильную скачку». И хотя такъ именно говорилось въ новомъ уставѣ, но имъ же предписывалась стрѣльба съ коня и даже построеніе каре, въ качествѣ средствъ, которыми располагала кавалерія для своей обороны (3). Очевидная двойственность эта именно и указываетъ, что уставъ, какъ и всѣ реформы 1763 года, создавались подъ вліяніемъ различныхъ, несогласованныхъ между собою, новыхъ и старыхъ воззрѣній.

Нижегородскій драгунскій полкъ переименованъ былъ въ карабинерный 14 января 1763 года. На внутренній складъ его жизни и даже на внѣшность перемѣна эта, однако, не оказала почти никакого вліянія. Въ немъ остались тѣ же офицеры и тѣ же солдаты. Нижегородецъ-карабинеръ, какъ и Нижегородецъ-драгунъ одѣтъ былъ въ тотъ же синій кафтанъ и красный камзолъ, носилъ ту же шляпу съ кескетомъ, тотъ же палашъ, и только вмѣсто ружья на панталерѣ у него висѣлъ небольшой карабинъ, да конь его, покрытый краснымъ чепракомъ, былъ нѣсколько рослѣе и массивнѣе. Въ деталяхъ къ обмундированію карабинера прибавлено было, впрочемъ, нѣсколько украшеній, обычныхъ для тяжелой кавалеріи: шляпа его была съ галуномъ и кистями, на кафтанѣ красовались аксельбанты, а на лѣвомъ плечѣ эполетъ—у офицеровъ золотой съ примѣсью серебряныхъ нитей, а у нижнихъ чиновъ изъ шерсти—малиновый съ бѣлымъ. Новые карабинерные полки приведены были въ пяти-эскадронный составъ, и вмѣсто знаменъ получили штандарты. Какъ во всей тяжелой кавалеріи, прапорщики стали именоваться корнетами, а капитаны — ротмистрами (4).

Нижегородскій полкъ переформированъ былъ въ Черниговѣ, тотчасъ по возвращеніи изъ похода. Было это уже при новомъ полковомъ командирѣ, полковникѣ Панинѣ, замѣнившемъ Шатилова. Панинъ былъ человѣкъ молодой, съ большими связями, успѣвшій въ Семилѣтнюю войну далеко выдвинуться изъ среды сверстниковъ талантливостью и энергичностью. Перейдя, съ открытіемъ войны, изъ конной гвардіи въ Казанскій кирасирскій полкъ, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Петру Ивановичу Панину, съ которымъ и участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ той знаменательной эпохи. Послѣ Кунерсдорфа, «изъ особливой ревности къ службѣ», какъ говоритъ его формуляръ, онъ перепросился въ передовыя войска, командовалъ легкими партіями, и особенно отличился съ Тотлебеномъ при взятіи Берлина (5). Въ полкъ онъ прибылъ уже съ прочною боевою репутаціею.

16*

Быстро протекли четыре года мирной стоянки полка въ Черниговѣ, какъ вдругъ политическій горизонтъ снова сталъ заволакиваться тучами: въ близкой безпокойной сосѣдкѣ Россіи, старошляхетской Польшѣ, начиналъ получать необыкновенно острый характеръ старинный диссидентскій вопросъ. Еще въ 1764 году, избранный на польскій престолъ Станиславъ Понятовскій далъ Россіи торжественное обѣщаніе — облегчить положеніе диссидентовъ, лишенныхъ въ католической Польшѣ правъ не только общественной службы, но даже исполненія обрядовъ своего вѣроисповѣданія. Но скоро оказалось, что король безсиленъ выполнить это обязательство: фанатическое польское духовенство и своевольная шляхта на первомъ же сеймѣ отвергли всѣ его предложенія, какъ посягательства на религіозныя чувства польскаго народа. Смута и раздоры охватили страну; интриги іезуитовъ и посланія римской куріи еще болѣе обострили и безъ того острое положеніе дѣлъ. Тогда императрица рѣшила поддержать свои законныя требованія вооруженною силою,—и войскамъ, расположеннымъ по-близости къ Польшѣ, приказано было стоять въ полной готовности къ походу.

Получилъ это приказаніе ночью 27 октября 1766 года и Нижегородскій карабинерный полкъ, назначенный къ походу одинъ изъ всей Украинской дивизіи ([6]). Съ приказаніемъ очевидно торопились—его привезъ особый курьеръ; и такъ какъ могъ ожидаться съ часу на часъ приказъ о выступленіи, то Панинъ въ ту же ночь отправилъ поручика Шапошникова осмотрѣть дороги и собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, чтобы въ случаѣ движенія форсированнымъ маршемъ полку не встрѣтилось на пути какой-либо задержки. Шапошниковъ исполнилъ порученіе весьма основательно. Онъ проѣхалъ въ остатокъ ночи около ста верстъ, прямо въ мѣстечко Любочи, гдѣ полкъ долженъ былъ переправляться черезъ Днѣпръ, нашелъ дороги удобными, но переправы на польскую сторону— никакой. Изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей Шапошниковъ узналъ, однако, что верстахъ въ 20, въ большомъ раскольничьемъ селѣ, есть много водяныхъ мельницъ, устроенныхъ на судахъ, и что года три-четыре тому назадъ, когда черезъ мѣстечко ихъ тоже проходилъ какой-то русскій отрядъ, суда эти были собраны и на нихъ, какъ на паромахъ, переправляли тогда по 20—25 лошадей сразу. Шапошниковъ не удовольствовался этими разсказами жителей, а самъ поѣхалъ въ раскольничье село. Тамъ убѣдился онъ, что переправа на судахъ если и возможна, то за-

держитъ полкъ на нѣсколько дней; поэтому онъ перебрался на польскую сторону, разыскалъ подъ мѣстечкомъ Лайовымъ огромный паромъ, на которомъ весь полкъ могъ переправиться менѣе чѣмъ въ сутки, и, переплавивъ его на русскую сторону, сдалъ на храненіе мѣстнымъ жителямъ. Не меньшимъ успѣхомъ увѣнчались заботы Шапошникова и объ устройствѣ полку путевого довольствія. На русской сторонѣ цѣны на все стояли довольно низкія, но въ Польшѣ фуражъ былъ непомѣрно дорогъ,— и Шапошниковъ разыскалъ подрядчика, который взялся доставлять его изъ Польской Украйны за сходныя цѣны. «Впрочемъ», прибавлялъ онъ въ своемъ донесеніи Панину, «если нашему полку придется идти одному, безъ другихъ войскъ, то продовольствіе и безъ подрядчика можно будетъ доставать вездѣ безъ затрудненія» (7).

Къ быстрому и безостановочному слѣдованію полка было, такимъ образомъ, все подготовлено. Но зима проходила—а полкъ все стоялъ въ Черниговѣ. Дѣло въ томъ, что русское правительство, въ заботахъ о мирѣ съ безпокойнымъ сосѣдомъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, рѣшило попытаться уладить диссидентское дѣло иными путями. Русскій полномочный министръ въ Польшѣ, князь Репнинъ, задумалъ противопоставить фанатизму и нетерпимости польскихъ католиковъ конфедерацію изъ самихъ диссидентовъ, и предполагалось начать это важное дѣло съ 9 марта 1767 года. Мысль эта еще болѣе взволновала Польшу. Князья Чарторижскіе, захватившіе въ свои руки всю политическую власть въ странѣ, открыто говорили, что они скорѣе совсѣмъ выгонятъ диссидентовъ изъ Польши, чѣмъ согласятся на уравненіе ихъ правъ съ католиками. Репнинъ отвѣчалъ на это, что «тѣ же государства, которыя теперь просятъ о возстановленіи диссидентскихъ правъ, придутъ съ вооруженною силой и скорѣе перевернутъ всю Польшу, чѣмъ откажутся отъ своихъ требованій» (8). И онъ настоялъ передъ императрицей на необходимости заблаговременно ввести русскія войска въ Польшу, чтобы придать диссидентскому движенію дѣйствительную силу. 24 февраля 1767 года прискакалъ въ Черниговъ новый курьеръ, съ приказомъ немедленно выступить Нижегородскому полку въ Польшу. А черезъ нѣсколько часовъ Нижегородцы были уже на пути къ Днѣпру, оставивъ въ Черниговѣ, для присмотра за своей штабъ-квартирой, только 36 человѣкъ съ поручикомъ Фантяевымъ (9).

Русскія войска вступали въ Польшу тремя корпусами, направившимися на Сандомиръ, Слуцкъ и на Торнъ. Нижегородскій полкъ назна-

ченъ былъ въ корпусъ Сандомирскій, Кречетникова, и соединялся съ нимъ на походѣ.

Силы, которыми располагалъ Кречетниковъ, были не велики: два пѣхотныхъ полка, Троицкій и Бѣлозерскій, карабинерные—Тверской и Нижегородскій, Ахтырскій гусарскій полкъ, да нѣсколько сотенъ казаковъ. Притомъ полки эти были не всѣ въ образцовомъ порядкѣ. Кречетниковъ жаловался, напримѣръ, что Тверской карабинерный полкъ явился только съ половиннымъ числомъ рядовъ, оставивъ большую часть своихъ людей и лошадей на своихъ квартирахъ, подъ предлогомъ обмундированія ([10]). Но нашъ Нижегородскій полкъ на этомъ общемъ фонѣ рѣшительно выдѣлялся своею исправностью. Правда, въ немъ пока не было налицо ни одного штабъ-офицера, за исключеніемъ полкового командира; но это была не вина полка, такъ какъ премьеръ-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ находился въ командировкѣ, а вновь переведенные въ полкъ подполковникъ Сергѣй Леонтьевъ и секундъ-маіоръ графъ Яковъ де-Кастро еще не прибыли, и тотъ же Кречетниковъ, который жаловался по этому поводу, что при отдѣльныхъ командировкахъ посылать ему будетъ некого, писалъ военной коллегіи, что полкъ идетъ въ замѣчательной исправности, съ полнымъ числомъ рядовъ и съ прекраснымъ обозомъ, ни мало не замедлявшемъ его движенія по пескамъ и болотамъ Польши ([11]). Такимъ образомъ, въ предстоящихъ дѣйствіяхъ Нижегородскому полку, какъ болѣе исправному и сильному, необходимо выпадала всюду и болѣе крупная роль.

Съ переходомъ за Бугъ, корпусъ Кречетникова разбивался на малые отряды, чтобы захватить по возможности большій районъ вдоль австрійской границы, и Нижегородскій полкъ получилъ приказаніе слѣдовать отдѣльнымъ эшелономъ прямо за Вислу и занять Сандомиръ. Въ м. Томашовѣ его догналъ генералъ Подгоричанинъ, слѣдовавшій туда же съ Ахтырскими гусарами. Оба полка пошли теперь вмѣстѣ, форсированными маршами, и 17 мая, подъ вечеръ, остановились надъ Вислой. Передъ ними на томъ берегу былъ Сандомиръ. Утромъ переправились на паромахъ и вступили въ городъ парадно, съ музыкой и пѣснями. Три эскадрона Нижегородцевъ съ полковникомъ Панинымъ остались здѣсь на квартирахъ, а два, вмѣстѣ съ гусарами Подгоричанина, прошли въ Сташовъ ([12]).

Войска застали Польшу въ величайшемъ волненіи. Въ то время составлялись конфедераціи — православная въ Слуцкѣ и протестантская — въ Торнѣ; къ нимъ нашли нужнымъ пристать многіе католики, и во мно-

гихъ городахъ и мѣстечкахъ происходили еще частныя подготовительныя собранія ихъ. Но тотъ бы жестоко ошибся, кто принялъ бы конфедератовъ-католиковъ за сторонниковъ Россіи. Это были люди, втайнѣ желавшіе добиться при посредствѣ Россіи только одного—низверженія ненавистнаго имъ короля Станислава, но не допускавшіе и мысли о какихъ-нибудь существенныхъ измѣненіяхъ въ политическомъ строѣ Польской республики. То были отголоски исторически-знаменитыхъ словъ, сказанныхъ умнымъ и гордымъ краковскимъ епископомъ Солтыкомъ въ самый день избранія Понятовскаго: «прекрасно, мы выбрали короля, позаботимся же теперь о его низложеніи!» ([13]).

Населеніе Польши, подъ вліяніемъ духовенства, повсюду сѣявшаго смуту, встрѣтило русскія войска не только недовѣрчиво, но даже прямо враждебно. При приближеніи нижегородскихъ эскадроновъ къ Сташову, жители его бѣжали въ лѣса, увѣренные, что русскіе сожгутъ и разграбятъ мѣстечко, и Подгоричанину стоило не малаго труда вернуть бѣглецовъ и склонить ихъ приняться за обычныя занятія ([14]). Въ другомъ мѣстѣ жители, радушно принявъ вступившихъ къ нимъ 50 казаковъ, изъ корпуса Салтыкова, при первомъ же удобномъ случаѣ напали на нихъ врасплохъ и истребили поголовно.

Репнинъ нашелъ нужнымъ обратиться къ населенію съ суровыми увѣщаніями. Онъ говорилъ, что русскія войска пришли только затѣмъ, чтобы водворить порядокъ и спокойствіе въ краѣ, и что «тѣ, кто оные нарушатъ или дерзнутъ дѣйствовать противъ диссидентовъ, а также лицъ, находящихся подъ покровительствомъ русской императрицы, — будутъ имѣть ихъ противъ себя и испытаютъ силу оружія». Войскамъ же приказано было стоять со всѣми военными предосторожностями, высылать разъѣзды и поддерживать непрерывныя между собою сообщенія ([15]). И они стояли, дѣйствительно, какъ на угольяхъ. Можно было опасаться, что противники Россіи составятъ и съ своей стороны также конфедерацію, а это повело бы къ величайшей безурядицѣ. По вѣковымъ обычаямъ Польши, когда въ ней возникала конфедерація, всѣ власти переставали дѣйствовать, и самъ король, сенатъ, суды—все подчинялось верховной волѣ сконфедерованной шляхты, являлось отвѣтственнымъ только предъ нею; образованіе же двухъ конфедерацій, двухъ противоположныхъ верховныхъ волей, неизбѣжно повело бы Польшу къ страшнымъ междоусобіямъ.

Такимъ образомъ, первѣйшею задачею русскихъ войскъ было въ тотъ моментъ не допустить возникновенія новыхъ конфедерацій, и полковнику Панину предписано зорко слѣдить за всѣми событіями въ Сандомирскомъ краѣ, не позволять народныхъ сходокъ, съѣздовъ помѣщиковъ, собраній шляхты, а въ случаѣ какого-либо движенія тотчасъ же извѣщать сосѣдніе отряды, и съ нападающими на диссидентовъ поступать какъ съ злодѣями ([16]). Тѣ же мѣры приняты были повсюду. «Всѣ углы въ Польшѣ заняты», писалъ Репнинъ въ Петербургъ, «а вокругъ Варшавы учреждены кордоны, такъ что при сближеніи отрядовъ, въ случаѣ надобности, она будетъ окружена совершенно» ([17]).

Наступилъ іюнь мѣсяцъ, а съ нимъ и время, назначенное для соединенія въ Радомѣ всѣхъ конфедератовъ. Репнинъ, опасаясь безпорядковъ со стороны какъ ложныхъ друзей конфедераціи, такъ и открытыхъ враговъ ея, распорядился, чтобы къ Радому придвинуты были войска. Подгоричанинъ отправилъ туда сначала два эскадрона Нижегородцевъ, подъ командою только-что прибывшаго въ полкъ подполковника Леонтьева, а черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ за ними и третій эскадронъ, ротмистра Юрлова, изъ Сандомира ([18]).

Въ Радомѣ Нижегородскимъ эскадронамъ выпала еще болѣе трудная служба. Съѣздъ былъ большой, такъ какъ на ряду съ диссидентами собралось множество католиковъ. И чѣмъ ближе подходило время открытія конфедераціи, тѣмъ больше предосторожностей принимали войска: люди проводили дни въ аммуниціи, а по ночамъ спали по очереди; лошади стояли засѣдланными и половина изъ нихъ была замундштучена. По улицамъ, запруженнымъ народомъ, и вокругъ цѣлаго города ходили кавалерійскіе патрули, а на площадяхъ стояли конные пикеты. Эта военная картина бросалась въ глаза яркимъ пятномъ на пестромъ фонѣ необыкновеннаго многолюдства. Небольшой городокъ Радомъ не въ состояніи былъ вмѣстить огромнаго количества гостей, и по окрестностямъ города, по его садамъ и выгонамъ, раскинулись палатки, образуя цѣлые обширные лагери ([19]).

10-го іюня былъ день, назначенный для избранія маршала конфедераціи. На бурномъ собраніи тотчасъ же сказалась затаенная цѣль коноводовъ-католиковъ—добиться прежде всего низверженія короля. Полковникъ Каръ, находившійся тутъ въ качествѣ представителя русскаго правительства, категорически заявилъ, чтобы католики и не думали объ

этой несбыточной затѣѣ, а занялись бы исключительно разсмотрѣніемъ правъ диссидентовъ. Началось величайшее смятеніе. Каръ вновь обратился къ собранію и сказалъ, что не допуститъ никакихъ измѣненій въ актѣ, составленномъ конфедераціей, и въ случаѣ крайности употребитъ въ дѣло войска. Три эскадрона Нижегородцевъ, Ахтырскій гусарскій полкъ и казаки вышли уже даже на площадь. Тогда собраніе разошлось. Но Каръ оцѣпилъ весь городъ пикетами, и объявилъ, что никого не выпуститъ изъ Радома, пока конфедерація не выберетъ маршала. Поляки должны были подчиниться — и актъ былъ подписанъ. Князь Радзивиллъ объявленъ главою конфедераціи ([20]).

Постановленію радомскаго съѣзда предстояло пройти черезъ чрезвычайный сеймъ, который и былъ назначенъ въ Варшавѣ на 5-е октября. Этому государственному сейму должны были предшествовать частные провинціальные сеймики, и Репнинъ, для предупрежденія новыхъ безпорядковъ, приказалъ Подгоричанину передвинуть Нижегородскіе эскадроны, вмѣстѣ съ Ахтырскимъ полкомъ, въ Опатовъ, гдѣ назначался съѣздъ Сандомирскаго воеводства. Противники диссидентовъ, между тѣмъ, не дремали. Краковскій епископъ Солтыкъ самъ разъѣзжалъ по провинціямъ, призывая на защиту католической вѣры, и успѣлъ создать оппозицію, выразившуюся бурными сценами почти на всѣхъ провинціальныхъ сеймикахъ. Въ Познани буйная шляхта едва не изрубила русскихъ сторонниковъ, и они обязаны были спасеніемъ только графу Апраксину, успѣвшему окружить ихъ своими войсками; въ Каменцѣ, во время засѣданія сейма, поляки были такъ возбуждены, что маршалъ далъ знакъ русскимъ офицерамъ выйти изъ зала, не ручаясь за ихъ безопасность.

Смутное положеніе и неурядицу встрѣтили Нижегородцы и въ Опатовѣ. Вліятельнѣйшіе люди, какъ каштелянъ сандомирскій Солтыкъ, воевода Любельскій и другіе нарочно пріѣзжали въ Опатовъ уговаривать шляхту отказаться отъ сейма, если на немъ будетъ русское войско.

Тѣмъ не менѣе сеймъ состоялся 13 августа. Но онъ сопровождался такими сценами, что Подгоричанинъ писалъ князю Репнину: «здѣсь всѣ отъ большого до малаго смотрятъ на насъ сурово, и дѣла идутъ совсѣмъ не такъ, какъ наши желанія требуютъ». Къ счастію, среди поляковъ нашелся энергическій сторонникъ Россіи, сандомирскій староста графъ Оссолинскій, принявшій на себя, послѣ совѣщанія съ Подгоричанинымъ, званіе маршала сейма. Благодаря его такту и вліянію, раздоры мелкой шляхты

мало по малу утихли, и Опатовскій съѣздъ окончился признаніемъ акта радомской конфедераціи ([21]). Присутствіе войскъ въ Опатовѣ перестало быть необходимымъ, и Нижегородскіе эскадроны присоединились къ своему полку, перешедшему между тѣмъ изъ Сандомира въ Сташовъ ([22]).

Но съ каждымъ подобнымъ успѣхомъ диссидентскаго дѣла возрастали и фанатизмъ католиковъ и ненависть къ русскимъ польской шляхты, а въ Варшавѣ замышлялось даже нѣчто въ родѣ Сицилійской вечерни. «Здѣшняго фанатизма», писалъ Репнинъ, «не могу достаточно изобразить: женщины молебствуютъ ежедневно о спасеніи погибающей вѣры; монахи и ксендзы проповѣдуютъ вооруженное возстаніе. Въ костелахъ съ величайшею торжественностію отправляются литаніи, сопровождаемыя всенароднымъ пѣніемъ: «Свентый Боже» передъ выставленными Дарами. Однимъ словомъ, въ публикѣ господствуетъ такое раздраженіе, что если бы я не зналъ трусливаго характера поляковъ, то каждый часъ ждалъ бы отчаяннаго поступка, и хотя я не ожидаю явной попытки, однакоже можетъ произойти какое-либо потаенное злодѣйство» ([23]).

И Репнинъ принималъ свои мѣры. Варшава была занята войсками, а противъ главныхъ противниковъ диссидентскаго движенія направлены враждебныя дѣйствія, которыя могли образумить и другихъ. Однимъ изъ самыхъ опасныхъ фанатиковъ былъ краковскій епископъ Солтыкъ, почему на его имѣнія, находившіяся въ Сандомирскомъ воеводствѣ, наложена огромная контрибуція. Исполненіе этого дѣла поручено было генералу Подгоричанину; ему приказано торопиться, чтобы извѣстіе о наказаніи Солтыка «за его несказанныя по диссидентскому дѣлу противности» могло получиться въ Варшавѣ ранѣе открытія сейма. Подгоричанинъ выслалъ для этого эскадронъ ахтырскихъ гусаръ и полуэскадронъ Нижегородцевъ, выбранный изъ цѣлаго полка на самыхъ легкихъ и выносливыхъ коняхъ. Летучими отрядами нагрянули они ночью 17 сентября на имѣнія Солтыка и вывезли изъ него не только весь запасъ господскаго хлѣба и фуража на подводахъ самого же епископа, но конфисковали у него всѣхъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ ([24]). Получивъ объ этомъ донесеніе, Репнинъ предписалъ лошадей обратить въ подъемныя, а скотъ распредѣлить на порціи между всѣми полками корпуса Кречетникова ([25]).

Извѣстія обо всемъ этомъ поразили Варшаву, однакоже не имѣли никакого вліянія на рѣшенія чрезвычайнаго сейма, собравшагося, какъ

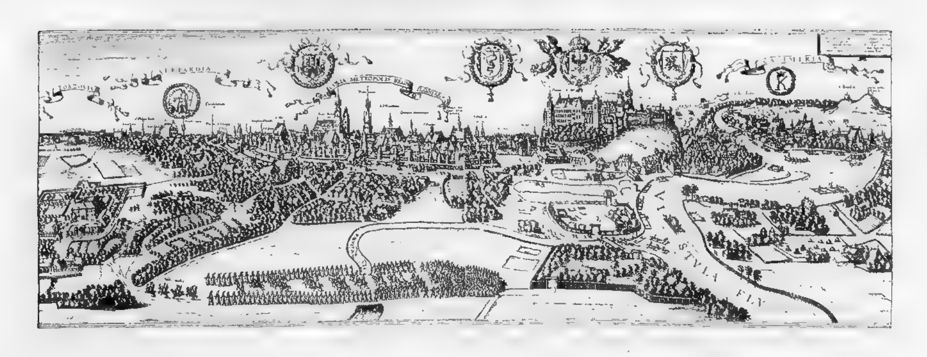
было назначено, 5 октября. Въ первомъ же засѣданіи его стало очевидно, что или актъ диссидентской конфедераціи будетъ совсѣмъ отвергнутъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, сеймъ разойдется безъ всякаго результата. Тогда князь Репнинъ не остановился передъ болѣе суровыми мѣрами. Объявивъ сеймъ распущеннымъ до 1 февраля 1768 года, онъ въ ту же самую ночь арестовалъ и выслалъ въ Россію епископовъ краковскаго и кіевскаго, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, наиболѣе мѣшавшихъ мирному рѣшенію диссидентскаго вопроса ([26]).

Все это тревожное время Нижегородскій полкъ провелъ въ Хмѣльникѣ, передвинутый туда изъ Сташова, чтобы быть ближе къ Варшавѣ. Скучна и неудобна была эта стоянка. Людей размѣстили еще кое-какъ по обывательскимъ избамъ, но лошади, при наступившихъ большихъ холодахъ, должны были стоять подъ открытымъ небомъ. Правильнаго довольствія войскъ тогда не существовало: не было ни запасовъ, ни интендантскихъ складовъ—все было надо покупать на чистыя деньги, а кругомъ Хмѣльника на десятки верстъ стояли деревни или разоренныя до-тла, или же принадлежавшія такимъ вліятельнымъ магнатамъ, которые отъ реквизицій были избавлены, а за деньги ничего не продавали ([27]). Попробовали было Нижегородцы «сами собою» нарубить въ ближайшихъ дачахъ коекакого лѣску, да свезти солому, чтобы построить навѣсы «государевымъ лошадямъ», но дачи оказались королевскими, и Нижегородцамъ приказано было не только остановить работы, но разобрать и то, что было уже сдѣлано ([28]). На справедливыя жалобы Панина, ему приказано было дѣлать закупки по ту сторону Вислы; а такъ какъ за ледоходомъ переправы были уничтожены, то ему приходилось посылать за провіантомъ и фуражемъ «надежнѣйшихъ офицеровъ» за цѣлыя сотни верстъ, въ окрестности Львова и Кракова ([29]).

Январь 1768 года вывелъ наконецъ Нижегородскій полкъ изъ этого томительнаго бездѣйствія. Къ сроку вторичнаго открытія сейма русскія войска около Варшавы предположено было усилить, и генералъ Подгоричанинъ получилъ приказаніе прибыть туда съ Ахтырскими гусарами и тремя эскадронами Нижегородскаго полка. Нижегородцы пошли опять подъ командой подполковника Леонтьева и заняли квартиры подъ самою Варшавою, въ м. Песочномъ; остальные два эскадрона, съ самимъ Панинымъ, остались наблюдать за Сандомирскимъ воеводствомъ, перейдя въ Вислицу.

На этотъ разъ сеймъ прошелъ благополучно. Три мѣсяца, протекшіе со времени бурнаго октябрьскаго засѣданія, угомонили страсти и дали понять невозможность дальнѣйшаго сопротивленія законнымъ требованіямъ русской императрицы. Сеймъ призналъ всѣ права диссидентовъ, и «вѣчный» договоръ въ этомъ смыслѣ подписанъ былъ представителями Россіи и Польши.

Казалось, всѣ цѣли, которыя преслѣдовало русское правительство, теперь были достигнуты. Пребываніе въ Польшѣ русской военной силы становилось излишнимъ. Нижегородскіе эскадроны получили уже приказаніе идти обратно въ Вислицу, откуда весь полкъ долженъ былъ отправиться въ Россію. Но 1 марта, когда они уже сидѣли на коняхъ, вдругъ прискакалъ курьеръ и вручилъ генералу Подгоричанину экстренную депешу ([30]). То была вѣсть о Барской конфедераціи. Вмѣсто возвращенія на родину, Нижегородцамъ предстояли новые труды, тяжелые походы и лишенія бурнаго военнаго времени.



X.

Барская конфедерація.

(1768 г.).

Конфедераціонный актъ въ Барѣ.—Разбойничьи шайки подъ видомъ конфедератовъ.—Отвѣтственный постъ Нижегородцевъ въ Сандомирскомъ воеводствѣ.—Попытка сношеній Кречетникова съ конфедератами.—Нареканія на Нижегородцевъ.—Колбушинскій эпизодъ.—Нижегородцы въ Самборѣ.—Взятіе Бара.—Панинъ съ двумя эскадронами Нижегородцевъ подъ Краковомъ.—Прибытіе отряда Апраксина.—Взятіе Кракова.—Секундъ-маіоръ Новокщеновъ.—Летучій отрядъ Подгоричанина.—Вѣсть о войнѣ съ Турціей.—Возвращеніе въ Луцкъ.

Мѣстечко Баръ, нынѣшней Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, въ 1768 году лежало на самой польско-турецкой границѣ. Оно было тогда недоступнымъ для русскихъ войскъ: чтобы избѣжать всякаго повода къ столкновеніямъ съ Турціей, которая искала предлога для объявленія войны, императрица воспретила русскимъ войскамъ на семь миль подходить къ ея границамъ. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались поляки, чтобы поднять въ Барѣ знамя священной войны въ защиту вѣры, т. е. права притѣснять диссидентовъ, и польской свободы, которой настоящее имя было—анархія.

Едва въ февралѣ 1768 года чрезвычайнымъ сеймомъ въ Варшавѣ

предоставлены были диссидентамъ гражданскія права, какъ нѣкто подкоморій Красинскій, братъ каменецкаго епископа, и извѣстный Іосифъ Пулавскій захватили Баръ, принадлежавшій князьямъ Любомирскимъ, и составили въ немъ конфедераціонный актъ, требовавшій уничтоженія всѣхъ постановленій сейма. По данному сигналу польское духовенство поднялось, какъ одинъ человѣкъ; за нимъ встала шляхта, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ видѣть короля Станислава низложеннымъ; примкнули къ начинавшемуся возстанію и многіе магнаты изъ русской партіи. Въ Баръ стекались со всѣхъ сторонъ буйныя толпы конфедератовъ. Подъ предлогомъ конфедераціи по всей Польшѣ разлились широкимъ потокомъ многочисленныя банды, наполнявшія страну всѣми ужасами террора, и напуганное населеніе не имѣло возможности отличить простыхъ разбойниковъ отъ конфедератовъ. Въ Польшѣ воцарилась страшная анархія: убійства, грабежи, разбои стали такъ часты, что русскимъ, какъ говоритъ одинъ современный полякъ, не нужно было проводниковъ — они могли настигать шайки по тѣламъ повѣшенныхъ. Между тѣмъ польское коронное войско стояло безъ движенія, какъ парализованное. Сенатъ польскій молилъ русскую императрицу оставить въ странѣ уже выступавшія въ Россію русскія войска — и войска остались.

Первенствующимъ театромъ борьбы предстояло быть польскому югу, тамъ, гдѣ находился корпусъ Кречетникова, а съ нимъ и Нижегородцы.

Извѣстія, получаемыя княземъ Репнинымъ въ Варшавѣ, были самаго тревожнаго свойства. Кромѣ конфедераціи въ Барѣ, другая провозглашена была въ Люблинѣ; наконецъ третья собиралась въ Галиціи, съ тѣмъ чтобы перенести свою дѣятельность въ Краковъ — въ этотъ стародавній очагъ всѣхъ революціонныхъ бурь и потрясеній Польши.

Люблинская конфедерація скоро, почти при самомъ ея возникновеніи, была разсѣяна русскими войсками, самый Люблинъ сожженъ,—и подъ его пепломъ погасли и всѣ затѣи конфедератовъ. Но управиться съ барскими и галиційскими конфедератами было не легко: въ случаѣ пораженія они находили для себя открытыми и дружественными границы какъ Турціи, такъ и Венгріи.

Ближе другихъ къ венгерскимъ рубежамъ, въ Вислицѣ, стоялъ полковникъ Панинъ съ двумя Нижегородскими эскадронами; ему и было предписано занять м. Дембичъ ([1]), на самой австрійской границѣ, куда форсированными маршами направлены изъ-подъ Варшавы и три остальные

эскадрона, съ подполковникомъ Леонтьевымъ ([2]). Позади его, во Львовѣ, попрежнему остался Бѣлозерскій полкъ, съ полковникомъ Вейсманомъ ([3]).

Одновременно съ тѣмъ въ Винницу, для наблюденія за Баромъ, высланы всѣ казаки, находившіеся въ Польшѣ, и съ ними три эскадрона Тверского карабинернаго полка; туда же направлялись: Подгоричанинъ съ Ахтырскими гусарами и Троицкій пѣхотный полкъ съ самимъ Кречетниковымъ. Изъ всѣхъ войскъ, находившихся на польскомъ югѣ, свободными оставались только два эскадрона Тверцовъ,—ихъ расположили въ Сандомирѣ, на мѣсто ушедшихъ Нижегородцевъ, чтобы не допустить и здѣсь образованія мятежныхъ конфедерацій ([4]).

Опорнымъ пунктомъ для дѣйствій противъ Бара Кречетниковъ избралъ м. Полонное, на Волыни, гдѣ была земляная крѣпость, небольшая, но достаточная, какъ писалъ онъ, для прикрытія нашихъ магазиновъ, и даже для обороны отряда, въ случаѣ образованія въ землѣ «посполитаго рушенья» ([5]). Положеніе Кречетникова было довольно затруднительное, и онъ справедливо жаловался на недостатокъ войскъ. Репнинъ, однако, отвѣчалъ ему, что не можетъ прибавить ни одного батальона, такъ какъ усиленіе его корпуса можетъ вызвать враждебныя дѣйствія со стороны Оттоманской Порты. Репнинъ, къ тому же, не видѣлъ никакой необходимости усиливать Кречетникова: онъ считалъ барскихъ конфедератовъ противниками слишкомъ ничтожными, чтобы внушить опасенія русскому генералу. «Не вѣрьте даже, чтобы они были многочисленны», писалъ онъ Кречетникову: «отъ обыкновенной и извѣстной склонности поляковъ ко лжи всѣ вещи увеличиваются ими въ десятеро. Разсудите, какимъ образомъ сборищу безпорядочному можно стоять противъ и малаго числа регулярныхъ войскъ, сколько бы оно велико не было» ([6]). Тѣмъ не менѣе къ Кречетникову были придвинуты въ видѣ резерва весь Каргопольскій карабинерный полкъ и батальонъ Сибирскаго пѣхотнаго, но ему вмѣстѣ съ тѣмъ положительно воспрещено требовать къ себѣ Нижегородскіе эскадроны, постъ которыхъ, какъ ни казался онъ скроменъ, имѣлъ чрезвычайно важное значеніе, не допуская барскихъ конфедератовъ соединиться съ краковскими ([7]).

Первыя дѣйствія Кречетникова по необходимости должны были ограничиться однимъ наблюденіемъ за Баромъ и уничтоженіемъ отдѣльныхъ партій, стремившихся проникнуть внутрь страны. Попытка разузнать, путемъ переговоровъ, что дѣлается въ Барѣ, успѣха не имѣла. Два парламен-

тера—гусарскій сержантъ и казакъ, отправленные туда съ формальнымъ запросомъ: какія и зачѣмъ въ Барѣ собираются войска?—были поляками арестованы, закованы въ цѣпи и брошены въ тюрьму, а маршалъ конфедераціи притворно далъ знать Кречетникову, что въ Барѣ пойманы русскіе дезертиры. Кречетниковъ потребовалъ немедленнаго освобожденія задержанныхъ,—и они были освобождены, даже съ извиненіемъ въ ошибкѣ. Тѣмъ не менѣе двое русскихъ пробыли нѣкоторое время въ цѣпяхъ, — а это доставило кичливости поляковъ большое удовлетвореніе ([8]).

Записки Дюмурье поясняютъ намъ подобные комическіе эпизоды, показывающіе отсутствіе серьезности даже въ самыхъ первенствующихъ предводителяхъ конфедераціи. По разсказу этого, впослѣдствіи извѣстнаго генерала, главные вожди конфедераціи, бравшіе пенсіи отъ Франціи, втайнѣ поддерживавшей возстаніе, только тѣмъ и занимались, что вели безумно-расточительную жизнь да ссорились между собою; а въ войскахъ ихъ, предоставленныхъ на произволъ судьбы, отсутствовала всякая дисциплина, и случалось, что конфедераты вступали между собою прямо въ междоусобныя битвы ([9]). Естественно, что и другая попытка Кречетникова вступить въ переговоры была не болѣе удачна. Отправленные имъ въ Баръ подполковникъ Тверского полка Волковъ съ офицеромъ и 12-ю казаками попали тоже въ тюрьму и просидѣли въ ней до самаго взятія Бара русскими войсками ([10]). Въ подобныхъ выходкахъ только и состояли пока дѣйствія поляковъ. Ни барскіе, ни галиційскіе конфедераты не двигались,—они не были такъ просты, чтобы вступить въ открытую борьбу съ русскими войсками, и упорно оставались на запретной для послѣднихъ территоріи. Избѣгая столкновеній съ Турціей, не начинали дѣйствовать и русскіе. Репнинъ писалъ только Кречетникову, чтобы онъ глазъ не спускалъ съ барскаго скопища, а въ случаѣ попытки его перейти въ наступленіе, тотчасъ отрѣзалъ отъ Турціи и отбросилъ къ Кракову, гдѣ полковникъ Панинъ долженъ былъ встрѣтить его съ своимъ Нижегородскимъ полкомъ ([11]).

Между тѣмъ внутри самой Польши было не мало желающихъ примкнуть къ начавшемуся возстанію, и они проводили время въ томительномъ ожиданіи конфедератовъ, а между тѣмъ старались пока чернить русскія войска доносами на совершаемыя ими, будто бы, грабежи и притѣсненія. Не избѣжалъ подобнаго нареканія и нашъ Нижегородскій полкъ. Репнинъ писалъ Панину объ этихъ слухахъ и просилъ его поддерживать въ войскахъ дисциплину, чтобы еще болѣе не отвратить отъ насъ жите-

лей. Писалъ онъ объ этомъ и Кречетникову, прибавляя, что часъ отъ часу умножаются жалобы на войска его корпуса, и въ особенности на ахтырскихъ гусаръ и Нижегородскій полкъ, отдѣльные люди которыхъ заходятъ даже въ Краковское воеводство (12). Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было—жителей грабили банды, которыя только сваливали на русскихъ солдатъ свои преступленія. Одно письмо Репнина, вызванное какимъ-то «происшествіемъ» въ деревнѣ Безановѣ, служитъ тому доказательствомъ. «Объ этомъ происшествіи», писалъ онъ подполковнику Леонтьеву, «я получилъ извѣстіе прямо изъ Кракова, и далъ знать Веліопольскому, чтобы онъ старался отыскать награбленныя вещи, а злодѣя, который утопилъ Нижегородскаго карабинера, наказалъ по строгости законовъ. Сожалѣю, что не могли отыскать больше вещей и поймать другихъ товарищей того злодѣя; но больше ничего сдѣлать нельзя, надо бы иначе посылать туда конвой многолюдный» (13). Очевидно, тутъ говорится о «злодѣяхъ», совершившихъ какое-то темное дѣло, и ничего общаго съ карабинерами не имѣвшихъ.

Итакъ конфедераты пока не показывались передъ русскими войсками; за то слухи о ихъ появленіи были постоянны, принимая преувеличенные размѣры. Одинъ изъ такихъ слуховъ послужилъ поводомъ къ чрезвычайно любопытному эпизоду. Получивъ какъ-то извѣстіе, что въ Сандомирскомъ воеводствѣ, въ д. Колбушино (около Бусска) появились конфедераты, Репнинъ предписалъ полковнику Дарагану идти противъ нихъ съ двумя эскадронами Тверского полка. Дараганъ донесъ, что не можетъ оставить Сандомира, который въ такомъ случаѣ самъ подвергся бы опасности нападенія, что къ тому же въ Колбушинѣ, по слухамъ, собралась сильная партія, болѣе 500 человѣкъ, атаковать которую двумя эскадронами онъ считаетъ дѣломъ рискованнымъ. Репнинъ былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ. «Я удивляюсь», отвѣчалъ онъ Дарагану, «что вы не исполнили моего приказанія, въ Колбушинѣ не были, и скопища не разбили. Откуда вы заключили, что вы съ коннымъ деташементомъ поставлены въ Сандомиръ съ тѣмъ, чтобы сіе мѣсто сберечь? Намъ никакой нужды въ томъ нѣтъ; а если бы была, то поставили бы не васъ, а пѣхоту... Наконецъ, я вамъ и то скажу, чтобы вы довѣріе имѣли къ своему полку: онъ составленъ изъ храбрыхъ карабинеръ, которые были въ почтеніи во всей нашей арміи и въ страхъ приводили прусскія войска, кои не чета здѣшнимъ полякамъ»...

«Вы имѣсте честь», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, «командовать полкомъ, который справедливо заслужилъ себѣ славу въ прошедшую войну, особенно въ померанскую кампанію, подъ командою тогдашняго храбраго своего полковника. Всѣ карабинеры вашего полка обыкли отличаться, обыкли не бояться непріятеля, и, слѣдовательно, вездѣ за вами безъ страха проѣдутъ, даже сквозь регулярное войско. А такіе два эскадрона, какіе у васъ, сквозь цѣлую Польшу пройдутъ, хотя бы всѣ ся обыватели въ одну кучу собрались. Вамъ остается только передъ ними ѣхать, на нихъ надѣяться,—а они отъ васъ не отстанутъ... Извольте призвать къ себѣ тѣхъ офицеровъ своего полка, которые послѣднюю войну сдѣлали, посовѣтуйтесь съ ними, и они вамъ, конечно, скажутъ, что сіе презрительное сборище вамъ ни мало не опасно и что вы его разобьете. Вѣрьте имъ въ этомъ случаѣ, ибо сіе есть совершенная правда»...

Пока шла эта оригинальная переписка, свѣдѣнія о появленіи въ Колбушинѣ конфедератовъ дошли и до Панина, стоявшаго далеко, на венгерской границѣ. Не дожидаясь никакихъ особыхъ приказаній, онъ тотчасъ командировалъ въ Колбушино эскадронъ, приказавъ ему быстрымъ налетомъ разогнать инсургентовъ. Подходя къ Колбушину, Нижегородцы издали увидѣли вооруженныя толпы, стоявшія передъ околицею. Считать непріятеля было не время, и эскадронъ быстро развернулся къ атакѣ. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: толпа, стоявшая передъ драгунами, встрѣтила ихъ крикомъ: «виватъ!» Оказалось, что это были совсѣмъ не конфедераты, а крестьяне, вооруженные княземъ Любомирскимъ, для защиты своихъ имѣній отъ нашествія конфедератовъ. Исторія, надѣлавшая столько тревоги и шума, разъяснялась самымъ прозаическимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе Репнинъ былъ весьма доволенъ энергіей Панина и не преминулъ указать на него Дарагану. «Съ прискорбіемъ вижу», писалъ онъ ему, «что одинъ эскадронъ Нижегородцевъ смѣло ѣздитъ туда, куда вы и съ двумя идти не смѣете» (14).

Наступилъ май мѣсяцъ, и дѣла начали, наконецъ, принимать болѣе серьезный оборотъ. Одинъ изъ Потоцкихъ, «богатый, но суевѣрный и безразсудный» литовскій подчашій, провозгласилъ конфедерацію въ Трамбовлѣ и чрезвычайно искусно выбралъ позицію на Днѣстрѣ, близъ Галича, находившагося на рубежѣ трехъ государствъ: Польши, Турціи и Венгріи. Чтобы придать дѣйствительную силу своему предпріятію, Потоцкій составилъ небольшой, но хорошо вооруженный отрядъ изъ людей,

набранныхъ въ своихъ помѣстьяхъ. Отрядъ этотъ послужилъ ядромъ довольно многочисленнаго вооруженнаго сборища. Въ томъ краѣ были большія имѣнія воеводы Кіевскаго и другихъ магнатовъ, которые, по обычаю того времени, держали собственное надворное войско, и войска эти, высланныя противъ Потоцкаго, перешли на его сторону. Примѣру ихъ послѣдовалъ цѣлый драгунскій полкъ короннаго гетмана Ржевускаго, шедшій на соединеніе съ королевскимъ войскомъ. Да и въ самомъ войскѣ уже гнѣздилась измѣна: цѣлый полкъ регементаря Дѣдушицкаго передался Потоцкому; самъ Дѣдушинскій едва успѣлъ на лихомъ конѣ, и только благодаря темнотѣ ночи, ускакать въ Молдавію; кавалерія Потоцкаго гналась за нимъ и по самой турецкой землѣ ([15]). Возмущеніе въ той сторонѣ часъ отъ часу росло. Нужно было покончить съ нимъ во что бы то ни стало: въ сентябрѣ должны были открыться провинціальные сеймики, и было ясно, что если къ тому времени вооруженное возстаніе подавлено не будетъ, то «вся земля загорится такимъ пожаромъ, который потушить будетъ трудно» ([16]).

Настала очередь дѣйствовать войскамъ, разбросаннымъ на галиційской границѣ. Назначенный для командованія ими генералъ-маіоръ Апраксинъ прибылъ въ Львовъ 9 мая и тотчасъ сформировалъ отрядъ, въ который вошли: 1-й гренадерскій полкъ, два эскадрона тверцовъ, взятые изъ Сандомира, и три эскадрона Нижегородцевъ, вызванные Панинымъ изъ Дембичъ—остальные два эскадрона Нижегородцевъ, подъ командой премьеръ-маіора Кутузова, остались наблюдать за галиційскою границею ([17]). Панинъ присоединился къ отряду 12 мая, въ м. Самборѣ, и съ этого момента Нижегородскій полкъ выходитъ изъ-подъ команды Кречетникова и поступаетъ въ корпусъ Апраксина.

Войска двинулись на Галичъ, разсчитывая отбросить Потоцкаго на Баръ или на Каменецъ, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить Кречетниковъ. Но дѣло рѣшилось гораздо проще: полковникъ Вейсманъ, высланный впередъ съ Бѣлозерскимъ полкомъ, ночью напалъ на Паганчи, гдѣ стояла главная квартира Потоцкаго, разбилъ на-голову всѣ его сборища и остатки ихъ загналъ въ Молдавію ([18]).

Быстрое пораженіе Потоцкаго пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Получены были тревожныя извѣстія, что барскіе конфедераты перешли въ наступленіе, заняли Бердичевъ и обложили Каменецъ. Нельзя было не удивляться дерзости мятежниковъ, проявившейся въ этихъ событіяхъ,

и Репнинъ объяснялъ ихъ только недостаткомъ энергіи и распорядительности со стороны Кречетникова. Обстоятельства до извѣстной степени оправдываютъ этотъ приговоръ. Когда Пулавскій захватилъ Бердичевъ и укрѣпилъ высокія монастырскія стѣны, построенныя когда-то въ защиту отъ набѣговъ татаръ, Кречетниковъ со всѣмъ своимъ корпусомъ обложилъ монастырь, но вмѣсто немедленнаго штурма, какъ требовалъ Репнинъ, приступилъ къ осадѣ. Осада пошла неудачно и затянулась. Кречетниковъ разстрѣлялъ всѣ артиллерійскіе снаряды, а взять Бердичева не могъ. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовались конфедераты; разсѣянныя по краю партіи, оставленныя безъ наблюденія, быстро собрались около Каменца и обложили городъ, разсчитывая принудить къ сдачѣ его малочисленный гарнизонъ голодомъ. Въ Барѣ, между тѣмъ, опять появился Потоцкій, пробравшійся туда съ своими разбитыми шайками черезъ Молдавію. Положеніе дѣлъ, повидимому, становилось серьезнымъ. Необходимо было немедленно положить предѣлъ успѣхамъ инсургентовъ,— и Апраксинъ двинулся къ Каменцу ([19]). Тѣмъ не менѣе развязка и здѣсь наступила скорѣе, чѣмъ ее можно было ожидать: узнавъ о приближеніи отряда, инсургенты поспѣшно отступили отъ города и стали опять на запретной турецкой границѣ. Тогда Апраксинъ повернулъ прямо на Баръ, и 6 іюня войска подступили къ мѣстечку. Конфедераты вышли на встрѣчу, но какъ только русская пѣхота двинулась на нихъ съ барабаннымъ боемъ—побѣжали въ городъ. Нижегородцы и Тверскіе эскадроны кинулись въ погоню, захватили пять пушекъ, многихъ изрубили, а остальныхъ втоптали въ мѣстѣчко. Баръ обложенъ былъ со всѣхъ сторонъ, а на разсвѣтѣ 9 числа уже взятъ приступомъ. Конфедераты на этотъ разъ защищались упорно, и потери съ обѣихъ сторонъ были большія. Въ Барѣ досталось намъ 1200 плѣнныхъ и пять пушекъ, и кромѣ того освобождено болѣе 40 русскихъ людей, томившихся по тюрьмамъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Нижегородскій карабинеръ, взятый гдѣ-то около Дембича и перевезенный шайкою въ Баръ.

Нижегородскіе эскадроны, вмѣстѣ со всею кавалеріею, простояли во время штурма въ лагерѣ, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія, что со стороны Могилева на помощь къ осажденнымъ идетъ сильный секурсъ. Онъ, дѣйствительно, и подошелъ, но когда городъ былъ уже взятъ; и ему осталось одно—поспѣшно отступить за Днѣстръ, въ турецкія владѣнія ([20]).

Кречетникову между тѣмъ удалось овладѣть Бердичевымъ и захва-

тить самого Пулавскаго. Конфедераты притихли. Кавалерійскіе разъѣзды, высланные Апраксинымъ въ разныя стороны, не только нигдѣ не встрѣчали конфедератовъ, но даже и слуха объ нихъ не было. Тѣмъ не менѣе Апраксинъ и Кречетниковъ двинулись тремя колоннами на Брацлавъ, Винницу и Сороки; кавалерія широкимъ фронтомъ заняла все пространство отъ Днѣстра до Умани — и вся Подолія была очищена отъ послѣднихъ, кое-гдѣ еще скитавшихся партій.

Къ исходу іюля мѣсяца конфедерація въ Великой Польшѣ была такимъ образомъ совершенно разсѣяна. Казалось, смутѣ былъ положенъ конецъ. Вдругъ новая конфедерація вспыхнула въ горахъ около Санока, мятежъ перебросился въ Краковъ и былъ готовъ охватить весь юго-западъ Польши. То было дѣломъ галиційскихъ бандъ, воспользовавшихся удаленіемъ нашихъ войскъ отъ австрійской границы ([21]).

Вѣсть о событіяхъ въ Краковѣ прежде всего, конечно, достигла сандомирскаго воеводства, гдѣ войсками въ то время командовалъ полковникъ Панинъ, вернувшійся по болѣзни изъ корпуса Апраксина. Но кромѣ двухъ Нижегородскихъ эскадроновъ, да двухъ ротъ 3-го гренадерскаго полка, стоявшихъ подъ командой подполковника Бока, въ самомъ Сандомирѣ, другихъ войскъ въ его распоряженіи не было. И роты, и эскадроны были притомъ далеко не въ комплектѣ. Карабинеры, правда, ожидали къ себѣ маршевой эскадронъ въ числѣ 150 человѣкъ, шедшій изъ Украинской дивизіи; но онъ былъ еще только около Кіева и могъ придти не скоро. А событія развивались съ поразительною быстротою. Офицеръ Нижегородскаго полка, — имя его къ сожалѣнію неизвѣстно, — посланный на развѣдки, пробрался въ самый Краковъ и привезъ извѣстіе, что конфедерація объявлена уже 9 іюня, и инсургенты укрѣпляютъ зáмокъ ([22]).

Панинъ увидѣлъ необходимость дѣйствовать быстро и рѣшительно. Онъ тотчасъ вызвалъ сандомирскія роты въ Дембичъ, присоединилъ къ нимъ два Нижегородскіе эскадрона, и смѣло двинулъ этотъ небольшой отрядъ прямо подъ стѣны древняго Кракова. Онъ былъ все еще боленъ, и тѣмъ не менѣе, поручивъ начальство надъ отрядомъ подполковнику Боку, слѣдовалъ и самъ за своими эскадронами. 11-го іюня русскій отрядъ, силою всего въ 230 штыковъ и 180 сабель ([23]), увидѣлъ передъ собою укрѣпленія Кракова. Издали, при яркомъ солнечномъ сіяніи, били въ глаза готическія линіи стараго королевскаго зáмка и высокія стѣны, окружавшія городъ. Всѣ городскія ворота были завалены изнутри толстыми

бревнами, и лишь одни стояли раскрытыми настежъ, зіяя на бѣлой стѣнѣ узкою черной щелью, — изъ нихъ выступало польское войско. То не были уже нестройныя толпы люблинскихъ и даже барскихъ конфедератовъ, не имѣвшихъ почти никакого понятія о военномъ дѣлѣ,— здѣсь руководила инсургентами чья-то опытная военная рука, и въ Галиціи они, очевидно, подучились военнымъ экзерциціямъ. Черезъ широкій ровъ, окружающій стѣны, былъ перекинутъ мостъ, и русскимъ войскамъ видно было, какъ шли черезъ него пѣхота и конница, съ орудіями въ интервалахъ.

Едва сидѣвшій на конѣ, Панинъ опытнымъ взглядомъ стараго партизана слѣдилъ за движеніемъ поляковъ. И едва головная часть ихъ стала спускаться съ моста въ долину—онъ бросилъ на нихъ свои эскадроны. Нижегородцы ринулись съ мѣста. Поляки, не успѣвшіе еще развернуться, открыли безпорядочный огонь въ разныя стороны, а когда головная часть ихъ была отброшена на мостъ, среди нихъ произошло такое смятеніе, такая давка, что въ бѣгствѣ они сталкивали другъ друга въ воду и заботились только о томъ, чтобы скорѣе протиснуться обратно въ узкія крѣпостныя ворота. На ихъ плечахъ Нижегородцы пронеслись черезъ мостъ и ворвались въ ворота. Подоспѣла между тѣмъ наша пѣхота, и поляковъ гнали черезъ весь форштадтъ до самаго за́мка. Въ за́мкѣ поспѣшно заперли ворота, и со стѣнъ его открылась безпрерывная пушечная и ружейная пальба: стрѣляли войска, горожане, и ксендзы, и студенты. Въ распоряженіи Бока была только одна полковая пушка; онъ тотчасъ придвинулъ ее къ главнымъ воротамъ и открылъ огонь; пѣхота стрѣляла залпами. Но разбить ворота, окованныя толстыми желѣзными рѣшетками, надѣяться было трудно; штурмовать за́мокъ съ двумя слабыми ротами нечего было и думать, а потери въ нашихъ войскахъ, между тѣмъ, быстро росли. Самъ подполковникъ Бокъ былъ раненъ пулями въ плечо и въ ногу. Онъ не хотѣлъ, однако, оставить отрядъ и, сидя на камнѣ, продолжалъ распоряжаться боемъ. Изъ двухъ ротъ его выбыло уже два офицера и 30 гренадеръ. Видя безполезность карабинеръ, которые не могли даже стрѣлять изъ своихъ короткихъ карабиновъ, Панинъ еще раньше отвелъ ихъ за сосѣднія строенія; тѣмъ не менѣе и Нижегородцы потеряли убитыми полкового литаврщика, одного карабинера и 20 лошадей. Потеря послѣднихъ была для нихъ особенно чувствительна, такъ какъ, двигаясь къ Кракову чрезмѣрно форсирован-

нымъ маршемъ, они уже потеряли въ два дня 30 лошадей, павшихъ отъ изнуренія, —и теперь въ обоихъ эскадронахъ не насчитывалось и 130 коней (24).

Дальнѣйшія усилія были бы безполезны. Бокъ отошелъ отъ за́мка и, занявъ пустой форштадтъ, потребовалъ изъ Сандомира послѣднія, только-что пришедшія туда, двѣ роты, вмѣстѣ съ другою полковою пушкою. Въ ожиданіи этихъ подкрѣпленій, ему пришлось переживать тяжелыя минуты: солдатъ у него не оставалось и четырехъ-сотъ человѣкъ, а за крѣпостными стѣнами стояли три тысячи вооруженныхъ инсургентовъ, не считая горожанъ и студентовъ; одной русской пушкѣ отвѣчало десять польскихъ. Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что польскіе вожди выгнали изъ крѣпости всѣхъ, кто не внушалъ къ себѣ безусловнаго довѣрія, и уже это одно указывало на твердую рѣшимость ихъ защищаться до послѣдней крайности. Нижегородскіе разъѣзды, посланные убѣдиться, нельзя ли атаковать городъ съ другой стороны Вислы и овладѣть имъ внезапнымъ нападеніемъ, — нашли всѣ переправы уничтоженными. Опасаясь самъ ежеминутной вылазки и нападенія на свой малочисленный отрядъ, Бокъ вывелъ наконецъ войска изъ форштадта и расположилъ ихъ въ деревушкѣ, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Стоянка эта была необыкновенно трудная: фуража достать было негдѣ, косить траву некѣмъ, а пускать лошадей въ луга карабинеры не имѣли времени—имъ приходилось сторожить границу, чтобы не пропускать новыхъ бандъ изъ турецкой или цесарской земли, и по Вислѣ день и ночь стояли кавалерійскіе пикеты.

Не было дня, чтобы здѣсь или тамъ не происходило какой-либо мелкой стычки. 18 іюня случилось и серьезное столкновеніе. Конная партія человѣкъ въ 200, прорвавшись черезъ наши аванпосты, наткнулась на Нижегородскій эскадронъ (50 рядовыхъ при двухъ офицерахъ), преградившій ей путь къ Краковскому за́мку. Завязалось жаркое дѣло; оба офицера, трубачъ и пять карабинеровъ были ранены, пять лошадей убиты. Пѣхота, спѣшившая на помощь, подошла уже тогда, когда поляки успѣли войти въ городскія ворота. На мѣстѣ боя инсургенты оставили, однакоже, 22 трупа, изрубленныхъ карабинерами, да десять человѣкъ тяжело израненныхъ взяты въ плѣнъ. Изъ числа пострадавшихъ въ этотъ день Нижегородцевъ до насъ дошли имена: поручика Стремоухова, раненнаго пулей въ голову, карабинеровъ: Ларіона Перевозникова, прострѣленнаго пулей въ ухо, Афанасія Егорова, и Тихона Яковлева, израненныхъ

пиками и саблями ([25]). Силы инсургентовъ, такимъ образомъ, росли, и маленькій отрядъ Бока скоро самъ очутился чуть не въ блокадѣ — всѣ сообщенія его съ Варшавою были отрѣзаны и не одинъ курьеръ, пытавшійся провезти депеши, заплатилъ за это жизнью или свободой.

Панинъ, видѣвшій невозможность съ сотнею своихъ кавалеристовъ поспѣвать всюду, жилъ на аванпостахъ и при первыхъ выстрѣлахъ являлся на конѣ. Репнинъ, высоко цѣнившій благородные порывы, свойственные истинному воину, старался умѣрить рвеніе Панина и звалъ его отдохнуть въ Варшаву. «Я знаю», писалъ онъ ему, «что вы измучены болѣзнью, и что, не глядя на то, садитесь на лошадь во время сраженій. Пожалуйста, другъ мой, перестань это дѣлать. Вся армія довольно знаетъ, и я, вашъ старый пріятель, — что выстрѣловъ вы не боитесь, а прошу васъ скорѣе пріѣхать для излеченія, да наконецъ, я и насильно, по дружбѣ, перевезу сюда, если сего письма не послушаетесь» ([26]). Но Панинъ остался въ отрядѣ и дождался паденія Кракова.

Какъ только вѣсть о новой конфедераціи достигла до Апраксина, покончившаго съ Баромъ, онъ тотчасъ двинулся къ Кракову и прибылъ туда въ концѣ іюля. Съ нимъ пришелъ только одинъ эскадронъ Нижегородцевъ, такъ какъ остальные два, съ подполковникомъ Леонтьевымъ, оставлены были по пути въ м. Станиславовѣ, при отрядѣ полковника Озерова, охранять турецкую границу отъ вторженій Потоцкаго ([27]).

Прибытіе свѣжихъ силъ Апраксина и князя Прозоровскаго (изъ корпуса Нуммерса) не много измѣнило, однако, положеніе дѣлъ подъ Краковомъ. Войскъ у насъ все-таки было мало, да и тѣ поставлены были въ трудное положеніе недостаткомъ провіанта, осадныхъ средствъ и орудій. Попытался было Апраксинъ овладѣть крѣпостью штурмомъ, но два приступа его были неудачны. «Бунтовщики такъ заупрямились», писалъ онъ князю Репнину, «что преклонить ихъ ласкою нѣтъ никакой надежды, а къ разбитію стѣнъ тожь способовъ не имѣю, ибо, кромѣ картечныхъ зарядовъ къ пушкамъ, другихъ у меня нѣтъ, и я принужденъ довольствоваться тѣмъ, что, окружа оный городъ, держать его въ блокадѣ. Къ сторонѣ венгерскихъ и шведскихъ границъ собираются конфедераты, которые разъѣзжаютъ партіями, и за ними конные мои пикеты, сколь возможно успѣвать, гоняются и стараются ихъ истреблять. Я взялъ было намѣреніе эскаладировать городъ, только двойныя стѣны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тройныя, того мнѣ не дозволяютъ, а ворота изъ города, сколько

я извѣщенъ, землею всѣ позасыпаны. Кромѣ того, всѣ обыватели вооружены, и ихъ весьма много".

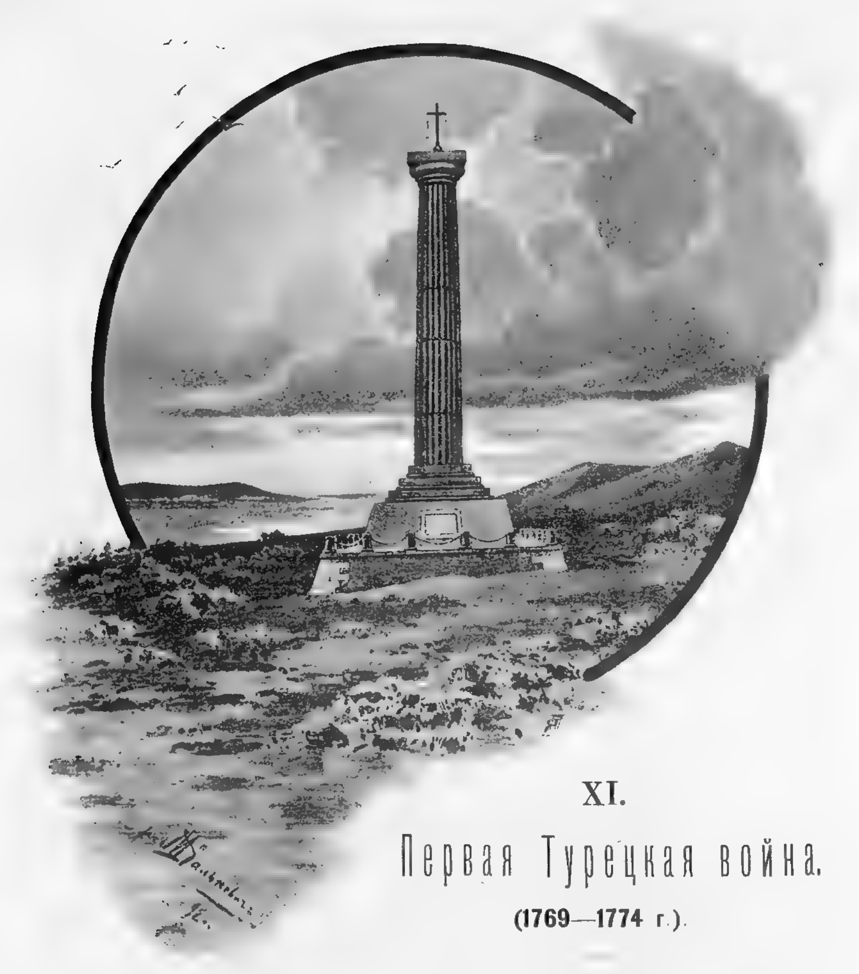
Такъ рисуетъ положеніе дѣлъ самъ генералъ Апраксинъ. Но не прошло и двухъ дней послѣ отсылки этого письма, какъ беззавѣтное мужество русскихъ преодолѣло всѣ препятствія. Въ ночь на 6-е августа сдѣлана была третья попытка штурмовать Краковъ—и онъ палъ. Частію черезъ ворота, взорванныя петардами, частію по лѣстницамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ, пѣхота ворвалась въ городъ; вслѣдъ за нею вся кавалерія, и въ томъ числѣ Нижегородцы, понеслись по улицамъ, истребляя на пути своемъ все, что попадало подъ ихъ палаши. Гарнизонъ за́мка, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, положилъ оружіе. Штурмъ Кракова обошелся не даромъ нашимъ Нижегородцамъ: въ трехъ эскадронахъ ихъ убито 9 лошадей и ранены вахмистръ Аника Кононовъ, 1 каптенармусъ, 8 карабинеровъ и 15 лошадей ([28]).

Императрица по достоинству оцѣнила геройскія усилія русскихъ войскъ: всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, бывшимъ подъ Краковомъ, пожаловано третное жалованье, на́ что обращены часть собранной контрибуціи и все отбитое въ Краковѣ серебро, перечеканенное въ монету.

Паденіемъ Кракова на время сломлена была сила конфедераціи; но разбоями кишѣлъ еще весь лѣсистый край между Пшедбожемъ и Малогощею; тамъ мелкія шайки не только грабили проѣзжавшихъ, но даже нападали на войска, разставленныя по почтовымъ станціямъ. Противъ нихъ Апраксину приказано было послать цѣлый полкъ донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ штабъ-офицера храбраго и расторопнаго, на котораго можно было бы положиться. Апраксинъ рекомендовалъ Нижегородскаго полка секундъ-маіора Новокщенова. Репнинъ охотно утвердилъ это назначеніе ([29]), и посылая Новокщенову инструкцію, писалъ: „Господинъ секундъ-маіоръ Александръ Васильевичъ! Слыша объ васъ похвалы, доставляю вамъ случай отличиться; но при сей оказіи рекомендую вамъ соблюдать между казаками наистрожайшую дисциплину" ([30]). Новокщеновъ блистательно исполнилъ порученіе: край былъ очищенъ, дороги стали свободны, и на казаковъ его не поступило ни единой жалобы.

Провинціальные сеймики прошли спокойно, и Нижегородскій полкъ, наблюдавшій за ними въ Опатовѣ, Люблинѣ, Заторѣ и Прошевицѣ ([31]), получилъ приказаніе перейти въ Варшаву. Тамъ съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ онъ долженъ былъ образовать отдѣльный, вполнѣ самостоя-

тельный, летучій кавалерійскій корпусъ, порученный въ команду извѣстному своею отвагой генералу Подгоричанину ([32]). Но въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ ему участвовать не довелось: скоро на сцену выдвинулись другія, болѣе важныя событія — готовилась война съ Турціей. Въ ноябрѣ 1768 года отрядъ Подгоричанина, назначенный въ армію князя Голицына, отправленъ былъ въ Луцкъ, гдѣ собирались войска, приходившія изъ Литвы и Польши. Нижегородскій полкъ прибылъ туда въ составѣ 24 офицеровъ и только 491 карабинера, — такъ тяжело отозвалась на немъ двухлѣтняя дѣятельность въ мятежной Польской землѣ.



XI.

Первая Турецкая война.

(1769—1774 г.).

1769 г.—На встрѣчу крымскимъ татарамъ.—Нижегородцы у Хотина.—Румянцевъ и его нововведенія.—1770 г. У Рябой Могилы.—Нижегородцы при Ларгѣ.—День Кагула.—Кагульскій памятникъ.—1771 г. На рѣчкѣ Аржисѣ.—Битва при Бухарестѣ.—Взятіе Журжи кавалеріею.—1772 г. Полковники Панинъ и Кантемиръ.—1773 г. Съ Суворовымъ.—Полкъ на Дунаѣ.—Столкновеніе при Турно.—Нижегородцы въ Черноводахъ.—1774 г. Дѣло подъ Туртукаемъ.—Кучукъ-Кайнарджинскій миръ.

Война съ Турціей, крайне тяжелая для Россіи при сложныхъ политическихъ обстоятельствахъ того времени, по своимъ внѣшнимъ поводамъ

была какъ бы послѣдствіемъ Барской конфедераціи. По неизбѣжнымъ случайностямъ войны русскія войска не разъ подходили къ турецкимъ границамъ, нарушали даже ея территорію, — и этого было достаточно, чтобы Порта, подстрекаемая европейскими державами, недружелюбно смотрѣвшими на наше возраставшее вліяніе въ Польшѣ, объявила войну. Россіи неоткуда было ждать ни сочувствія, ни помощи, и приходилось надѣяться только на правоту своего дѣла.

Въ моментъ объявленія войны осенью 1768 года, ни Турція, ни Россія не были къ ней готовы, и теперь начались съ обѣихъ сторонъ спѣшныя приготовленія. Къ концу года у насъ сформированы были двѣ арміи: одна, графа Румянцева, стояла у Бахмута; другая, князя Голицына, въ составъ которой входилъ и Нижегородскій полкъ, принадлежавшій къ корпусу генерала Олица,—около Кіева (1). Турція собирала свои войска еще медленнѣе, но за то она располагала всегда готовымъ средствомъ тревожить наши предѣлы—ордами крымскихъ татаръ, и не замедлила ими воспользоваться. Въ январѣ 1769 года, семьдесятъ тысячъ всадниковъ, предводимыхъ самимъ Крымъ-Гирей-ханомъ, вторглись въ южную Россію, предавая мечу и огню всю Елисаветградскую провинцію. Охрана южныхъ границъ русскихъ лежала на арміи Румянцева; тѣмъ не менѣе тревога подняла на ноги и корпусъ Олица, стоявшій въ окрестностяхъ Луцка. Ходилъ на тревогу, въ м. Ляховцы, и нашъ Нижегородскій полкъ—сторожить пространство по рѣкѣ Горыни, между Ямполемъ и Заславлемъ (2). Но татары не пошли дальше Уманщины и вернулись за Бугъ.

Наступила весна 1769 года. Армія Голицына перешла Днѣстръ, и въ самую страстную субботу, 18 апрѣля, послѣ четырехъ-дневнаго труднаго марша по безводнымъ и знойнымъ степямъ Бессарабіи, остановилась въ виду Хотина. На слѣдующій день въ лагерѣ совершена была торжественная пасхальная служба, а въ три часа пополудни большая часть полковъ уже шла къ крѣпости, чтобы занять окрестныя высоты и поставить на нихъ батареи. Выступилъ съ ними и Нижегородскій полкъ (3). Непріятель встрѣтилъ наши войска огнемъ изъ передовыхъ ретраншаментовъ, но они тутъ же взяты были штурмомъ. И какъ только турки побѣжали къ городу, пять полковъ тяжелой кавалеріи, и въ томъ числѣ Нижегородскій, кинулись за ними въ преслѣдованіе, ворвались въ предмѣстье и даже доскакали до самаго палисада крѣпости (4). Турки успѣли, однако, зажечь форштадтъ, и русскія войска очутились среди дыма и цѣлаго моря

огня, осыпаемыя выстрѣлами и съ крѣпостныхъ стѣнъ, и изъ садовъ предмѣстья. Въ Нижегородскомъ полку была убита одна строевая лошадь и ранены два карабинера: Степанъ Пузинъ ружейною пулею и Никита Петровъ картечью (5). Видя невозможность удержаться въ горѣвшемъ форштадтѣ, войска вышли въ поле и ночевали въ турецкихъ ретраншаментахъ.

Хотинъ приготовился къ упорной оборонѣ. Взять его приступомъ, «со шпагою въ рукѣ», какъ выражался Голицынъ, конечно, было возможно (6); но крѣпость, по мнѣнію его, не имѣла такого значенія, чтобы рисковать изъ-за нея большими потерями, а осадныхъ средствъ у насъ не было. Блокада вовсе не обѣщала успѣха, такъ какъ Голицынъ не распорядился даже придвинуть къ себѣ магазины. Дѣлать подъ Хотиномъ, слѣдовательно, было нечего, и 21 апрѣля вся русская армія потянулась обратно за Днѣстръ, къ Меджибожу. Во время отступленія турецкая конница напала на нашъ вагенбургъ, и въ числѣ другихъ пострадалъ обозъ Нижегородскаго полка, гдѣ былъ убитъ карабинеръ и пропало 17 лошадей (7).

Императрица потребовала между тѣмъ взятія Хотина во что бы то ни стало, и 1 іюля русская армія вторично появилась подъ крѣпостью. Опять увидѣли наши войска угрюмыя, лѣсистыя высоты, и на нихъ тѣ же ретраншаменты; но теперь ихъ надо было покупать цѣною кровавой и упорной битвы. 2 іюля передовой отрядъ генерала Штофельна, высланный для занятія высотъ, внезапно былъ атакованъ всею турецкою кавалеріею. Гусары, шедшіе впереди, не выдержали бѣшенаго натиска турокъ и были опрокинуты. Нижегородцы кинулись было имъ на помощь, но разстроенные наскакавшими на нихъ гусарами, не могли удержать янычаръ, и въ жаркой схваткѣ понесли чувствительную потерю; остальные карабинерные полки были также прорваны, и турки, пронесшіеся до самыхъ рогатокъ пѣхоты, были остановлены только огнемъ и штыками гренадеръ (8). Лишь къ ночи непріятель очистилъ, наконецъ, ретраншаменты и скрылся за стѣнами крѣпости. Высоты были заняты, но онѣ стоили намъ семи офицеровъ и 175 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Въ Нижегородскомъ полку смертельно раненъ одинъ изъ выдающихся штабъ-офицеровъ подполковникъ Сергѣй Леонтьевъ, и убиты: поручикъ Каспаръ Штирманъ, 15 карабинеровъ и 26 лошадей (9).

Началась осада Хотина. Но Голицынъ опять не довелъ ее до конца: къ крѣпости подходили большія турецкія силы, и онъ счелъ себя вынужденнымъ отступить за Днѣстръ. Тогда турки опустошили всю Молдавію,

появились даже въ нашихъ предѣлахъ, и отступили только послѣ двухъ сраженій, 29 августа и 6 сентября, на берегахъ Днѣстра. Въ этихъ сраженіяхъ были и Нижегородцы ([10]).

Пораженіе турокъ было такъ сильно, отступленіе такъ быстро, что они бросили даже самый Хотинъ,—и 9 сентября русскія войска вступили въ покинутую крѣпость безъ боя. Занятіемъ Хотина, Яссъ и Бухареста окончилась кампанія 1769 года, и большая часть войскъ вернулась за Днѣстръ. Нижегородскому полку назначены были зимовыя квартиры въ Подоліи, въ м. Старой Синявѣ, не вдалекѣ отъ Меджибожа ([11]).

Зимою къ арміи прибылъ новый главнокомандующій, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Осматривая полки, онъ обратилъ особое вниманіе на тяжелую кавалерію, состояніе которой не могло не внушать ему серьезныхъ опасеній: дорогія и изнѣженныя лошади ея до того были изнурены предшествовавшею кампаніею, что въ дѣло противъ живой и быстрой непріятельской конницы совершенно не годились. Не безъ ироніи замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что «въ нашихъ кирасирскихъ и карабинерныхъ полкахъ лошади болѣе на парадъ, нежели къ бою, способны». Перемѣнить сортъ ихъ, конечно, было не во власти Румянцева; но онъ могъ дать, и дѣйствительно далъ—правильное направленіе строевымъ занятіямъ. Прежде всего кавалерійскіе полки переведены были со старыхъ стоянокъ на новыя, ближе къ главной квартирѣ, и поставлены въ такія условія, что въ случаѣ тревоги могли собраться въ нѣсколько часовъ ([12]). Румянцевъ отлично понималъ, что мнимое превосходство турецкой кавалеріи надъ нашею было результатомъ все еще державшагося въ русскихъ войскахъ обычая стрѣлять съ коня; турецкіе спаги въ стремительномъ карьерѣ легко могли брать перевѣсъ надъ неподвижно стоящей, подъ защитой своихъ карабиновъ, русскою конницей—и Румянцевъ потребовалъ категорически, чтобы его кавалерія училась дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ, приказавъ производить ежедневныя конныя ученья «съ атакою во всю конскую прыть» ([13]). Передѣлать въ нѣсколько ученій то, что вкоренялось годами, конечно, было невозможно, и сила привычки и предразсудки долго еще брали верхъ надъ разумными требованіями.

Въ кампанію 1770 года главнѣйшею задачею нашихъ войскъ было оградить придунайскія княжества отъ вторженія турокъ и не допустить ихъ разорить страны, находившіяся подъ охраной русскихъ штыковъ. И не смотря на то, что въ Молдавіи свирѣпствовала страшная моровая язва,

которая легко могла распространиться и въ русскихъ войскахъ, вся армія Румянцева къ 12 маю собралась уже около Хотина. И было пора. На встрѣчу ей двигалась сто-тысячная армія Крымскаго хана, имѣвшая назначеніе опустошить Молдавію,—и отдѣльный передовой корпусъ ея, посланный для занятія Яссъ, подходилъ уже къ Пруту. Русскій авангардъ задерживалъ его, пока подошли изъ Хотина главныя русскія силы,—и 17 іюня у Рябой Могилы завязался бой. 25 тысячъ татаръ не могли, конечно, оказать серьезнаго сопротивленія всей румянцовской арміи и скоро обратились въ бѣгство. Въ погоню за ними двинули всю кавалерію графа Салтыкова, среди которой былъ и Нижегородскій полкъ; но дѣйствія ея были не вполнѣ успѣшны. Тяжелая конница наша, по словамъ Румянцева, никакъ не могла настигнуть непріятеля, хотя скакала во весь опоръ: непріятельскія лошади, привычныя къ бѣгу и къ гористымъ мѣстамъ, уходили отъ нашихъ часъ отъ часу все далѣе и далѣе. День къ тому же былъ знойный, и утомленіе тяжелыхъ лошадей, проскакавшихъ верстъ 20 безъ передышки, заставило наконецъ Салтыкова совсѣмъ прекратить преслѣдованіе, — продолжали сидѣть на плечахъ непріятеля одни гусары. Въ одной изъ стычекъ погибъ при этомъ сынъ крымскаго хана Дели-Султанъ-Керимъ, настигнутый гусарами Подгоричанина въ какой-то глубокой долинѣ. Сто человѣкъ отборныхъ татарскихъ всадниковъ, сопровождавшихъ юнаго хана, отказались положить оружіе и погибли всѣ до единаго. Непріятель, замѣтивъ между тѣмъ, что погоня слабѣетъ, остановился и открылъ пушечный огонь. Тогда полки повернули назадъ и возвратились въ лагерь ([14]).

Сраженіе у Рябой Могилы было только прелюдіей къ двумъ историческимъ битвамъ—на Ларгѣ и Кагулѣ. Узнавъ о пораженіи передового корпуса, Крымскій ханъ съ восемьюдесяти-тысячною арміей занялъ позицію за рѣчкою Ларгой и сталъ поджидать верховнаго визиря, передовыя войска котораго, переправляясь черезъ Дунай, постепенно присоединялись къ татарамъ. Медлить атакой было нельзя—непріятель усиливался ежедневно. Румянцевъ, имѣвшій подъ ружьемъ едва 14 тысячъ, собралъ военный совѣтъ. «Достоинство и слава наша—сказалъ онъ—не терпятъ, чтобы сносить присутствіе непріятеля, стоящаго въ виду», и этими достопамятными словами закончилъ совѣщаніе. Атака была рѣшена, и 7 іюля произошелъ бой въ долинѣ рѣчки Ларги.

Какъ только русская пѣхота пошла на штурмъ ретраншаментовъ,

вся татарская конница кинулась на наше лѣвое крыло, чтобы остановить наступленіе. Она была отбита, и тяжелая кавалерія наша, подъ предводительствомъ графа Салтыкова, погнала татаръ съ поля сраженія. Къ сожалѣнію, увлеченный преслѣдованіемъ, Салтыковъ занесся такъ далеко, что въ рѣшительный моментъ боя, когда ретраншаменты были взяты, его не оказалось подъ рукою. Тщетно одинъ за другимъ неслись ординарцы, чтобы направить полки на перерѣзъ бѣгущимъ татарамъ; ни одному не удалось настигнуть Салтыкова, и наша конница вернулась только позднею ночью, чтобы разбить свой бивуакъ на полѣ Ларгской побѣды (15). Пораженіе татаръ тѣмъ не менѣе было полное; весь лагерь съ богатѣйшею ставкою хана достался побѣдителямъ, и въ немъ захвачено было такъ много цѣнныхъ вещей, что главнокомандующій назначилъ въ каждый курпусъ для раздачи нижнимъ чинамъ по тысячѣ рублей. Въ числѣ трофеевъ было 30 пушекъ, три мортиры, но знаменъ только восемь. Послѣднее обстоятельство всѣхъ удивило; Румянцевъ приказалъ даже произвести по этому поводу слѣдствіе и оказалось, что знаменъ взято было множество, да только казаки порвали ихъ себѣ на платки, соблазнившись шелковыми тканями.

Медленно, небольшими переходами двинулся Румянцевъ вслѣдъ за татарами, уходившими къ Ялтуху, и 17 іюня сталъ у дер. Грачени. Съ противоположной стороны отъ Дуная приближалась сюда же сто-пятидесяти-тысячная армія верховнаго визиря, торопившагося войти въ предѣлы Молдавіи. Румянцевъ, какъ древній римлянинъ, никогда не считавшій враговъ, не могъ однако тотчасъ же предпринять наступленія—у него не было провіанта. Пока дѣлали распоряженія, чтобы обозы, оставшіеся сзади, придвинулись къ арміи, татары обошли насъ съ тылу, и русская армія оказалась запертою въ узкомъ пространствѣ между рѣками Ялтухой и Кагуломъ. На пустынныхъ берегахъ послѣдняго должна была разыграться кровавая битва.

Ожидая прибытія транспортовъ, Румянцевъ, для прикрытія ихъ, выслалъ генералъ-маіора Глѣбова почти со всею кавалеріею, въ числѣ которой былъ и Нижегородскій полкъ. Силы его значительно уменьшились; а между тѣмъ, въ то время какъ по дорогамъ, гдѣ двигались обозы, каждый день происходили мелкія стычки и перестрѣлки, главная турецкая армія подходила все ближе да ближе, и 20 іюля была уже верстахъ въ семи отъ нашей позиціи, по ту сторону Троянова вала. Румянцевъ

одинъ за другимъ цѣлый рядъ удачныхъ поисковъ на правый берегъ Дуная; но центръ, подъ командою самого Румянцева, занятъ былъ исключительно охраной придунайскихъ княжествъ, стоя около Яссъ, гдѣ были учреждены обширные магазины. Съ Румянцевымъ былъ и нашъ Нижегородскій полкъ (24).

Въ кампанію 1771 года весь интересъ событій сосредоточивается около Журжи, и Нижегородскому полку довелось здѣсь принять въ заключительномъ актѣ военныхъ дѣйствій одну изъ самыхъ выдающихся ролей.

Журжа, бывшая уже въ русскихъ рукахъ, съ переходомъ турокъ черезъ Дунай, 29 мая была сдана непріятелю малодушнымъ комендантомъ ея, положившимъ оружіе, можно сказать, въ виду уже подходившей помощи. Сдача эта сильно поразила Румянцева; но она не менѣе поразила и всю малочисленную русскую армію, жившую еще свѣжими впечатлѣніями отъ Ларги и Кагула. Событія подъ Журжею сдѣлались нескончаемою темой для разговоровъ, волновавшихъ военное общество; и то, что думалъ каждый русскій солдатъ, рельефно сказалось въ отвѣтѣ Гудовича, когда, спустя нѣсколько часовъ по взятіи Журжи, онъ съ небольшимъ отрядомъ приблизился къ крѣпости. Встревоженный появленіемъ русскихъ, турецкій паша выслалъ парламентера объявить Гудовичу, что если войска его начнутъ нападеніе, то русскій гарнизонъ, еще остававшійся въ Журжѣ, вопреки капитуляціи, будетъ перерѣзанъ.

«Поѣзжайте назадъ», отвѣчалъ Гудовичъ парламентеру, «и скажите, что если эти несчастные забыли завѣтъ нашихъ предковъ—лечь костьми, ибо мертвые срама не имутъ, то они не братья наши, и мы ихъ презираемъ. Турки могутъ дѣлать съ ними все, что угодно» (25).

Императрица отнеслась къ поступку журжевскаго гарнизона со всею строгостію, которая вполнѣ отвѣчала настроенію русскаго войска. Когда военный судъ приговорилъ всѣхъ участниковъ капитуляціи къ смертной казни, она нашла наказаніе это для нихъ еще не достаточнымъ. Полагая, что «съ лишеніемъ жизни можетъ погаснуть самая память о ихъ трусости и преступленіи», и что постыдная жизнь, при которой они принуждены будутъ носить свой стыдъ и «поносные знаки подлаго преступленія», будетъ для нихъ гораздо чувствительнѣе самой смерти, она повелѣла сослать ихъ въ вѣчную каторжную работу въ рудники Нерчинска. «Такая казнь,—сказано было въ Высочайшемъ указѣ,—отягощая по справедливости преступниковъ при жизни, остается и послѣ ихъ смерти

на долгое время въ памяти у всего войска и среди самаго отечества, служа примѣромъ не только для дѣйствительно служащихъ, но и для юношества, пріуготовляющаго себя военному дѣлу ([26]).

Паденіе Журжи во многомъ измѣнило положеніе дѣлъ на театрѣ войны, доставивъ непріятелю значительный опорный пунктъ, изъ котораго онъ могъ широко развивать свои операціи на лѣвомъ берегу Дуная и угрожать Валахіи. Подъ вліяніемъ перваго успѣха турки, дѣйствительно, покусились было овладѣть даже Бухарестомъ; и хотя они были отбиты, но съ этихъ поръ для малочисленныхъ войскъ, защищавшихъ нижнее теченіе Дуная, настаетъ тяжелое и тревожное время. Спокойствія въ краѣ и быть не могло, пока Журжа оставалась въ рукахъ непріятеля,—поэтому въ августѣ рѣшено было во что бы то ни стало овладѣть ею. Штурмъ, однако, не удался; мы были отбиты и отступили, потерявъ семь пушекъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ. Пришлось выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ турки сами открыли наступленіе отъ Журжи, и ихъ движеніе на Бухарестъ привело къ рѣшительному столкновенію обѣихъ сторонъ.

Получивъ извѣстіе, что непріятель сосредоточиваетъ въ крѣпости значительныя силы, Румянцевъ приказалъ генералу Эссену занять селеніе Добрыню, чтобы прикрыть Валахію, а для усиленія его отряда отправилъ изъ главной арміи Нижегородскій и Сибирскій полки, подъ командой полковника Панина. Кавалерійская бригада эта прибыла къ Добрынѣ въ моментъ, когда непріятель находился въ полномъ наступленіи и, сбивъ наши посты, стоявшіе по рѣкѣ Аржису, 13-го октября овладѣлъ переправой на рѣкѣ Самборѣ. Реляція ничего не говоритъ объ участіи въ этихъ дѣлахъ Нижегородскаго полка ([27]), а между тѣмъ изъ офиціальныхъ источниковъ видно, что одинъ изъ Нижегородцевъ, секундъ-маіоръ Горынинъ (командовавшій въ полку эскадрономъ), за особое отличіе именно въ этихъ дѣлахъ произведенъ въ премьеръ-маіоры ([28]). Остается предположить, что Горынинъ или завѣдывалъ передовыми постами, расположенными по Аржису, или находился въ тотъ день при генералѣ Игельштромѣ, командовавшемъ самборскимъ отрядомъ.

Путь наступленія непріятеля указывалъ ясно, что опасность грозитъ Бухаресту, и къ этому пункту быстро стали сосредоточиваться всѣ войска, расположенныя на Нижнемъ Дунаѣ. Туда же перешла и кава-

лерійская бригада Панина. 20 октября непріятель показался въ четырехъ верстахъ отъ города, и здѣсь, въ долинѣ рѣчки Дембовицы, завязалась упорная битва, долженствовавшая рѣшить участь цѣлой Валахіи. Эссенъ самъ атаковалъ непріятеля. Какъ только, послѣ различныхъ перипетій боя, наша пѣхота приблизилась къ турецкому ретраншаменту на пушечный выстрѣлъ, а охотники, высланные впередъ, стали заходить во флангъ батареямъ,—вся русская конница, пройдя въ интервалы между пѣхотой, развернула фронтъ и вдругъ помчалась прямо на окопы. Кавалерійская атака поведена была блистательно—«и сей ударъ», какъ выражается Эссенъ въ своемъ донесеніи, «былъ рѣшительный въ нашей побѣдѣ». Непріятель побѣжалъ. Нижегородцы съ Панинымъ тотчасъ насѣли на бѣгущихъ. Турецкая конница и часть пѣхоты, успѣвшая кое-какъ сохранить порядокъ, перерградили имъ путь, чтобы дать возможность остальнымъ войскамъ уйти за Дембовицу, но это послужило только къ гибели турокъ. Нижегородцы смяли все, что было на ихъ пути, и отбили нѣсколько пушекъ. Началось опять горячее преслѣдованіе; Панинъ не давалъ непріятелю опомниться: шесть разъ останавливались турки, и шесть разъ были опрокидываемы. Между тѣмъ на пути отступленія непріятеля появился цѣлый, заранѣе высланный, отрядъ генерала Текелли, и послѣдняя атака Панина отбросила всю турецкую конницу прямо на этотъ отрядъ, встрѣтившій ее своими гусарами. Непріятель разсыпался въ разныя стороны. Только темная октябрьская ночь, быстро окутавшая окрестность, остановила наконецъ погоню. Ночью узнали, что турокъ было противъ насъ до пятидесяти тысячъ, и что командовавшій ими сераскиръ Мехметъ бѣжалъ подъ защиту журжинскихъ пушекъ. Съ разсвѣтомъ 21-го числа подъ Журжу двинулся и весь корпусъ Эссена. Впереди шелъ Кантемиръ съ легкою конницей и Астраханскимъ карабинернымъ полкомъ; непосредственною поддержкою служила ему конная бригада Панина, а остальныя войска, задержанныя на пути переправами, остались далеко позади.

Приближаясь къ Журжѣ, Кантемиръ узналъ, что крѣпость охраняется слабымъ гарнизономъ, и быстро составилъ планъ нападенія. 24-го октября, на самой зарѣ, Астраханскій карабинерный полкъ, поддерживаемый гусарами и казаками, кинулся на приступъ, сбилъ турокъ съ валовъ и овладѣлъ цитаделью. Турки, растерявшіеся на первыхъ порахъ, скоро опомнились, даже сами повели нападеніе; но подоспѣвшіе Нижегородскій и Сибирскій полки окончательно рѣшили участь крѣпости. Поражаемые

огнемъ изъ своихъ собственныхъ пушекъ, турки бѣжали за Дунай, оставивъ въ нашихъ рукахъ лагерь, обозы и имущество. Такъ пала грозная Журжа передъ ничтожнымъ кавалерійскимъ отрядомъ ([29]).

Сохранились свѣдѣнія, что при взятіи Журжи въ Нижегородскомъ полку раненъ ружейною пулей поручикъ Левъ Шеншинъ, командовавшій эскадрономъ, а подъ Бухарестомъ—ротмистръ Патресовъ, вахмистры: Иванъ Горбунъ, Димитрій Костровъ, и карабинеры: Матвѣй Федотовъ, Иванъ Зуевъ и Матвѣй Калининъ; изъ числа ихъ ротмистръ Патресовъ получилъ двѣ раны ятаганомъ—въ лицо и въ голову ([30]). О степени участія Нижегородскаго полка въ этихъ дѣлахъ можно судить отчасти и по числу пожалованныхъ наградъ, хотя списокъ ихъ дошелъ до насъ далеко не полный: Панинъ произведенъ въ генералъ-маіоры, Татищевъ въ подполковники, Патресовъ, Гиршъ и Скарятинъ въ секундъ-маіоры, Ланге и Пржехневскій въ ротмистры, Лизогубъ, Денисьевъ, Стремоуховъ, Маковъ и полковой адъютантъ Меркуловъ—въ поручики ([31]). По взятіи Журжи Нижегородскій полкъ остался въ корпусѣ Эссена, и зимовалъ на рѣкѣ Дембовицѣ, не вдалекѣ отъ Бухареста ([32]).

1772-й годъ прошелъ въ безконечныхъ дипломатическихъ переговорахъ. Турки были обезсилены цѣлымъ рядомъ пораженій; Россія, съ своей стороны, утомленная одновременною войною и въ Турціи, и въ Польшѣ, гдѣ опять возникло конфедератское движеніе, также желала мира,—и военныя дѣйствія пріостановились. Нижегородскій полкъ спокойно провелъ весь годъ на квартирахъ въ м. Топоровцахъ.

Но если военныя тревоги на время замолкли, то для Нижегородцевъ, для ихъ внутренней жизни, годъ этотъ памятенъ такою перемѣною, которая не могла не оставить въ полку глубокаго слѣда: на этой стоянкѣ они простились съ старымъ своимъ командиромъ Панинымъ, получившимъ, съ производствомъ въ генералы, другое назначеніе. Для полка, пережившаго съ нимъ, въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, такъ много торжественныхъ и знаменательныхъ минутъ—это было событіемъ. Историческая отдаленность эпохи скрываетъ отъ насъ тѣ чувства, которыя волновали тогда полковое общество; но несомнѣнно, что Панинъ уносилъ съ собою изъ полка самыя свѣтлыя воспоминанія и оставлялъ въ полку такія же о себѣ. Залогомъ этой духовной связи, какъ священные памятники старины, понынѣ хранятся въ полку пожертвованныя имъ серебряныя трубы и серебряныя же литавры. На трубахъ есть надпись: «Нижегородскому

съ высокаго холма слѣдилъ за движеніемъ непріятеля. «Если турки осмѣлятся на этомъ мѣстѣ разбить хоть одну палатку», сказалъ онъ своимъ генераламъ, «я ихъ атакую въ эту же ночь». А непріятель располагался тамъ обширнымъ лагеремъ. Жребій былъ брошенъ,—Румянцевъ тотчасъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ атакѣ. Къ счастію, ночью вернулись изъ отряда Глѣбова четыре карабинерные полка: Нижегородскій, Рязанскій, Астраханскій и сводный; они-то, вмѣстѣ съ двумя кирасирскими и двумя гусарскими полками, остававшимися въ лагерѣ, и составили всю кавалерію, которая приняла участіе въ знаменитомъ Кагульскомъ сраженіи.

Въ глухую ночь съ 20 на 21 іюля, русская армія тихо снялась съ своей позиціи и двинулась къ Троянову валу. Нижегородскій полкъ, вмѣстѣ съ кирасирами Наслѣдника, шелъ въ интервалѣ между кареями Брюса и Репнина, составлявшими лѣвое крыло; въ центрѣ наступала дивизія Олица, на правомъ флангѣ—каре Племянникова и Боура. Трояновъ валъ перешли благополучно. Начинало свѣтать. Сквозь легкій утренній туманъ, клубившійся еще надъ озеромъ Кагуломъ, можно было различать уже непріятельскій станъ, опоясанный грозными ретраншаментами, выросшими за ночь. Турки и тогда имѣли привычку и удивительную способность окапываться; Румянцевъ же, уничтожившій въ своихъ войскахъ даже рогатки, служившія «трусу заградой, а храброму помѣхой», вообще не терпѣлъ у себя полевыхъ укрѣпленій. «Къ славѣ нашихъ войскъ», писалъ онъ императрицѣ, «прибавлю ту только истину, что я прошелъ все пространство степи до береговъ дунайскихъ, не дѣлая передъ непріятелемъ нигдѣ никакихъ укрѣпленій, а поставляя ихъ мужество и добрую волю за непреодолимую преграду». Этотъ-то высокій нравственный элементъ Румянцевъ и противопоставилъ теперь турецкимъ твердынямъ, въ которыхъ, передъ 17-тысячнымъ русскимъ корпусомъ, стояла 150-тысячная армія, еще недавно приводившая въ трепетъ западную Европу.

Въ 4 часа утра уже бой начался. Какъ только наши войска приблизились къ непріятельскому стану, вся стотысячная турецкая конница разомъ устремилась на наши кареи; оглушительные крики, лязгъ оружія, топотъ конскихъ копытъ — потрясли воздухъ и землю. Исторія военныхъ походовъ едва ли представляетъ другой примѣръ атаки такою громадною массою конницы; по словамъ Румянцева, «намъ и конца ея не

было видно». Встрѣченная жестокимъ орудійнымъ огнемъ на правомъ крылѣ, она отшатнулась влѣво—и всею массою обрушилась на дивизіи Брюса и Репнина, охватила ихъ со всѣхъ сторонъ, прорвалась черезъ ихъ интервалъ, заскакала въ тылъ дивизіи Олица. Казалось, подъ ея напоромъ ничто устоять не можетъ; но самое многолюдство врага послужило причиною къ его неудачѣ: сто тысячъ всадниковъ, стѣснившихся на ничтожномъ пространствѣ, какое занимала наша боевая линія, могли только мѣшать другъ другу, а картечь производила въ ихъ рядахъ такое опустошеніе, что изъ людскихъ и конскихъ труповъ мгновенно выростали громадныя баррикады. Какъ волны бушующаго моря о прибрежныя скалы, разбивалась о наши кареи турецкая конница, и снова, и снова налетала на штыки и залпы. Дымъ отъ ружейнаго и пушечнаго огня черною тучей висѣлъ надъ полемъ сраженія, и мѣшалъ даже видѣть, куда направляетъ свои удары непріятель. Что дѣлали въ эти минуты Нижегородцы и кирасиры Наслѣдника, стоявшіе между кареями и, слѣдовательно, бывшіе въ самомъ пылу отчаянной битвы, реляція не говоритъ; но если судить по самому ходу боя, то они, по всей вѣроятности, принимали участіе въ немъ въ этотъ моментъ только огнемъ своихъ карабиновъ. Четыре часа длилась эта, ни на минуту не перерывавшаяся битва; желѣзная стойкость румянцевскаго солдата вынесла это испытаніе,—и стотысячная конница, истощившаяся въ безплодныхъ усиліяхъ, скрылась за свои ретраншаменты.

Было 8 часовъ утра. Русскія войска огласили поле обычнымъ въ то время военнымъ крикомъ: «Виватъ Екатерина!» и двинулись къ турецкимъ укрѣпленіямъ. Они уже были близко, — «рукой подать!» по выраженію Румянцева,—какъ вдругъ десять тысячъ янычаръ, устроившихъ засаду подъ самымъ укрѣпленіемъ, мгновенно появились изъ лощины и съ саблями въ рукахъ ворвались въ нашу пѣхоту. Этотъ ударъ палъ на каре Племянникова; оно было разорвано, смято, обращено въ бѣгство. Русскія пушки замолкли, два русскихъ знамени уже вѣяли въ рукахъ турецкихъ янычаръ. Еще минута—и бѣжавшіе солдаты смяли бы дивизію Олица. Тогда-то Румянцевъ произнесъ свои исторически-знаменитыя слова: «Теперь настало наше дѣло!»—и самъ поскакалъ на встрѣчу бѣгущимъ. Его появленіе остановило ихъ. Видя опасность, которой подвергался самъ главнокомандующій, солдаты быстро собрались вокругъ вождя и заслонили его своею грудью. Между тѣмъ изъ каре Олица подбѣгалъ 1-й гренадерскій полкъ; спѣшила помощь и изъ колонны Брюса. Остановленные въ сво-

емъ натискѣ янычары подались назадъ—и въ этотъ-то моментъ на нихъ бросилась вся русская кавалерія. Нижегородскій полкъ, предводимый своимъ полковникомъ Панинымъ, имѣлъ счастье быть сподвижникомъ въ этой блистательной атакѣ, окончившейся совершеннымъ истребленіемъ янычаръ, такъ что грозное имя ихъ навсегда утрачиваетъ съ этихъ поръ свое обаяніе,—Кагулъ сталъ ихъ могилою. По донесенію Румянцева, «наша тяжелая конница великую часть янычаръ положила на мѣстѣ, а остальныхъ погнала и вмѣстѣ съ ними вскочила въ ретраншаменты». А тамъ, въ ретраншаментахъ, уже была русская пѣхота. Сводный гренадерскій батальонъ графа Воронцова, во главѣ дивизіи Боура, первый овладѣлъ 25-ти-пушечною батареею и проложилъ остальнымъ дорогу къ побѣдѣ. Подъ стремительнымъ ударомъ этой дивизіи турки почти моментально потеряли 98 орудій, и затѣмъ уже не могли оправиться. Еще напоръ—и турецкая армія, объятая паникой, стремительно побѣжала. Наступила опять минута для дѣйствія нашей кавалеріи,—и Нижегородцы, вмѣстѣ съ другими полками, неслись на головахъ турокъ до самаго Дуная ([16]).

Никакихъ подробностей о подвигахъ и потеряхъ собственно Нижегородскаго полка на Кагульскомъ полѣ не сохранилось; но и немногія свѣдѣнія, дошедшія до насъ, даютъ о нихъ нѣкоторое понятіе. Изъ числа офицеровъ трое: секундъ-маіоръ Татищевъ, ротмистръ Горынинъ и поручикъ Скарятинъ произведены въ слѣдующіе чины ([17]); вахмистръ Иванъ Гайдуковъ раненъ саблею въ руку, карабинеры: Григорій Леоновъ пикою въ голову и Александръ Алексѣевъ пистолетной пулею въ бокъ—все раны, свидѣтельствующія объ участіи Нижегородцевъ въ горячей рукопашной схваткѣ ([18]). Вотъ немногія имена, которыя должны стать священнымъ достояніемъ потомства, наслѣдіемъ отъ той заповѣдной старины, когда еще только входила яркая звѣзда Нижегородской славы, съ тѣмъ чтобы горѣть въ вѣкахъ *«не зная заката»* ([19]).

Кагульское сраженіе окончилось въ полдень 21 іюля. Турки разбиты были въ прахъ; татары, не успѣвшіе помочь имъ, сами развѣялись прахомъ. Мы потеряли только тысячу человѣкъ; турки потеряли до 40 тысячъ. Весь лагерь съ великолѣпною ставкою верховнаго визиря, 140 орудій и 60 знаменъ остались въ рукахъ румянцевской арміи. «Да позволено мнѣ будетъ, Всемилостивѣйшая Государыня», писалъ Румянцевъ къ императрицѣ, донося о побѣдѣ, «уподобить настоящее дѣло—дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ Вы велѣли мнѣ подражать: не такъ ли армія

Вашего Императорскаго Величества поступаетъ теперь, когда не спрашиваетъ какъ великъ непріятель, а ищетъ только, гдѣ онъ» ([20]). И императрица отмѣтила Кагульскую битву учрежденіемъ особой серебряной медали, которая роздана была всѣмъ участникамъ ея для ношенія на голубой андреевской лентѣ ([21]).

Поле достопамятной битвы теперь лежитъ въ сторонѣ отъ почтовой дороги, верстахъ въ десяти отъ небольшого городка, носящаго славное имя Кагула. За станціею Грачени, откуда шелъ Румянцевъ, мѣстность начинается уже холмистая; дорога идетъ долиной рѣчки Кагула, пробирающейся едва замѣтною струйкой къ обширному лиману, гдѣ Прутъ сливается съ Дунаемъ. Подъѣзжая къ полю, вы издали увидите высокій холмъ, и на немъ колонну дорическаго ордена, увѣнчанную золоченымъ крестомъ надъ опрокинутою луною. Это—памятникъ Кагульской битвы. Онъ воздвигнутъ спустя 75 лѣтъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла ставка верховнаго визиря. Къ сѣверу отъ памятника тянутся тѣ гребни, по которымъ русскія войска шли атаковать турецкую армію, а за ними, въ туманной дали, неясною чертою синѣетъ Трояновъ валъ, воскрешая въ памяти Римъ съ его легендарными легіонами. Мѣстность кругомъ пустынная, безлюдная. Колонна, стоящая одиноко на открытомъ холмѣ, невольно поражаетъ взоръ своимъ величіемъ и переноситъ мысли туда,—

Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой...

Надпись на колоннѣ довершаетъ общее впечатлѣніе. «Памятникъ сей незабвенной битвѣ», гласитъ она: «въ которой пали навсегда свирѣпые янычары, нѣсколько столѣтій страшившіе Европу, Азію и Африку, поставленъ велѣніемъ Николая І-го, Императора и Самодержца всея Россіи, въ лѣто 1845. ([22]).

Кагульскою битвою закончилось участіе Нижегородскаго полка въ кампанію 1770 года. Осенью отдѣльные русскіе отряды овладѣли цѣлымъ рядомъ турецкихъ крѣпостей, лежавшихъ по лѣвому берегу великой славянской рѣки; но Нижегородскій полкъ, отведенный вмѣстѣ съ главными силами на зимовыя квартиры, простоялъ все это время въ молдаванскомъ селеніи Татарешты, недалеко отъ Прута ([23]).

Прошла зима. Армія, предводимая Румянцевымъ, по прежнему была слишкомъ малочисленна, чтобы вести наступательную войну, и ограничилась строго оборонительными дѣйствіями. Ея боковые корпуса выполняли

карабинерному полку раченіемъ полковника Николая Панина. 1767 годъ». Такая же надпись на литаврахъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ эти массивныя, украшенныя двуглавыми орлами, литавры пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе историческое значеніе, какъ единственная вещь, на которой еще уцѣлѣло изображеніе стариннаго полкового герба, служившаго девизомъ Нижегородцевъ въ памятные дни Бара, Кракова, Ларги, Кагула и Журжи.

Прощаясь съ старымъ начальникомъ, Нижегородцы, однакоже, съ полною вѣрой и съ свѣтлыми надеждами могли смотрѣть на будущее. Мѣсто Панина въ ихъ средѣ занялъ доблестный князь Димитрій Константиновичъ Кантемиръ, внукъ извѣстнаго сатирика, принадлежавшій къ людямъ рѣзко выдѣляющимся своими необыкновенными способностями. Турецкая война выработала изъ него такого замѣчательнаго партизана, о которомъ говорила цѣлая армія. Всегда и всюду видѣли его впереди своихъ партій; имя его во многочисленныхъ реляціяхъ упоминалось не иначе, какъ съ эпитетомъ «храбрый»; отвага его вошла тогда въ пословицу. Цѣлый рядъ отличій, вызвавшихъ замѣчаніе Потемкина, «что наша кавалерія еще никогда такъ не дѣйствовала» — доставили ему георгіевскій крестъ, чинъ полковника и командованіе Нижегородцами. Подъ начальствомъ этого-то отважнаго человѣка полкъ и вступалъ въ кампанію 1773 года.

Уже въ февралѣ мѣсяцѣ этого года русская армія получила приказаніе готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ мирные переговоры, тянувшіеся цѣлый годъ, не привели ни къ чему. Полки, квартировавшіе въ Валахіи, были между тѣмъ въ крайнемъ разстройствѣ; среди нихъ свирѣпствовалъ скорбутъ въ такой сильной степени, что, выступая изъ Топоровецъ 30 апрѣля, Нижегородскій полкъ оставилъ на квартирахъ болѣе 150 больныхъ нижнихъ чиновъ, а изъ штабъ-офицеровъ не было въ строю ни одного, кромѣ самого Кантемира ([33]).

Надежды Нижегородцевъ на блестящую роль, какую могло обѣщать полку въ открывавшейся кампаніи начальствованіе князя Кантемира, также оправдались далеко не вполнѣ. Полкъ, назначенный въ дивизію, расположенную на Нижнемъ Дунаѣ, попалъ подъ команду графа Салтыкова, человѣка осторожнаго, избѣгавшаго всякой иниціативы въ военныхъ дѣйствіяхъ. И въ то время, какъ Суворовъ совершалъ свой знаменитый поискъ на Туртукай, Вейсманъ билъ турокъ при Гурабалахъ, а самъ Румянцевъ осаждалъ Силистрію, Нижегородцы обречены были на невольное бездѣйствіе, ограничиваясь только наблюденіями за Турно и Рущукомъ. Есть,

однако, свѣдѣніе, что Нижегородскій полкъ принималъ участіе въ какой-то экспедиціи Суворова и даже во время двухъ переходовъ, 25 и 30 мая, потерялъ восемь лошадей, павшихъ отъ утомленія на форсированномъ маршѣ (34); но въ чемъ заключалось это движеніе, никакихъ указаній не сохранилось. Неизвѣстно также, гдѣ и при какихъ условіяхъ убитъ 26 іюля ротмистръ Нижегородскаго полка графъ Афанасій Торанитъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ поступившій въ полкъ изъ отставки (35).

Отступленіе нашихъ войскъ отъ Силистріи вызвало нѣкоторое оживленіе въ дѣятельности турокъ, попытавшихся даже 12 августа перейти на лѣвый берегъ Дуная около Журжи. Но и эта попытка, окончившаяся для нихъ весьма неудачно, доставила возможность принять участіе въ дѣлѣ только двумъ эскадронамъ Нижегородскаго полка, находившимся отдѣльно въ отрядѣ генерала Энгельгардта. Высланные впередъ съ ротмистромъ Патресовымъ, они во-время поддержали наши передовые посты и вмѣстѣ съ ними задерживали переправу турокъ до прибытія всего отряда. Съ появленіемъ пѣхоты, турки быстро отступили къ судамъ; но при начавшейся здѣсь суматохѣ, когда суда оказались стоявшими уже подъ огнемъ нашей артиллеріи, выстроившейся по берегу Дуная, часть непріятельской пѣхоты была отрѣзана и истреблена эскадронами Патресова (36). Подобныя стычки, о которыхъ не всегда упоминалось даже въ реляціяхъ, происходили, быть можетъ, и прежде, и послѣ означеннаго дѣла; но съ достовѣрностію можно сказать одно, что до половины сентября мѣсяца на лѣвомъ берегу Дуная никакихъ выдающихся военныхъ событій не происходило.

Сентябрь мѣсяцъ принесъ съ собою нѣкоторую перемѣну въ положеніи Нижегородскаго полка. Румянцевъ обратилъ вниманіе на крѣпость Турно, которая одна оставалась еще во власти непріятеля на лѣвомъ берегу Дуная, и покореніе ея возложено было естественно на корпусъ Салтыкова. Салтыковъ, однако, уклонился отъ этого порученія, ссылаясь на то, что «по всему Дунаю нѣтъ пункта сильнѣе Турно, и что ежели главная армія не могла овладѣть Силистріею, то дѣйствія противъ Турно малочисленной дивизіи и совсѣмъ не обѣщаютъ успѣха». Все, что принималъ онъ на себя—это выманить непріятеля изъ укрѣпленнаго лагеря и разбить его въ полѣ (37). Но то, за что онъ брался, ему удалось выполнить блистательно. Составленъ былъ слѣдующій планъ: вся легкая кавалерія, усиленная двумя эскадронами Нижегородскаго полка, подъ

командой князя Кантемира, должна была сбить непріятельскіе посты и, произведя общую тревогу въ лагерѣ, быстро отступить на Баранешты. Разсчитывали, что непріятель, увлеченный преслѣдованіемъ, далеко отойдетъ отъ Турно и тогда Салтыковъ отрѣжетъ ему отступленіе. Въ главныхъ чертахъ все это такъ и случилось. 16-го сентября, на разсвѣтѣ, Кантемиръ сбилъ турецкіе аванпосты, пронесся черезъ весь непріятельскій лагерь и, произведя въ немъ общее смятеніе, выскочилъ на баранештскую дорогу. Непріятель не скоро пришелъ въ себя отъ изумленія; но когда опомнился,—за Кантемиромъ понеслась вся пяти-тысячная конница турокъ.

Очередь дѣйствовать была за самимъ Салтыковымъ. Но въ тотъ моментъ, когда войска его уже готовы были къ движенію, пришло извѣстіе, что изъ Фламунды идетъ новый трехъ-тысячный отрядъ, чтобы атаковать самого Салтыкова. Обстоятельства перемѣнились до того внезапно, что Салтыкову оставалось, повидимому, только отказаться отъ прежняго плана; но онъ съумѣлъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія съ замѣчательной находчивостію. Тотчасъ посланы были казаки передать Кантемиру, чтобы онъ оставилъ противъ непріятеля только легкую конницу, а самъ съ двумя Нижегородскими эскадронами вернулся какъ можно поспѣшнѣе. Кантемиръ прискакалъ обходною дорогой, и Салтыковъ приказалъ ему со всѣмъ Нижегородскимъ полкомъ задерживать фламундскій отрядъ до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не выйдетъ на баранештскую дорогу, а затѣмъ отступить. Но Кантемиръ не только задержалъ турецкій отрядъ, но разбилъ его на голову и загналъ въ Фламунду. Подробностей этого молодецкаго дѣла, къ сожалѣнію, не сохранилось; извѣстно только, что въ числѣ бѣжавшихъ передъ Нижегородцами были Виддинскій паша и сераскиръ изъ Никополя.

Пока дѣло шло у Фламунды, Салтыковъ достигъ баранештской дороги и, отрѣзавъ отступленіе туркамъ, вышедшимъ изъ Турно, поставилъ ихъ между двумя огнями. Часть ихъ успѣла прорваться, но встрѣчена была опять Нижегородцами, возвращавшимися изъ Фламунды, и понесла здѣсь уже окончательное пораженіе; одними убитыми турки потеряли 1.500 человѣкъ, и если предположить, что такое же число было раненыхъ, то выйдетъ, что изъ всего отряда не вернулось въ крѣпость и половины. Гарнизонъ былъ обезсиленъ и приведенъ въ невозможность грозить своими набѣгами Валахіи. Въ Нижегородскомъ полку, сколько извѣстно, убито было 20 лошадей и пропалъ безъ вѣсти одинъ трубачъ ([38]).

Наступила поздняя осень. Войска наши дѣйствовали въ то время противъ Бабадага, Базарджика и Варны. Салтыкову также приказано было перейти Дунай и обложить Рущукъ, чтобы отвлечь вниманіе и силы непріятеля отъ главныхъ пунктовъ, куда направлялись наши удары. Нижегородскому полку довелось, наконецъ, переступить заповѣдный рубежъ и стать на турецкую землю. Въ концѣ октября Рущукъ былъ обложенъ, а для прикрытія блокадной линіи со стороны Туртукая, гдѣ также находились турецкія войска, выдвинутъ былъ къ Черноводамъ, подъ командой Кантемира, небольшой наблюдательный отрядъ, въ составъ котораго вошли два эскадрона Нижегородцевъ, Сербскій гусарскій полкъ и батальонъ егерей. Присутствіе въ Черноводахъ отряда сильно стѣсняло сообщенія блокированной крѣпости и заставило рущукскаго пашу выслать для уничтоженія его трехъ-тысячную конницу. Узнавъ объ этомъ, Кантемиръ по своему обыкновенію не сталъ выжидать нападенія, а самъ атаковалъ турокъ и 10 ноября разбилъ ихъ на голову. Непріятель не хотѣлъ, однако, отказаться отъ мысли вытѣснить наши войска изъ Черноводовъ, и 18 ноября послалъ новый, уже значительный отрядъ, составленный изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Къ Кантемиру, между тѣмъ, подошли въ подкрѣпленіе три остальные эскадрона Нижегородскаго полка. Въ моментъ нападенія турокъ самъ Кантемиръ былъ боленъ, а за его отсутствіемъ отрядомъ командовалъ полковникъ Уваровъ. Турки подошли на разсвѣтѣ и, укрывшись въ лощинѣ, открыли по лагерю страшный огонь, тогда какъ наши выстрѣлы не могли вредить имъ. Чтобы заставить непріятеля выйти въ чистое поле, Уваровъ приказалъ начать фальшивое отступленіе. Турки дались въ обманъ. Но едва отдѣлились они отъ лощины на значительное разстояніе, какъ весь Нижегородскій полкъ повернулъ назадъ и врѣзался въ самую середину ихъ. Пока кипѣлъ кавалерійскій бой, подоспѣла наша пѣхота, и турки, поражаемые съ двухъ сторонъ, бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 400 тѣлъ и одно орудіе. Потери и съ нашей стороны были, однако, большія. Одинъ Нижегородскій полкъ, даже по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя сохранились, потерялъ шесть человѣкъ убитыми и 26 ранеными,— изъ нихъ 12 холоднымъ оружіемъ; нѣкоторые имѣли по нѣскольку ранъ: карабинеръ Леоновъ—двумя пулями, Егоровъ пулей и ятаганомъ, Дубасовъ пикой и саблею. Многія раны оказались смертельными, и въ теченіе первыхъ же двѣнадцати дней умерло отъ нихъ 14 человѣкъ. Кромѣ

того трое Нижегородцевъ пропали безъ вѣсти. Лошадей въ полку убито 18, а изъ числа раненыхъ, въ небольшой промежутокъ времени съ 18-го по 30-е ноября, исключено изъ нихъ упалыми 90 ([39]).

Сраженіе подъ Черноводами было для Нижегородцевъ послѣднимъ эпизодомъ въ кампанію 1773 г. Салтыковъ 24 ноября перешелъ обратно Дунай и войска его расположились на зимовыя квартиры. Нижегородскій полкъ опять остался въ Валахіи и занялъ м. Торговешты.

Въ слѣдующемъ 1774 году, корпусу Салтыкова выпала роль, имѣвшая болѣе существенное значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій. Въ то время какъ Суворовъ съ Каменскимъ, въ началѣ іюня мѣсяца, заняли Базарджикъ и разбили 40-тысячный турецкій корпусъ при Козлуджи, а главныя силы Румянцева шли на Гурабалы,—въ это время Салтыковъ перешелъ Дунай у Туртукая и 9 іюня разбилъ на голову 15-тысячный корпусъ сераскира Ассанъ-Бея. Непріятель потерялъ въ этомъ дѣлѣ 2.500 человѣкъ только убитыми, пушку и три знамени. Какъ ни мало говорятъ оффиціальные источники о дѣйствіяхъ собственно Нижегородскаго полка въ этомъ бою, но уже по одному списку раненыхъ нижнихъ чиновъ, имена которыхъ дошли до насъ, ясно, что онъ побывалъ въ горячей рукопашной схваткѣ; только одинъ изъ раненыхъ, — Иванъ Хорошевъ пострадалъ отъ пули, а трое остальныхъ, Тихонъ Вяткинъ, Алексѣй Петровъ и Прокофій Воронинъ—ранены саблями ([40]).

Отъ Туртукая корпусъ Салтыкова перешелъ къ Рущуку; но тутъ военныя дѣйствія остановились, и Кучукъ-Кайнарджинскій миръ 10 іюля 1774 г. положилъ окончаніе первой турецкой войнѣ. Императрица учредила въ память ея особую медаль, которая своею оригинальною четыреугольною формою столько же отличается отъ другихъ медалей, сколько самая война выдѣляется изъ другихъ безсмертными побѣдами подъ Ларгой и Кагуломъ([41]). Нижегородскій полкъ прошелъ черезъ Молдавію въ польскія границы и тамъ провелъ зиму въ дер. Ворошиловкѣ ([42]). Кантемира съ нимъ въ это время уже не было. Мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, какія причины побудили его внезапно покинуть армію и даже службу, въ которой онъ завоевалъ себѣ такое почетное имя; но изъ нѣкоторыхъ донесеній Румянцева и писемъ его къ отцу нашего князя можно заключить о какой-то тяжкой болѣзни и потомъ проступкѣ, совершенномъ Кантемиромъ въ полусознательномъ состояніи. На мѣсто его командиромъ Нижегородскаго полка назначенъ былъ полковникъ Отто фонъ-Гаундрикъ,

имя котораго также не разъ встрѣчалось въ нашихъ военныхъ реляціяхъ ([43]), и подъ его-то командой полкъ, раннею весной 1775 года, вернулся въ Россію. Назначенный по новому росписанію въ 7-ю (Нижегородскую) дивизію графа Орлова Чесменскаго, онъ расположился на постоянныя квартиры въ городѣ Муромѣ ([44]).

Три четверти вѣка службы Нижегородцевъ, преимущественно на западныхъ и южныхъ окраинахъ Русскаго государства, стали съ тѣмъ вмѣстѣ достояніемъ исторіи. Наступала эпоха, въ которой ихъ ждала жизнь и боевая дѣятельность въ иныхъ, совершенно новыхъ условіяхъ.

XII.

Послѣднія восемь лѣтъ въ Россіи.

(1775—1783).

Квартиры въ Муромѣ. — Нижегородцы и Астраханцы составляютъ одинъ драгунскій полкъ.—Полковникъ Жихаревъ.—Изъ Мурома въ Тамбовъ.—Въ Оренбургскихъ степяхъ.—Широкое расположеніе полка въ 92 деревняхъ.—Полковая жизнь.—Строевое образованіе полка.—Полковникъ Давыдовъ.—Черезъ Воронежъ на Кубань.—Значеніе для полка школы Румянцева и Потемкина.

Возвратившись послѣ турецкой войны на родину, Нижегородскій полкъ пережилъ восемь лѣтъ, не богатыхъ выдающимися событіями, но имѣвшихъ въ его исторіи глубокій смыслъ и значеніе. Первые три года провели Нижегородцы въ Муромѣ и потомъ въ Тамбовѣ, занятые исключительно своими внутренними дѣлами. То было время широкихъ преобразованій во всей русской арміи, и Нижегородскій полкъ былъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ они отразились съ особенною силой.

Еще въ Семилѣтнюю войну, подъ вліяніемъ Румянцева, начинаютъ

измѣняться взгляды на все, что носило на себѣ характеръ иноземнаго; турецкая война дала широкое теченіе этому направленію, — и прусскіе порядки въ войскахъ все болѣе и болѣе отходятъ въ область преданій. Появленіе Суворова съ его великими военными идеями, назначеніе на постъ вице-президента Военной коллегіи одного изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Россіи, Потемкина, человѣка вполнѣ русскаго, рѣдкаго по дарованіямъ организатора и администратора,—окончательно довершили то, что начато было Румянцевымъ. Военныя преобразованія въ направленіи чисто русскомъ, національномъ, стали фактомъ.

Одной изъ первыхъ задачъ Потемкина было вернуть русскую кавалерію на путь, завѣщанный Петромъ, и возстановить въ рядахъ ея значеніе драгунъ, утраченное съ Семилѣтней войны, когда, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ идей, вся русская конница превращена была въ тяжелую.

Ссылаясь на боевой опытъ, особенно на Туртукай, гдѣ Астраханскій карабинерный полкъ, вооруженный Суворовымъ пѣхотными ружьями, много содѣйствовалъ успѣху славнаго набѣга тѣмъ, что дѣйствовалъ на коняхъ и пѣшкомъ, — Потемкинъ категорически призналъ драгунъ «оружіемъ полезнѣйшимъ и самонужнѣйшимъ». «Изъ нихъ, обученныхъ двоякому способу дѣйствій», говорилъ онъ, «можно дѣлать и двоякое употребленіе, смотря по обстоятельствамъ, не заимствуя въ помощь и въ подкрѣпленіе имъ ни пѣхоты, ни кавалеріи». Онъ потребовалъ только, чтобы драгунскіе полки были организованы по образцу легко-конныхъ, и прежде всего избѣгали бы нѣги лошадей, обычной въ конницѣ такъ называемой тяжелой, «которая только тяжела сама себѣ, а не ударомъ непріятелю».

Тѣ немногіе полки, которые удержали за собой названіе драгунъ, были обращены послѣ Семилѣтней войны исключительно на военно-полицейскую службу по разнымъ городамъ Имперіи, и находились въ совершенномъ разстройствѣ. Потемкинъ тотчасъ же позаботился освободить ихъ отъ этой несвойственной имъ роли, привести въ десяти-эскадронный составъ, и даже самое число ихъ увеличить на счетъ тяжелой кавалеріи. Съ этою цѣлью Потемкинъ предположилъ изъ четырехъ карабинерныхъ полковъ: Нижегородскаго, Астраханскаго, С.-Петербургскаго и Архангелогородскаго, образовать два десяти-эскадронные драгунскіе полка, обративъ весь Астраханскій на усиленіе Нижегородскаго, а Архангелогородскій — С.-Петербургскаго. И 24 октября 1775 года императрица и утвердила докладъ Военной коллегіи въ этомъ смыслѣ ([1]).

Указъ этотъ Нижегородцы получили въ Муромѣ, и тамъ же произведено было переформированіе полка на слѣдующихъ основаніяхъ (2):

1) Весь Астраханскій полкъ, въ полномъ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по прибытіи въ Муромъ, присоединился къ Нижегородскому, образовавъ вторую половину его, т. е. 6, 7, 8, 9 и 10 эскадроны.

2) Командиръ Астраханскаго полка полковникъ Степанъ Даниловичъ Жихаревъ назначенъ командиромъ Нижегородскаго, на мѣсто полковника Гаундрика, зачисленнаго по арміи.

3) Всѣ офицеры Астраханскаго полка, излишніе по новому штату, переведены въ другіе полки, или причислены къ Военной коллегіи.

4) Штандарты, литавры, обозъ и всѣ свои денежныя суммы Астраханскій полкъ сдалъ въ московскій кригсъ-комиссаріатъ; и туда же отправилъ свои штандарты и Нижегородскій полкъ, какъ подлежавшіе перемѣнѣ, по случаю переименованія его изъ карабинернаго въ драгунскій.

Переформированіе закончено было къ веснѣ 1776 года, и полкъ, уже въ десяти-эскадронномъ составѣ, подъ командою Жихарева, перешелъ на новыя квартиры, въ Тамбовъ (3).

Такимъ образомъ Нижегородскій полкъ сложился теперь изъ двухъ элементовъ. Но элементы эти были въ высшей степени родственные и близкіе другъ другу по духу. Астраханскій полкъ былъ сверстникомъ Нижегородскаго. Сформированный одновременно съ нимъ въ 1701 году, лишь на другомъ концѣ Россіи, въ Украйнѣ, онъ началъ свое боевое поприще, подъ именемъ драгунскаго князя Ивана Львова полка, въ Лифляндіи. Въ длинномъ боевомъ формулярѣ его вы встрѣчаете петровскія войны, калмыцкія степи, Кавказъ, Крымъ, миниховскіе походы... Онъ не былъ ни въ Семилѣтней войнѣ, ни въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ, но за то исходилъ въ это время казанскія и оренбургскія степи, усмиряя страшные башкирскіе бунты, предвѣстники пугачевщины. Турецкую кампанію Румянцева онъ провелъ на Дунаѣ. Здѣсь-то онъ и прославилъ себя двумя историческими подвигами, обратившими вниманіе Потемкина на боевое значеніе драгунъ; это были взятіе Туртукая съ Суворовымъ и Журжи съ Кантемиромъ—побѣды, которыя могли быть одержаны кавалеріей только способной какъ къ конному, такъ и къ пѣшему бою (4). Туртукай и Журжа поставили Астраханскій полкъ на степень одной изъ лучшихъ боевыхъ единицъ русской конницы,—и его вступленіе въ ряды Нижегородскаго обѣщало только усилить боевыя качества послѣдняго.

Даже та самостоятельность, съ которою вступили въ составъ его астраханскіе эскадроны, не смѣшанные съ нижегородскими, имѣла свою долю пользы, служа источникомъ взаимнаго соревнованія двухъ частей, одинаково богатыхъ традиціями.

Самостоятельность эта, впрочемъ, нужно сказать, существовала недолго: въ Тамбовѣ послѣдовало новое распоряженіе, чтобы лошади въ эскадронахъ были подобраны по мастямъ, при чемъ въ Нижегородскомъ полку масть опредѣлена: въ первыхъ двухъ эскадронахъ—вороная, въ 3 и 4—бурая, въ 5 и 6—гнѣдая, въ 7 и 8—сѣрая и, наконецъ, въ 9 и 10—рыжая ([5]). Лошади переводились изъ одного эскадрона въ другой, а съ ними и люди, и, такимъ образомъ, астраханцы попадали въ нижегородскіе эскадроны, а нижегородцы въ астраханскіе; все перемѣшалось, слилось во-едино—и образовался одинъ Нижегородскій полкъ, съ его исторически сложившимся духомъ, съ его характернымъ направленіемъ, понятіями и преданіями.

Въ Тамбовѣ же полку пришлось перемѣнить свою старую карабинерную форму на драгунскую и перевооружиться. Штандарты опять замѣнились знаменами, изъ которыхъ одно было бѣлое, а девять цвѣтныхъ, съ изображеніемъ на нихъ уже не полкового, а государственнаго герба, который въ первый разъ появляется тогда и на полковыхъ печатяхъ. Одежда Нижегородскаго драгуна въ общихъ чертахъ осталась та же; но шляпа его была безъ галуна и кескета; синій кафтанъ замѣнился свѣтло-зеленымъ, а красный камзолъ—палевымъ; офицеры носили серебряные эполеты, а у нижнихъ чиновъ они были изъ краснаго шелка; полковой прикладъ остался попрежнему красный. И если что составляло рѣзкое нововведеніе, касавшееся, впрочемъ, уже всей русской кавалеріи,—это епанчи изъ бѣлаго сукна, на столько же красивыя въ строю, на сколько неудобныя въ походномъ быту солдата. Вооруженіе драгуна состояло изъ сабли въ кожаныхъ ножнахъ съ желѣзной лакированной оправой, и ружья со штыкомъ. Лошадь его сѣдлалась теперь легкимъ венгерскимъ сѣдломъ, а чепракъ замѣнился вальтрапомъ съ желтымъ суконнымъ лампасомъ и вензелями императрицы ([6]).

Прошло еще два года мирной стоянки Нижегородцевъ въ Тамбовѣ среди родныхъ деревень, и полкъ получилъ приказаніе опять готовиться къ походу въ далекій Оренбургскій край. Пустынный и дикій край этотъ подъ пепломъ затушенной пугачевщины еще таилъ въ себѣ опасные го-

рючіе матеріалы, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли снова вспыхнуть разрушительнымъ пожаромъ. Правительство, вынужденное чутко слѣдить за тревожнымъ населеніемъ его, за вольными, какъ вѣтеръ непостоянными кочевниками, рѣшило двинуть туда нѣсколько полковъ. Въ число ихъ вошелъ и нашъ Нижегородскій, перечисленный вслѣдъ за тѣмъ изъ 7-й въ 9-ую, Воронежскую, дивизію, стоявшую между Дономъ и Волгой (7).

Осенью 1778 года выступилъ полкъ изъ Тамбова и скоро передъ нимъ раскинулись вольныя, широкія, безлюдныя равнины. Но это не были зеленыя приволья Украйны и Новороссіи или песчаныя степи Астрахани и даже Кизляра, а просто какая-то безбрежная пустыня, по которой можно было ѣхать тысячи верстъ и не встрѣтить живого существа—развѣ шайку разбойниковъ, пробиравшуюся куда-нибудь на караванную дорогу. На самой границѣ этихъ степей Нижегородцы и расположились. Здѣсь имъ суждено было провести цѣлыхъ пять лѣтъ скучной монотонно-образной жизни, въ которой даже конвоированіе какого-нибудь каравана, идущаго на верблюдахъ, составляло уже развлеченіе, занимавшее всѣхъ, составлявшее предметъ разговоровъ, тревожившее умы и воображеніе. Разъ въ годъ полкъ собирался на лѣтній кампаментъ то въ самый Оренбургъ, то подъ Бузулукскую крѣпость, а въ остальное время онъ былъ разбросанъ на такомъ огромномъ пространствѣ, что офицеры не рѣдко отъ кампамента до кампамента не видали другъ друга. Полковой штабъ устроился въ Самарѣ еще довольно сносно, даже соорудилъ полковую церковь во имя Николая чудотворца; но объ устройствѣ эскадроновъ нечего было и думать: довольно сказать, что разсѣянные небольшими командами по всему малолюдному Ставропольскому округу, они занимали девяносто двѣ деревни, изъ которыхъ дальняя отстояла на 225 верстъ отъ штаба (8).

Повидимому для Нижегородцевъ, по крайней мѣрѣ для многихъ изъ нихъ, стоянка въ Оренбургскихъ степяхъ не была новинкою; офицеры и нижніе чины, поступившіе изъ Астраханскаго полка, сравнительно недавно только вернулись оттуда,—и тѣмъ не менѣе теперь скука и тоска для людей, привыкшихъ жить стройною, дружескою общиною, были убійственныя; развлеченій—никакихъ. Голыя безпредѣльныя равнины, то погребенныя подъ колоссальными сугробами снѣга, то выжигаемыя солнцемъ до корня травъ, не могли не положить отпечатка на людяхъ, которые ихъ населяли, и Нижегородцы видѣли кругомъ только угрюмыя лица суровыхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ.

Послѣ недавняго бунта край начиналъ успокаиваться, дороги становились безопасными, и драгуны, назначаемые небольшими командами для прикрытія каравановъ, несли эту службу, что называется, только для очистки совѣсти. Изрѣдка на горизонтѣ показывался передъ ними хищный киргизъ въ остроконечномъ малахаѣ, съ длинною камышевою пикой, или стороною проносился на крѣпкомъ длинно-гривомъ скакунѣ башкирскій батырь, скуластый, узкоглазый, въ большой рысьей шапкѣ, съ колчаномъ стрѣлъ за спиною; но они такъ же быстро исчезали, какъ появлялись, и случая къ схваткамъ съ этими дико-оригинальными наѣздниками никогда не представлялось. Кругомъ было все тихо—ни выстрѣла, ни пѣнія стрѣлы, ничего, что бы хоть чѣмъ-нибудь напомнило собою боевую стихію. Вяло и однообразно протекали длинные дни. Молодые офицеры покидали полкъ, и кто могъ—переходилъ въ Россію. Вообще офицеровъ оставалось такъ мало, что одно время, послѣ смерти капитана Петулова, некому было принять эскадрона, и имъ завѣдывалъ временно аудиторъ Соколовъ (9).

Офицеры, остававшіеся въ полку, поневолѣ подъ вліяніемъ глухой жизни, лишенной всякихъ интересовъ, должны были искать развлеченій въ нравственномъ смыслѣ не всегда безупречныхъ. Въ тогдашнихъ приказахъ по полку и встрѣчается рядъ суровыхъ наказаній, налагавшихся на офицеровъ въ большинствѣ случаевъ за буйство, за пристрастіе къ чарочкѣ, чаще же всего за донъ-жуанскія наклонности и похожденія, нетерпимыя въ строгой окружавшей ихъ раскольничьей средѣ. Оригинальны, замѣтимъ кстати, были тогда и наказанія. Одинъ офицеръ, подпоручикъ Шлиттеръ, посаженъ былъ подъ арестъ на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду; другой, подпоручикъ Вельяминовъ,—на цѣлый мѣсяцъ, съ лишеніемъ горячей пищи; третьяго, прапорщика Прокофьева, приказано было доставить въ Самару изъ эскадронной квартиры, верстъ за полтораста, пѣшкомъ и подъ карауломъ (10). Среди нижнихъ чиновъ развилась незаконная торговля виномъ, которою преимущественно занимались жены солдатъ. Чтобы уничтожить послѣднее, сильно укоренившееся, зло, Жихаревъ постановилъ неизмѣннымъ правиломъ, по которому мужъ солдатки, уличенной въ продажѣ вина, подвергался прогнанію сквозь строй черезъ пятьсотъ человѣкъ отъ одного до двухъ разъ, а солдатка—наказанію розгами передъ цѣлымъ полкомъ и затѣмъ изгнанію изъ полкового района метлами черезъ профоса. Исполненіе этихъ наказаній и подгонялось обыкновенно къ лѣтнему кампаменту (11).

Жихаревъ, какъ видно, былъ командиръ строгій. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ замѣчательный кавалеристъ въ духѣ Потемкина, насколько можно судить по его приказамъ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на сортъ лошадей въ своемъ полку, считая конскій составъ основою кавалерійскаго дѣла. Въ тѣ годы полковые командиры ремонтировали сами, и Жихаревъ ввелъ у себя лошадей исключительно степного типа—малороссійскихъ, донскихъ и даже башкирскихъ и киргизскихъ. Двѣ послѣднія породы оказались, по его замѣчанію, особенно пригодными, притомъ наиболѣе выгодными, такъ какъ никогда не ковались ([12]). Съ этимъ превосходнымъ конскимъ составомъ полку и пришлось впослѣдствіи участвовать въ кавказскихъ походахъ.

Хорошій подборъ лошадей вызывалъ и лихія кавалерійскія ученья. Атаку Жихаревъ считалъ въ кавалеріи вѣнцомъ строевого обученія и требовалъ ея «не только по прямому направленію, но и косою линіею съ охватомъ непріятельскихъ фланговъ и тыла». Еще съ большею настойчивостью онъ требовалъ, чтобы его эскадроны не знали у себя ни тыла, ни фланговъ. «Гдѣ непріятель,—тамъ и фронтъ», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ. И полкъ наметанъ былъ такъ, что дѣлалъ перемѣну фронта даже на самомъ карьерѣ. Въ другомъ наставленіи Жихаревъ писалъ: «Помнить, что главное условіе, сдѣлавъ заѣздъ или повернувшись кругомъ, не задерживаться на мѣстѣ ни одинъ секундъ, а прямо пускаться карьеромъ». Минутная задержка, какъ и минутное раздумье, по мнѣнію его, носили въ себѣ зародышъ неудачи, — и потому ученья его никогда не производились въ пустую. Это были или маневры одной половины полка противъ другой, или ученья съ обозначеннымъ противникомъ ([13]). Въ настоящее время все это, конечно, не представляетъ собой ничего особеннаго; но надо вспомнить, что потребовалось болѣе 70 лѣтъ для того, чтобы русская кавалерія вернулась опять къ тѣмъ принципамъ, которые примѣнялись на ученьяхъ Жихарева. О превосходномъ строевомъ образованіи полка осталось свидѣтельство и въ приказахъ генерала Рейнгольдта, командовавшаго тогда войсками Оренбургскаго корпуса.

Усилія одного полкового командира безъ хорошихъ помощниковъ, конечно, не могли бы привести къ такимъ блестящимъ результатамъ; но въ томъ-то и заключается заслуга Жихарева, какъ командира полка, что при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находился полкъ,

онъ все-таки съумѣлъ сформировать у себя отличный составъ эскадронныхъ командировъ; позднѣе, во время кавказской войны, многіе изъ нихъ составили себѣ прекрасную боевую репутацію. Отъ времени Жихарева существуютъ и первыя точныя указанія, кто и какимъ командовалъ въ полку эскадрономъ; именно: 1-мъ командовалъ капитанъ Сакенъ, 2—Хотяинцевъ, 3—Небольсинъ, 4—Веревкинъ, 5—Ефремовъ, 6—Пшежевскій, 7—Швейговеръ, 8—Ланге, 9—Шультенъ, и наконецъ 10—Меркуловъ ([14]). Изъ штабъ-офицеровъ еще оставались въ полку участники турецкой войны—Горынинъ и Гиршъ ([15]), и на нихъ-то, какъ на крѣпкомъ фундаментѣ, покоились полковыя традиціи.

9 іюня 1780 года Жихаревъ назначенъ былъ правителемъ Вятскаго намѣстничества, а Нижегородскій полкъ принялъ флигель-адъютантъ полковникъ Левъ Денисьевичъ Давыдовъ ([16]), родной дядя извѣстнаго поэта-партизана Дениса Давыдова. Подъ его командой Нижегородцы пробыли еще болѣе двухъ лѣтъ въ Оренбургскомъ краѣ.

Въ глубокую осень 1782 года, когда эскадроны разошлись уже по зимовымъ квартирамъ, полкъ неожиданно получилъ приказаніе собраться въ Самару и тотчасъ выступить на присоединеніе къ своей дивизіи. Надо полагать, что покореніе Крыма, и какъ послѣдствія его—безпокойства на Кубани были причиною этого экстреннаго распоряженія: правительство спѣшило сосредоточить ближайшія къ тревожнымъ пунктамъ войска, изъ которыхъ 9-я дивизія была къ нимъ самою близкою. И новый 1783 годъ Нижегородцы встрѣтили уже на походѣ въ Воронежское намѣстничество, гдѣ квартиры полку назначены были въ слободѣ Уразовой ([17]). Труденъ былъ этотъ зимній походъ въ рождественскіе и крещенскіе морозы, по степямъ, занесеннымъ снѣговыми сугробами. Фуража достать было негдѣ, и степныя лошади питались скудною подснѣжною травою; прежнія заводскія такого похода не вынесли бы. Людямъ было не лучше. Небольшія фортеціи, редуты, да казачьи городки, лежавшіе на пути, были такъ малы и бѣдны, что не могли давать убѣжища людямъ цѣлаго полка, двигавшагося однимъ эшелономъ, и ночевать приходилось бивуаками. Короткая, холодная епанча не защищала солдата отъ стужи, а о кострахъ, въ странѣ, гдѣ кромѣ кизяка не было другого топлива, нечего было и думать. Солдаты согрѣвались лишнею чаркою водки, да мясомъ, которое отпускалось въ двойномъ и даже въ тройномъ количествѣ ([18]). Впрочемъ, это былъ уже не первый

зимній походъ Нижегородцевъ; старые командиры и солдаты успѣли примѣниться къ походнымъ невзгодамъ, и полкъ дошелъ благополучно; по крайней мѣрѣ полковыя вѣдомости того времени даютъ довольно обыкновенныя цифры убыли и въ людяхъ и въ лошадяхъ ([19]).

Въ Уразовѣ Нижегородцы узнали, что полкъ назначенъ въ составъ Кубанскаго корпуса, которымъ командовалъ Суворовъ, и эскадронамъ велѣно стоять въ полной готовности къ военному походу ([20]). Походъ этотъ получилъ великое значеніе въ исторіи полка. Воронежъ и Уразово оказались простыми станціями, этапами на пути къ кавказскимъ горамъ, гдѣ полкъ ожидало почти столѣтнее боевое поприще.

Таковы внѣшніе факты, совершившіеся въ Нижегородскомъ полку со времени турецкой войны до появленія его на Кавказѣ. Но за ними скрывался знаменательный фактъ жизни внутренней, духовной, широкое развитіе въ полку тѣхъ свойствъ, которыя закалили его къ боевой дѣятельности въ совершенно новыхъ условіяхъ. Кавказъ съ его предгоріями представлялъ арену борьбы съ искони-воинственными, свободными наѣздниками, въ которой совершенно непримѣнимы были боевые нѣмецкіе пріемы, вкравшіеся въ русскую армію со временъ Анны Іоанновны, и въ которой нѣмецкая муштровка и выправка были бы даже серьезною помѣхой. Черкесъ, подчиняясь въ бою общему предводителю, сохранялъ за собою всю свою самостоятельность, могъ предпринимать на свой рискъ и страхъ самыя смѣлыя задачи, появлялся тамъ, гдѣ его не ожидали, исчезалъ въ тотъ самый моментъ, когда ждали отъ него нападенія. Къ тому же онъ шелъ въ бой съ фаталистической вѣрой въ неизбѣжность судьбы, и былъ потому безтрепетно мужественъ. Съ такимъ противникомъ могъ состязаться не машинальный исполнитель приказаній, а только мужественный, отважный и свободный человѣкъ. Противъ страстныхъ, пылкихъ, стремительно-бѣшеныхъ натисковъ горцевъ нужны были не затянутыя таліи, не напудренныя головы, не равненіе и стройная маршировка съ вытягиваніемъ носка, а индивидуальное развитіе бойца, умѣнье постоять за себя въ одиночку, личная инициатива, не выходящая изъ предѣловъ только самой необходимой дисциплины, быстрота соображеній, смѣлость мысли, рѣшимость, находчивость и безграничное самоотверженіе,—чего не могла дать никакая нѣмецкая формалистика. И тѣ послѣдніе годы, которые провелъ полкъ на родинѣ, даже расквартированіе его по 92 деревнямъ въ глухомъ Оренбургскомъ краѣ, остались не безплодными, способствуя исчез-

новенію въ солдатахъ гнета машинной выправки и развитію въ нихъ самодѣятельности.

Счастливымъ для Нижегородцевъ обстоятельствомъ было то, что общее направленіе тогдашнихъ реформъ какъ разъ совпадало съ этими требованіями предстоявшей полку боевой дѣятельности. Полковые командиры естественно являлись послѣдователями новыхъ возрѣній, и мы видѣли, какъ много сдѣлалъ, напр., Жихаревъ для развитія въ полку боевыхъ свойствъ, которыхъ искали Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, и прочныя основанія которымъ были заложены въ немъ еще Панинымъ и Кантемиромъ.

Вступая на новое поприще, Нижегородцы оставляли за собою цѣлый рядъ доблестныхъ дѣлъ и жертвъ на благо родины. Въ этихъ свѣтлыхъ историческихъ воспоминаніяхъ не послѣднее мѣсто занимали тѣ благородныя личности, которыя вели полкъ по тяжелому, но свѣтлому пути, каковы Панинъ, Кантемиръ, а можетъ быть и другіе, имена которыхъ не сохранила исторія.

Всемогущее время, новыя впечатлѣнія и новыя доблестныя дѣла мало по малу стирали изъ памяти потомковъ эти дорогія воспоминанія. Но Нижегородцамъ, на ихъ пути къ неизвѣстному будущему, посчастливилось сохранить у себя и вещественные знаки о той прожитой старинѣ, о тѣхъ временахъ, когда полкъ ходилъ и въ Польшу и въ Турцію на защиту своихъ единовѣрцевъ.

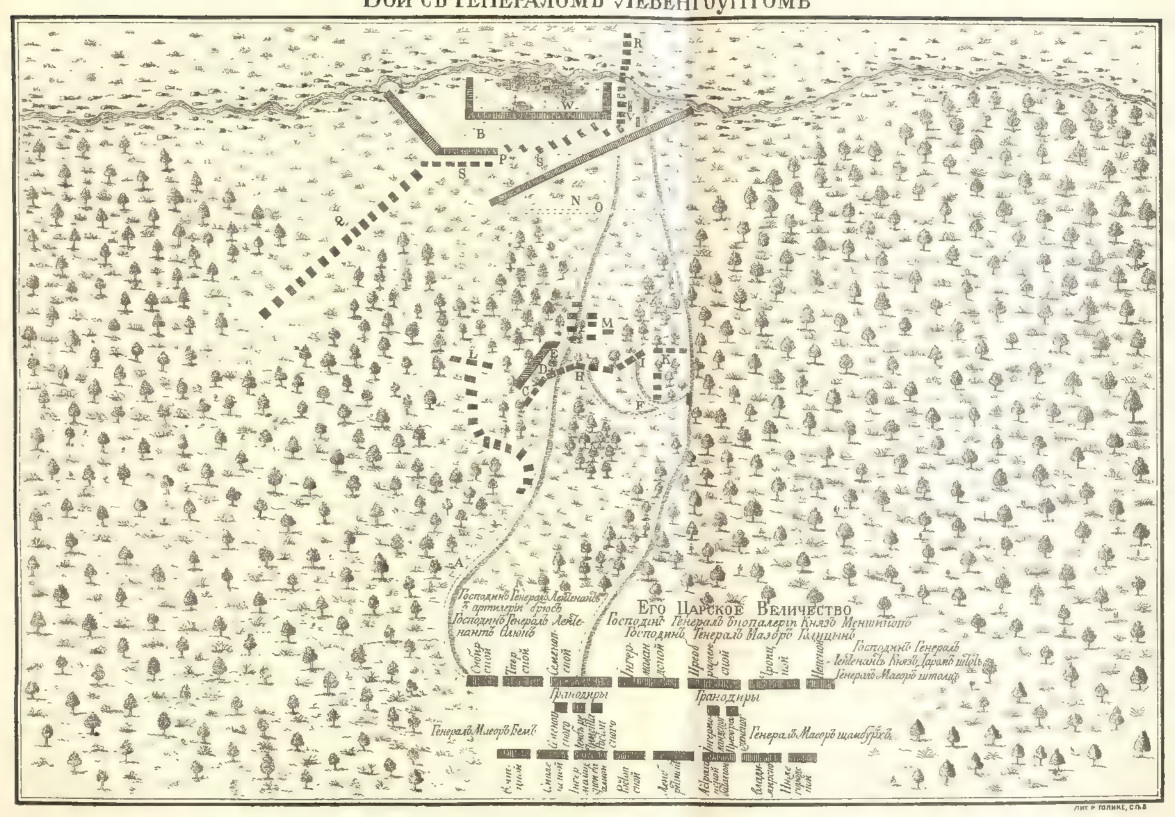
На коврѣ изъ краснаго сукна, среди знаковъ отличій и священныхъ реликвій полка, окружающихъ портретъ Государя, почетное мѣсто понынѣ занимаютъ панинскія трубы, оставленныя Нижегородцамъ ихъ старымъ командиромъ. Внизу, подъ ковромъ, у подножія штандартовъ, стоятъ его же литавры.

Было время, когда и трубы и литавры эти употреблялись полкомъ въ строю, сопровождали его въ походахъ; но это было давно, такъ давно, что не запомнятъ даже самыя старыя полковыя преданія. По всей вѣроятности, они получили значеніе полковыхъ историческихъ памятниковъ съ тѣхъ поръ, какъ литавры совсѣмъ были отмѣнены въ полкахъ армейской кавалеріи, а серебряныя трубы обратились въ регаліи, жалуемыя только монархами за боевыя отличія. Панинскія литавры, впрочемъ, не оставались въ

полку лишь безмолвными свидѣтелями прошлаго. Почти до нашихъ дней поддерживался старый обычай, по которому разъ въ годъ, въ день полкового праздника, онѣ торжественно выносились изъ мѣста своего хранилища, и превращались въ массивныя серебряныя чаши, вокругъ которыхъ собирались Нижегородцы. Въ этихъ чашахъ приготовлялась полковая жжовка. И кто знаетъ, можетъ быть этотъ своеобразный обычай получилъ свое начало еще въ тѣ времена, когда старые Нижегородцы, помнившіе по преданіямъ Панина, любили помянуть за чаркой своего доблестнаго командира. Во всякомъ случаѣ обычай поддерживалъ въ полку память о томъ, чье имя красуется на серебрѣ трубъ и литавръ.

Съ завѣтомъ своихъ незабвенныхъ руководителей на полѣ чести и самоотверженной дѣятельности, уже гордые сознаніемъ не даромъ пройденнаго пути, Нижегородцы и вступали на новый вѣковой путь служенія родинѣ—на Кавказѣ.

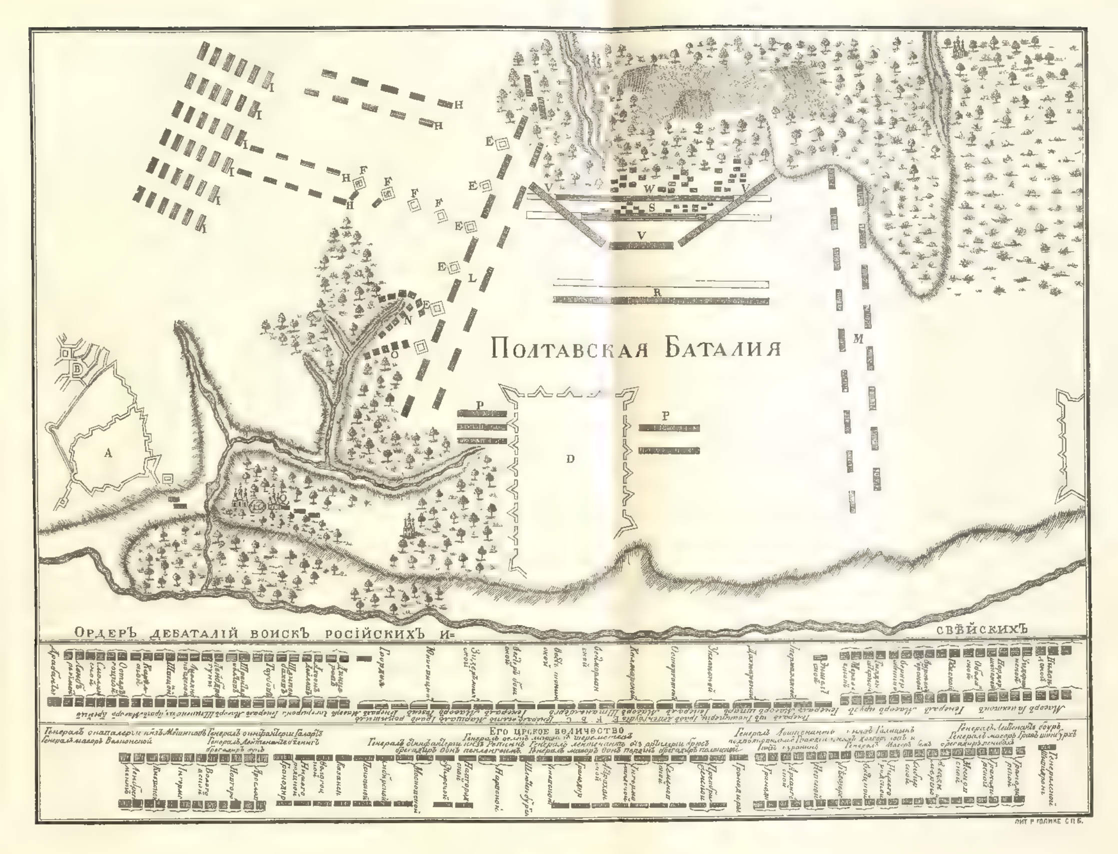
Бой съ Генераломъ Левенгоуптомъ



ЛИТ. Р. ГОЛИКЕ, СПБ.

Факсимиле

съ гравюры изданія 1713 года.



Факсимиле

съ гравюры изданія 1713 года.

Типо-Литографія Р. Голике С.П.Б.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) 45-й Драгунскій Сѣверскій Короля Датскаго полкъ сформированъ въ 1856 году изъ Нижегородскаго. Онъ имѣетъ тѣ же знаки отличія, что и Нижегородскій.

ГЛАВА I.

[1]) Переходъ Россіи къ регулярной арміи. Бобровскаго.

[2]) Полное Собр. Зак. Россійск. Имп. т. IV, ч. 1-я ст. 1811. Изд. 1830 г.

[3]) Жур. Петра В. часть 1-я ст. 26. У нѣкоторыхъ историковъ ошибочно говорится о сформированіи Петромъ только десяти драгунскихъ полковъ; ихъ было сформировано 12: 1) кн. Никиты Мещерскаго, 2) Семена Кропотова, 3) кн. Ивана Львова, 4) Мулина, 5) Афонасія Астафьева, 6) Новикова, 7) Полуэктова, 8) Дюмона, 9) Михаила Жданова, 10) Михаила Зыбина, 11) Дениса Девгерина и 12) Морелія. Кромѣ того были два прежде сформированные полка, названные впослѣдствіи Московскимъ и Кіевскимъ; всего было 14 драгунскихъ полковъ.

[4]) Хроника Рос. Импер. арміи. Сказки Нижегородскаго полка за 1721 годъ: формуляры Романова, Ушакова и др.

[5]) Жур. Петра В. часть 1-я и сказки Нижегородскаго п. Въ Хроникѣ Россійской Императорской арміи ошибочно сказано, что Нижегородскій полкъ именовался первоначально полкомъ Жданова. Въ хроникѣ же драгунскихъ полковъ, хотя полкъ и названъ Морелія, но сформированіе его ошибочно приписывается князю Голицыну изъ рекрутъ, набранныхъ въ Низовыхъ городахъ.

[6]) Письмо Шереметева къ Петру 19 іюня 1701 г. Изд. 1778 г.

[7]) Тамъ же.

[8]) Тамъ же.

[9]) Письмо Шереметева къ Петру 11 декабря 1701 года.

[10]) Письма и бумаги Петра В. изд. Бычкова. Докладъ и письмо Шереметева въ 1702 году.

[11]) Тамъ же.

[12]) Тамъ же.

[13]) Истор. описаніе одежды и вооруженія рус. войскъ. Висковатова.

[14]) Тамъ же.

[15]) Тамъ же.

[16]) Тамъ же.

[17]) Тамъ же.

[18]) Сказки Нижегородскаго полка.

[19]) Письма и бумаги Петра В. изд. Бычкова.

[20]) Тамъ же.

[21]) Въ письмахъ своихъ къ Петру съ береговъ Ижоры Апраксинъ жалуется на недостатокъ конницы. «А у меня, Государь», пишетъ онъ, «всего драгунъ Александрова полку Малины 700 человѣкъ не полно, а остальные пѣши». (Письма и бумаги Петра В.) Это могло бы дать поводъ къ сомнѣнію въ томъ,—участвовалъ ли полкъ Морелія въ дѣлахъ на Тоснѣ и Ижорѣ; но, во-первыхъ, это положительно подтверждается сказками Нижегородскаго полка (Егора Ушакова, Ирецкаго и др), а во-вторыхъ, драгунскаго полка «Малины» не было; въ Ладогѣ же, подъ начальствомъ Апраксина, стояли полки Морелія и Девгерина. Искаженіе фамиліи перваго изъ нихъ мы встрѣчаемъ даже въ журналѣ Петра, а потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и въ письмо Апраксина оно могло попасть въ искаженномъ видѣ. Еще не вполнѣ сформированный, полкъ Морелія могъ выступить въ походъ и въ числѣ 700 коней; Девгеринъ же, по всей вѣроятности не могъ вывести и этого,—иначе Апраксинъ не писалъ бы Петру, что Девгеринъ думаетъ не о полку, а только о своихъ прибыткахъ.

[22]) Жур. Петра В.

[23]) Письма и бумаги Петра В.

[24]) Тамъ же

[25]) Тамъ же и книга «Марсова» стр. 21.

[26]) объ участіи полка въ этомъ походѣ говорятъ сказки Петра Колюбакина и др. и жур. Петра В. ч. 1, стр. 68.

[27]) Письма и бумаги Петра В. Сказки: Ушакова, Арбузова, Чоглокова, Колюбакина и др.

[28]) Сказка прапорщика Кузьмы Юренева.

[29]) Жур. Петра В. ч. 1 стр. 72.

[30]) Письма и бумаги Петра В.

[31]) Висковатовъ. Описаніе одежды и вооруженія рус. войскъ.

[32]) Жур. Петра В. ч. 1, стр. 78.

[33]) Письма и бумаги Петра.

[34]) Тамъ же.

[35]) Жур. Петра В. ч. 1, стр. 78.

[36]) Тамъ же стр. 48 и 81.

[37]) Бумаги и письма Петра.

[38]) Изъ книги «Марсова» видно, что драгунскіе полки Горбова и Остафьева переодѣты были шведами, полкъ Флуга защищалъ лагерь, а Ренне поставленъ былъ въ засаду.

[39]) Жур. Петра В.

[40]) Тамъ же стр. 95. Сказки: Висленева, Ирецкаго и др.

[41]) Исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ вѣкѣ Бутурлина т. 1, стр. 296. Бумаги и письма Петра.

[42]) Журналъ Петра В.

[43]) Книга Марсова стр. 37.

[44]) Жур. Петра В.

[45]) Тамъ же.

[46]) Исторія русской кавалеріи Иванова.

[47]) Переходъ Россіи къ регулярной арміи Бобровскаго.

ГЛАВА II.

[1]) Сказка Нижегородскаго полка. Въ перечнѣ боевыхъ потерь сказано: Въ дѣлѣ подъ Шадовымъ въ полку утеряно 11 фузей, пара пистолетовъ, 17 шпагъ и 12 сѣделъ съ уборомъ.

[2]) Изъ сказокъ Ивана Антонова, Егора и Романа Ушаковыхъ и капитана Чоглокова узнаемъ, что всѣ эти лица находились «на баталіяхъ подъ Кейданами и Клаванами, а Романъ Ушаковъ ходилъ противъ шведовъ и съ партіей, высланной изъ Кейданъ съ маіоромъ Грызхомъ».

[3]) Сказки Ивана Антонова, Егора и Романа Ушаковыхъ. У послѣдняго сказано съ точностію, что «находился съ полкомъ въ партіи бригадира Флуга подъ Митавою, когда атаковали оную».

[4]) Сказки Ивана Антонова и Афонасія Висленева. Уронъ въ обоихъ полкахъ Горбова и Шомбурга показанъ общею цифрой: 2 офицера и 50 нижнихъ чиновъ.

[5]) Бумаги и письма Петра В.

[6]) Сказки. Изъ вѣдомости о боевой и вещевой убыли полка видно, что при дѣйствіяхъ подъ Гродно «въ различныхъ партіяхъ побито и взято непріятелемъ: лошадей драгунскихъ 18, фузей 34, шпагъ 37 и сѣделъ съ уборомъ 38.

[7]) Письма и бумаги Петра В.

[8]) Относительно сраженія подъ Калишемъ встрѣчаются любопытныя замѣтки въ сказкахъ поручика Ушакова и капитана Чоглокова, изъ которыхъ первому «пожалованъ за оную баталію рубль», а второму данъ «золотой портретъ». Изъ вѣдомости о боевой и вещевой убыли видно, что подъ Калишемъ въ полку убито 36 лошадей, да утрачено: 17 фузей, двѣ пары пистолетовъ, 9 шпагъ и 10 сѣделъ съ уборомъ.

[9]) Письма и бумаги Петра В.

[10]) Тамъ же.

[11]) Висковатовъ: Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ.

[12]) По вѣдомости о вещевой и боевой убыли видно, что подъ Ченстоховымъ, кромѣ 12 лошадей, въ полку утеряно: 13 фузей, пара пистолетовъ, 9 шпагъ и 13 сѣделъ съ уборомъ. «Да въ разныхъ мѣстахъ», прибавляетъ вѣдомость, «отъ польскихъ стрѣльчиковъ убито лошадей драгунскихъ 5, въ полонъ взято вмѣстѣ съ драгунами 2, и въ партіи съ маіоромъ Бальмеромъ побито 4.

[13]) Сказки капитана Егора Ушакова и прапорщика Кузьмы Юренева.

[14]) Хроника Россійской Императорской арміи.

[15]) Полковыя дѣла и сказки за 1721 годъ.

[16]) Висковатовъ. Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ.

[17]) Въ вѣдомости о вещевой и боевой убыли сказано, что, кромѣ 54 лошадей, въ полку утеряно: 42 ружья, 4 пары пистолетъ, 47 шпагъ и 37 сѣделъ съ уборомъ. Сказки: капитана Ушакова, поручика Нижегородскова и квартермистра Ивана Антонова; послѣдній отмѣчаетъ, что подъ Головчинымъ былъ съ принцемъ Дармштадтскимъ.

[18]) Сказка прапорщика Самуила Баринова.

[19]) Сказка Егора Ушакова и вѣдомость о вещевой и боевой убыли полка.

[20]) Книга «Марсова» стр. 61. Съ Петромъ были драгунскіе полки: Нижегородскій, Невскій, Владимірскій, Троицкій, Тверской, Сибирскій, Ростовскій, Смоленскій, Вятскій и Лейбъ-Регименть.

[21]) Походный жур. Петра В.

[22]) Сказки и вѣдомость о вещевой убыли полка; въ послѣдней говорится, что, кромѣ лошадей, въ полку утрачено 48 ружей, 49 шпагъ и 67 сѣделъ съ полнымъ приборомъ.

[23]) Жур. Петра В. стр. 169.

[24]) Сказки поручика Романа Ушакова и аудитора Гаврилы Калительскаго.

[25]) Сказки Ивана Антонова, Петра Колюбакина и др.

[26]) Сказки Ивана Антонова, Егора Ушакова и др. Въ вѣдомости же о боевой и вещевой убыли сказано: «Декабря 30, въ партіи съ подполковникомъ Шевалье, убито въ полку лошадей драгунскихъ 11, да утеряно: ружей 5, шпагъ 7 и сѣделъ съ уборомъ 5».

[27]) Сказки Егора Ушакова, Ивана Антонова и др.

[28]) Тамъ же.

ГЛАВА III.

[1]) Сказки Нижегородскаго полка. Формуляръ Чернышева.

[2]) Одна изъ требовательныхъ вѣдомостей 1711 года подписана: «командиръ полка полковникъ Шишкинъ».

[3]) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго, записанныя деньщикомъ его Нартовымъ. Ж. В. Уч. З. т. 42.

[4]) Жур. Петра В. стр. 194.

[5]) Планъ Полтавской битвы, приложенный къ книгѣ «Марсова».

[6]) Сказка полковаго каптенармуса Абрама Антонова.

[7]) Записки Желябужскаго. Письмо Петра къ Царевичу Алексѣю, Ж. В. У. З. т. 50.

[8]) Обзоръ Сѣверной Войны Карцева.

[9]) Въ журналѣ Петра В. стр. 197 сказано: «На лѣвый флангъ посланъ гетманъ Скоропадскій съ казаками и тѣми драгунскими полками, которые не были еще въ этотъ день въ дѣлѣ». А такъ какъ Нижегородцы уже участвовали въ кавалерійскомъ бою у редутовъ, то очевидно должны были находиться на правомъ флангѣ, у Боура.

[10]) Біографія Шереметева. Жур. В. У. З. т. 30.

[11]) Жур. Петра В.

[12]) Сказки Висленева и Ушакова. По вѣдомости же вещевой и боевой убыли полка показано утраченными: фузей 27, пистолетовъ 2 пары, шпагъ 21 и сѣделъ съ уборомъ 35.